

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 75
№ 11 (192) 2022
НОЯБРЬ

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

К вопросу о доверии
в гражданском праве

Эволюция развития
и современное состояние
административно-правового
режима образовательной
миграции в Российской
Федерации

Место семьи в правовом
пространстве: юридическая
характеристика
семьи в Российской
Федерации и в отдельных
зарубежных государствах
(нормотворческий опыт
и проблемы)

На пути
к когнитивно-цифровой
концептуализации
понятия факта

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КСЕНОФОНТОВА Дарья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЕШЕ-ГОЛОВКО Карин — доктор публичного права (Франция), президент Комитас Генциум Франция–Россия,

приглашенный профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, PTB, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной

власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 75
№ 11 (192)
ноябрь 2022

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государ-

ственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 09.11.2022
Объем 18,01 усл. печ. л. (14,48 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Daria S. KSENOFONTOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Family and Housing Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Karine BECHET-GOLOVKO — Doctor of Public Law (France), President of the Comitatus Gentium France-Russie, Visiting Professor of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS),

University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA

Scientific Journal of Law

Vol. 75
№ 11 (192)
November 2022

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

09.11.2022
Volume: 18,01 conventional printer’s sheets (14,48 author’s sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Аюшеева И. З., Соيفер Т. В. К вопросу о доверии в гражданском праве	9
Ибадова Л. Т. Правовые последствия недостаточности денежных средств на банковских счетах клиентов	21
Ульянова М. В. Право ребенка выразить свое мнение: содержание, порядок и пределы осуществления	31

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Глухов Е. А. Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности	42
Жеребцов А. Н. Эволюция развития и современное состояние административно-правового режима образовательной миграции в Российской Федерации	55
Лулева Е. В. Правовые запреты и ограничения в обеспечении рационального природопользования	67
Спиридонов П. Е. Публичное управление в период правового постмодернизма	79

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

Корнев А. В., Королева Е. В. Экономический суверенитет в контексте современных моделей экономики	90
Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы)	100

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека	112
Евсиков К. С. Цифровая трансформация альтернативного разрешения споров	120
Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений	131
Пржиленский В. И. На пути к когнитивно-цифровой концептуализации понятия факта	149

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Ayusheeva I. Z., Soyfer T. V.** The Issue of Trust in Civil Law 9
- Ibadova L. T.** Legal Consequences of Insufficient Funds on Customers' Bank Accounts 21
- Ulyanova M. V.** The Right of the Child to Express Opinion:
Content, Procedure and Limits of Implementation 31

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Glukhov E. A.** Legal Aspects of Managing Organizational
Interaction in Defense and Military Security 42
- Zherebtsov A. N.** Evolution of Educational Migration Development
and Current State of Administrative and Legal Regime
of Educational Migration in the Russian Federation 55
- Luneva E. V.** Legal Prohibitions and Restrictions
in Ensuring Rational Use of Natural Resources 67
- Spiridonov P. E.** Public Administration in the Time of Legal Postmodernism 79

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Kornev A. V., Koroleva E. V.** Economic Sovereignty in the Context of Modern Economic Models 90
- Rabets A. M.** The Place of Family in the Legal Space:
Legal Characteristics of Family in the Russian Federation
and in Some Foreign Countries. Rule-Making Experience and Problems 100

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Dobrobaba M. B.** Deepfakes as a Threat to Human Rights 112
- Evsikov K. S.** Digital Transformation of Alternative Dispute Resolution 120
- Nikishin V. D.** Harmful Information in Internet Media:
The «Overton Window» and Destructive Network Content Interrelationships 131
- Przhilenskiy V. I.** On the Way to Cognitive-Digital Conceptualization of the Concept of Fact 149

ЧАСТНОЕ ПРАВО JUS PRIVATUM

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.009-020

И. З. Аюшеева*,
Т. В. Сойфер**

К вопросу о доверии в гражданском праве

Аннотация. Трансформация общественной жизни, в том числе под влиянием процессов цифровизации и расширения возможностей удаленного взаимодействия, предопределяет изменение существенных особенностей доверия, условий его формирования и выражения. Сегодня приоритетной задачей становится создание в цифровой сфере и вне ее среды доверия, обеспечивающей прогресс и развитие общества. Этому могут способствовать различные гражданско-правовые механизмы, в числе которых последовательная реализация принципа добросовестности, развитие института деловой репутации, формирование гражданско-правовых сообществ, включая виртуальные с особым характером взаимосвязей, совершенствование и расширение использования технологии блокчейн. Создание среды доверия должно способствовать реализации общедозволительного метода гражданско-правового регулирования отношений, в том числе возникающих в цифровой сфере. Определенные сложности связаны с тем, что понятие доверия в действующем законодательстве не раскрывается. Категория доверия в гражданском праве обычно рассматривается в узком смысле — применительно к случаям возникновения лично-доверительных отношений между субъектами при совершении ими фидуциарных сделок, хотя гражданскому праву известны также понятия фидуциарной собственности, фидуциарных обязанностей и ответственности. Доверие между участниками оборота предполагается, однако его низкий уровень влечет риски, связанные с выбором контрагента. В этой связи судебной практикой вырабатывается стандарт осмотрительного поведения, ожидаемого от разумного участника в сравнимых обстоятельствах, который учитывается в налоговых правоотношениях. Представляется, что в перспективе гражданское законодательство и судебная практика должны идти по пути совершенствования механизмов воздействия на общественные отношения, способствующих формированию среды доверия и защите участников гражданского оборота от недобросовестных и незаконных действий.

Ключевые слова: доверие; фидуциарная сделка; фидуциарная обязанность; добросовестность; цифровизация; кредитор; веритель; деловая репутация; должная осмотрительность; контрагент.

Для цитирования: Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о доверии в гражданском праве // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 9–20. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.009-020.

© Аюшеева И. З., Сойфер Т. В., 2022

* Аюшеева Ирина Зориктуевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aiusheeva@gmail.com

** Сойфер Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
tsoyfer@yandex.ru

The Issue of Trust in Civil Law

Irina Z. Ayusheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aiusheeva@gmail.com

Tatiana V. Soyfer, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
tsoyfer@yandex.ru

Abstract. Public life transformation, including transformation caused by digitalization processes and expansion of remote interaction capabilities, determines changes in essential features of trust and conditions for its formation and manifestation. Today, the priority task is to create an environment of trust in the digital sphere and beyond it to ensure progress and social development. Various civil law mechanisms can contribute to this, including consistent implementation of the principle of good faith, development of the institute of business reputation, formation of civil law communities, including virtual ones with a special nature of interconnections, improvement and expansion of the use of blockchain technology. Trust formation should contribute to the implementation of a generally permissive method of civil law regulation of relations, including those arising in the digital sphere. Certain difficulties are associated with the fact that the concept of trust is not disclosed in the current legislation. The category of trust in civil law is usually considered in a narrow sense in relation to cases of personal trust relations between subjects when they make fiduciary transactions, although civil law also knows the concepts of fiduciary property, fiduciary duties and responsibility. Trust between the participants of the civil turnover is assumed, but its low level entails risks associated with the choice of a counterparty. In this regard, judicial practice develops a standard of prudent behavior expected from a reasonable participant in comparable circumstances, which is taken into account in tax legal relations. In the future, civil legislation and judicial practice should follow the path of improving the mechanisms of influencing public relations, contributing to the formation of an environment of trust and protection of participants in civil turnover from unfair and illegal actions.

Keywords: trust; fiduciary transaction; fiduciary duty; integrity; digitalization; creditor; verifier; business reputation; due diligence; counterparty.

Cite as: Ayusheeva IZ, Soyfer TV. K voprosu o doverii v grazhdanskom prave [The Issue of Trust in Civil Law]. *Lex russica*. 2022;75(11):9-20. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.009-020. (In Russ., abstract in Eng.).

Доверие является важнейшей категорией, выступающей основой существования общества, обеспечивающей его самоорганизацию и развитие, установление социальных связей и их реализацию. В зависимости от механизмов формирования, выполняемых социально-психологических функций и иных факторов принято выделять различные виды доверия¹. При этом трансформация общественной жизни под влиянием объективных обстоятельств и современных тенденций предопределяет изменение сущностных особенностей доверия, условий его формирования и выражения. На современном этапе значительное влияние на категорию доверия оказывают процессы

цифровизации, предполагающие фиксацию и распространение данных в информационном пространстве. Новейшие технологии создают и всё более расширяют возможности удаленного общения и взаимодействия, в связи с чем сегодня приоритетной задачей становится формирование среды доверия в цифровой сфере и вне ее, обеспечивающей дальнейший прогресс и общественное развитие.

Доверие определяется как такое психическое состояние, в силу которого человек полагается на чье-либо авторитетное мнение, в связи с чем не осуществляет самостоятельное исследование вопроса, которое могло бы быть проведено². Понятие доверия раскрывается также

¹ См., например: *Леонова И. Ю.* Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 34–41.

² См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1893. 499 с. URL: <http://rudictionary.com/brokgause/Doverie-101687.html#gsc.tab=0> (дата обращения: 30.08.2022).

как уверенность в добросовестности, искренности какого-либо субъекта, в правильности чего-либо³. При этом доверие обычно разграничивается с такими внешне сходными категориями, как вера и уверенность. В отличие от доверия, находящегося в компетенции человеческого познания, вера имеет иррациональный характер и находится за рамками фактических и формально-логических доказательств. Что касается уверенности, то она рассматривается как сознание собственной силы, истинности своего знания и правоте собственного поведения⁴.

Феномен доверия в общественных отношениях является объектом для изучения различными, прежде всего гуманитарными, науками; особое внимание его исследованию уделяется в социологии, психологии, экономике, политологии. По мнению большинства ученых, человеческие сообщества зависят от взаимного доверия, нуждаются в нем и не могут возникнуть, если оно отсутствует⁵. При этом под доверием понимается возникающее у членов сообщества ожидание, что все его члены будут вести себя предсказуемо, честно, с вниманием к окружающим и их нуждам, в согласии с общепринятыми нормами (отдельно отмечается, однако, что в некоторых сообществах может быть ожидание поведения предсказуемого, но нечестного, и это может привести к дефициту доверия)⁶. Доверие также рассматривается в качестве своеобразного залога будущих неопределенных действий других лиц, а его столпами признаются знания, информация о партнере, личный опыт, связанный с доверием (психологический аспект), правила культуры. В литературе выделяют три конструктивных элемента, основы, на которых опирается формирование доверия, — отраженная честность, субъективное доверие и культура доверия⁷.

В юридической сфере доверие приобретает особое значение, поскольку основанные на доверии (или недоверии) отношения имеют место на всех уровнях правовой материи, определяют

как сущность права, так и его содержательно-функциональные и формальные проявления⁸. Соответственно, доверие в гражданском праве, как и в праве вообще, является одной из ключевых категорий, лежащих в основе правового регулирования общественных отношений. Тем не менее легальное определение данного понятия отсутствует.

Используемый законодателем термин «кредитор» (от лат. *credo* — «верю») синонимичен понятию «веритель», применявшемуся в дореволюционный период. По сути, кредитор выступает субъектом, который доверяется должнику, полагаясь на добросовестное исполнение им своего обязательства, что позволяет кредитору надеяться на удовлетворение своего права требования. Исходя из этого, в обязательственных отношениях взаимодействие сторон — кредитора и должника — выстраивается на основании согласия и доверия, предполагается их сотрудничество и компромиссы, должен соблюдаться цивилизованный деловой этикет. В процессе реформирования в 2015 г. общих положений обязательственного права в п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации было закреплено, что стороны обязательства при его установлении, исполнении и после прекращения должны действовать добросовестно, учитывать взаимные права и законные интересы, оказывать друг другу содействие, предоставлять необходимую информацию. Таким образом, принцип добросовестности, честности, солидарности и сотрудничества участников обязательственных отношений был закреплён нормативно и призван способствовать повышению уровня доверия в гражданском обороте. Разумеется, действие данного принципа не должно ограничиваться только сферой обязательственных отношений. Стабильность гражданского оборота в целом обеспечивается за счет добросовестного бесконфликтного поведения его участников, что служит основой общедозволительного режима правового регулиро-

³ См.: Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование: Оникс, 2012. 1375 с. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=6771> (дата обращения: 30.08.2022).

⁴ См.: Тихонова Ж. К. Соотношение категорий «доверие», «вера», «уверенность в правовой интерпретации» // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (140). С. 502.

⁵ Цит. по: Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. М. : Логос, 2012. С. 20.

⁶ См.: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ: Ермак, 2004. С. 52.

⁷ См.: Штомпка П. Указ. соч. С. 165.

⁸ См.: Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Норма: Инфра-М, 2020. С. 7.

вания⁹. Представляется, что в этом широком смысле доверие должно в той или иной мере присутствовать между субъектами любых гражданских правоотношений, в том числе вещных, корпоративных, личных неимущественных, в противном случае стабилизация оборота станет весьма затруднительной.

Категория доверия в гражданском праве обычно рассматривается в узком смысле — применительно к случаям, когда придается значение лично-доверительным отношениям между субъектами при совершении ими так называемых фидуциарных сделок. Однако сама категория и сущность фидуциарных сделок в науке определяются неоднозначно¹⁰. К примеру, зачастую высказываются сомнения относительно возможности признания фидуциарным договора поручения, который традиционно считается относящимся к соответствующей категории. При этом одни авторы указывают, что лично-доверительный характер присущ только договорам поручения с участием граждан и не свойственен отношениям между юридическими лицами¹¹. Другие полагают, что договор поручения в принципе не обладает признаками фидуциарной сделки в ее классическом понимании¹².

Наряду с фидуциарными сделками, в праве выделяются категории фидуциарной собственности, фидуциарных обязанностей и ответственности. Как указывают исследователи, в правовых системах общего права признается, что доверенное лицо (управляющий, агент, консультант и т.д.) несет в отношении доверителя особые фидуциарные обязанности, в частности обязанности заботливости, преданности и предоставления информации. Правила о фидуциарных обязанностях направлены прежде всего на защиту интересов доверителя, который является слабой стороной в возникающих отноше-

ниях. Отмечается, что категория фидуциарных обязанностей уже применяется в российском корпоративном праве (отношения директора и юридического лица), а также обосновывается возможность ее применения в обязательственном праве¹³.

Отличительными чертами фидуциарности признаются высокая степень доверия, повышенная уязвимость кредитора из-за затруднительности защитить свои права в будущем и обязанность должника действовать, исходя из лучших интересов бенефициара. При этом выделение фидуциарных обязанностей связывается со спецификой содержания правоотношения, а также ответственности должника. Отмечается, что фидуциарная ответственность имеет особенности в перераспределении бремени доказывания, в отказе от причинно-следственной связи между нарушением фидуциарной обязанности и возникшим ущербом и отказом от доказывания его суммы¹⁴.

Следует согласиться с тем, что в связи с совершением фидуциарных сделок в гражданском праве всё же придается значение лично-доверительным отношениям между конкретными субъектами, что влияет на содержание правоотношений и предопределяет возможность формирования специфических фидуциарных обязанностей, особенность которых проявляется в том числе в специфике ответственности за их нарушение. Здесь необходимо отметить, что в подобных случаях доверительные отношения между субъектами подразумеваются или уже существуют и дополнительная проверка надежности контрагента часто не требуется. Например, доверительный характер отношений представительства предполагается, поскольку представляемый, наделяя представителя полномочиями действовать от своего имени, выбирает заслуживающую доверия кан-

⁹ См. подробнее: *Голубцов В. Г.* Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // *Lex russica*. 2019. № 8. С. 37–50. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.037-050.

¹⁰ См.: *Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е.* Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // *Гражданское право*. 2017. № 3. С. 20–25.

¹¹ См.: *Гражданское право* : учебник : в 3 т. Т. 2 / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М., 2005. С. 645 (автор — М. В. Кротов).

¹² См.: *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая* : учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. М., 2010 (автор — Ю. В. Байгушева) ; *Парфенов Д. И.* К вопросу о доверительном характере договора поручения // *Политика и право*. 2007. № 8.

¹³ См.: *Махалин И. Н.* Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2020. № 1. С. 152–200.

¹⁴ См.: *Зикун И. И.* Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // *Вестник гражданского права*. 2017. № 3. С. 52–102.

дидатуру, заранее принимая последствия совершения представителем действий на основе предоставленных ему полномочий на свой счет.

Вне фидуциарных сделок, казалось бы, лично-доверительным отношениям не придается никакой роли, поскольку они утрачивают качество личных, а сама по себе степень доверия участников никак не влияет на правоотношения и на их содержание, на ответственность сторон. Наиболее точно эту ситуацию отражает правило: «Ничего личного, только бизнес». Однако, как отмечалось, доверие в той или иной мере должно присутствовать между субъектами любых гражданских правоотношений, иначе почти невозможной или существенно затруднительной станет их реализация из-за необходимости постоянного обращения к мерам государственного принуждения. При этом, безусловно, процесс формирования доверия и его характер не могут быть однородны в связи с различиями в категориях и статусе участников гражданских правоотношений.

В современных условиях развития новейших цифровых технологий, когда живое общение сведено к минимуму, личные связи между субъектами становятся всё менее тесными. Часто, вступая в правоотношения, участники лишены реальной возможности лично познакомиться с потенциальным контрагентом, проверить соответствие размещенных в информационной сети сведений реальности. Могут ли в таких условиях складываться доверительные отношения? Влияет ли степень доверия (высокая, средняя (обычная), низкая) на содержание правоотношений, условия и меры ответственности их сторон, основания освобождения от ответственности? Как взаимосвязаны категории доверия и риска, присутствующего при заключении и исполнении сделок в дистанционном формате? Способны ли институты гражданского права влиять на формирование среды доверия в обществе и, если это возможно, каким образом?

Доверительные отношения в условиях цифровизации приобретают особые качества, поскольку затрагивают не только близких и знакомых, но и неограниченный круг незнакомых друг с другом лиц. Например, в социальных сетях осуществляется взаимодействие

в виртуальной среде посторонних лиц; они ведут переписку, предоставляют информацию о своей семейной жизни, личных достижениях и проблемах и т.п. На страницы знаменитостей, популярных блогеров подписаны тысячи, а иногда и миллионы человек — фолловеров (от англ. follow — «следовать за кем-то»). Подписчики, доверяя блогеру, его авторитету и мнению, руководствуются его рекомендациями, в том числе касающимися необходимости приобретения товаров и услуг, что позволяет блогерам монетизировать свою деятельность, зарабатывая на размещаемой на своей странице рекламе.

В литературе отмечается, что в условиях снижения доверия к общественным и государственным институтам создание новой среды доверия на горизонтальном уровне является немаловажным для развития общества. Это изменение оценивается как революционное: происходит переход от локального (local) и институционального (institutional) доверия к распределенному (distributed) доверию в целом между членами общества¹⁵. Этот вид доверия имеет принципиально новый характер и квалифицируется как обусловленное, вынужденное доверие (enforceable trust). Технологии, обеспечивающие передачу значительных объемов информации и ресурсов, не предполагают ориентацию на индивидуальную честность и личные добродетели. Вынужденное доверие формируется на основе возможностей сетевого мира вынудить лицо соблюдать общие условия взаимодействия с другими, то есть возможностей группы регулировать поведение своих членов¹⁶. Эти особенности, в частности, влияют на установление и реализацию договорных связей в цифровой среде.

Представляется, что на современном этапе могут быть выделены различные степени доверия между участниками правоотношений — от высокого до низкого. На этой шкале наиболее высокий уровень доверия присутствует в отношениях, возникающих из фидуциарных сделок. Именно в рамках фидуциарных правоотношений появляются фидуциарные обязанности, предъявляются дополнительные требования к контрагентам, отношения между которыми носят личный характер. Сегодня такое понима-

¹⁵ *Botsman R.* Who can you trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart. New York : PublicAffairs, 2017. P. 7.

¹⁶ См.: *Барсукова С. Ю.* Вынужденное доверие сетевого мира // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Barsukova_2001_2.pdf (дата обращения: 05.09.2022).

ние доверия как фидуции известно науке гражданского права.

Очевидно, что совершаемые в условиях цифровой экономики сделки в правовом аспекте не могут признаваться фидуциарными автоматически, они не носят лично-доверительный характер, в связи с чем большую актуальность приобретает исследование категории доверия в широком смысле, когда речь идет не о личных отношениях, а о доверии между неограниченным кругом незнакомых лиц и влиянии этой категории на содержание гражданских правоотношений.

Как отмечалось, обычный уровень доверия между кредитором и должником в обязательственных правоотношениях подразумевается. Так, заключая с должником договор, кредитор доверяет ему, надеясь на надлежащее исполнение им своих обязанностей. Свобода договора предоставляет сторонам возможность выбора контрагента. При изначальном недоверии друг к другу лица могут отказаться от заключения договора. Если доверие со стороны кредитора присутствует и договор заключен, кредитор принимает на себя не только риск неисполнения должником своих обязательств, но и иные правовые риски.

Сегодня в праве существенное значение придается понятию должной осмотрительности при выборе контрагента. Последствия нарушения своих обязанностей должником, совершение неправомерных действий сторонами обязательства способны повлечь негативные последствия как в рамках гражданско-правовых отношений, так и в иных сферах, например в налоговых отношениях. Так, вверяя арендатору свое имущество во владение, арендодатель рискует утратить его навсегда: согласно ст. 302 ГК РФ, если имущество возмездно приобретено у арендатора, о чем добросовестный приобретатель не знал и не мог знать, то собственник не вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество выбыло из его владения по его воле. Выбытие имущества из обладания собственника по его воле подразумевается, если оно было передано на основании сделки как волевого акта. Соответ-

ственно, неосмотрительный выбор нечестного контрагента способен повлечь прекращение права собственности кредитора-арендодателя на принадлежащее ему имущество.

Проявление должной осмотрительности при выборе контрагента влияет на содержание правоотношений, возникающих в связи с уплатой налогов. В частности, суды признают неправомерным применение спорных налоговых вычетов, если будет установлено, что при выборе контрагента и заключении сделок налогоплательщик не проявил должную осмотрительность¹⁷.

В судебной практике предпринимаются попытки установить критерии определения должной степени осмотрительности при выборе контрагента. В связи с этим обращается внимание на соответствие цели сделки основному виду деятельности контрагента (например, если его основной вид деятельности в области права, а совершенная сделка связана с поставкой товара), на дату регистрации юридического лица — контрагента, наличие необходимых ресурсов для осуществления хозяйственной деятельности, отражение сделки в бухгалтерском учете. Имеет значение и личность руководителя — требует выяснения, реально ли руководитель осуществляет финансово-хозяйственную деятельность и подписывает документы от имени организации или нет и т.п.¹⁸

ФНС России определяет ненадежного контрагента (так называемую «фирму-однодневку») как юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации и т.д.¹⁹

Таким образом, известное выражение «доверяй, но проверяй» сегодня приобретает особое значение и влияет на содержание правоотношений. В этом смысле категории доверия и риска оказываются неразрывно связанными.

С одной стороны, высокий уровень доверия, когда отношения приобретают лично-доверительный характер, повышает уровень риска максимально, поскольку предполагает пере-

¹⁷ См., например: определение Верховного Суда РФ от 24.02.2022 № 305-ЭС21-23560 по делу № А41-64995/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См., например: определение Верховного Суда РФ от 18.10.2021 № 310-ЭС21-18218 по делу № А36-7108/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Письмо ФНС РФ от 11.02.2010 № 3-7-07/84 «О рассмотрении обращения» // Официальные документы. 2010. № 9.

дачу контрагенту больших полномочий и возможностей, повышает уровень ожиданий от его действий. Снизить соответствующие риски призваны нормы, возлагающие дополнительные права и обязанности на стороны в рамках фидуциарных сделок с высоким уровнем доверия. При этом также предполагается, что столь высокий уровень доверия связан с тем, что контрагенты знакомы лично, знают профессиональные и иные качества друг друга, а потому готовы принять и принимают на себя повышенный риск неисполнения взаимных обязательств.

В отношениях с обычным (средним) или низким уровнем доверия, когда отношения не носят личного характера или контрагенты мало знакомы друг с другом, риск выбора ненадежного контрагента остается высоким. При этом, как правило, специальные нормы, призванные минимизировать указанные риски, отсутствуют, а потому следует руководствоваться общими законодательными правилами. В условиях цифровизации при отсутствии личных связей между незнакомыми друг с другом контрагентами уровень доверия, как правило, не бывает высоким, сделки не могут носить фидуциарный характер.

Как преодолеть невысокий уровень доверия и минимизировать риски выбора ненадежного контрагента?

Выше отмечалось наличие научных мнений о присутствии в основе доверия трех элементов: знаний, то есть информации о партнере; личного опыта, связанного с доверием; правил культуры.

В обычных отношениях между контрагентами наиболее важной является их проверка, получение информации о будущем партнере. Так, судебная практика по налоговым спорам исходит из того, что оценка проявления налогоплательщиком должной осмотрительности при выборе контрагента осуществляется исходя из

стандарта осмотрительного поведения в гражданском обороте, ожидаемого от его разумного участника в сравнимых обстоятельствах²⁰.

В гражданском законодательстве закреплён принцип добросовестности, а также презумпция добросовестности участников гражданского оборота и разумности их действий, что может существенно способствовать повышению уровня доверия между участниками гражданских правоотношений.

В доктрине отмечается, что в настоящее время правопонимание отходит от позитивистского подхода, основным методом толкования законов становится объективно-теологический метод, основанный на восприятии ценностей и потребностей общества, когда суды связаны не только законом, но и правовыми принципами и устоявшимися в обществе представлениями о справедливости²¹. В этом смысле закрепление принципа добросовестности в определенной степени должно влиять на изменение культуры поведения субъектов права, отход от распространенного когда-то правила торговли «не обманешь — не продашь»²².

Закрепление принципа добросовестности в отечественном гражданском праве, его конкретизация в п. 3 ст. 307 ГК РФ применительно к обязательственным отношениям привели к возрастанию значимости судебного толкования данных норм-принципов, оценке поведения сторон в каждом рассматриваемом деле не только исходя из буквы закона, но и в соответствии с морально-нравственными ценностями современного общества.

В связи с отсутствием в ст. 1 ГК РФ легального определения принципа добросовестности в судебной практике вырабатывается подход к его определению как одного из важнейших принципов гражданского права. В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой

²⁰ См., например: определение Верховного Суда РФ № 307-ЭС19-27597 от 14.05.2020 по делу № А42-7695/2917 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4440dcb6-6f3f-450d-9b27-881c3894fd9c/c09e7a87-550d-4707-819a-92ea6b3299ac/A42-7695-2017_20200514_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 06.09.2022).

²¹ Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Е. Богданова. М. : Проспект, 2018. С. 20 (автор главы — Е. Е. Богданова).

²² «В семидесятих годах еще практиковались бумажные подметки, несмотря на то, что кожа была недорога, но уж таковы были девизы и у купца и у мастера: “на грош пятаков” и “не обманешь — не продашь”» (Гиларовский В. А. Москва и москвичи. М. : Азбука, 2020. 448 с. (гл. «Под Китайской стеной»)).

Гражданского кодекса Российской Федерации»²³ добросовестным признается поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. При этом поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным по инициативе суда, даже если стороны не заявляли об этом, несмотря на закрепленную в законе презумпцию добросовестности. Суд вправе применить меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны.

Добросовестность из абстрактной этической категории в судебной практике превращается в критерий правомерности поведения субъектов гражданского права, что возлагает дополнительную ответственность на всех участников оборота, а также на суд, который оценивает и определяет параметры добросовестного поведения, исходя не из буквального толкования действующих норм, а в соответствии со сложившимися в обществе морально-этическими правилами поведения, нравственными устоями, представлениями о добре и зле²⁴. При этом данную возможность не следует отождествлять с безграничной свободой судебного усмотрения, с возможностью по собственному желанию или для удобства применять или не применять этот принцип при разрешении конкретных дел. Наоборот, оценка поведения сторон в качестве добросовестного или недобросовестного должна присутствовать при рассмотрении каждого дела, что возлагает дополнительные обязанности на суд и предъявляет повышенные требования к личности судьи, который должен обладать соответствующими нравственными качествами, позволяющими давать морально-этическую оценку поведению сторон, анализировать и оценивать необходимые доказательства, способствовать минимизации в обществе вариантов недобросовестного поведения субъектов гражданского права. Нечестное, недобро-

совестное поведение должно влечь для субъектов такие риски, которые бы нивелировали возможную сиюминутную выгоду от него, что будет способствовать стабилизации гражданского оборота и формированию среды доверия среди всех его участников. Решение этой задачи имеет существенное значение для развития социально-экономических отношений, особенно в условиях цифровизации, когда субъекты вступают в гражданские правоотношения дистанционно, посредством технологических цифровых платформ, а потому не могут оценить поведение контрагента в реальной жизни. И судебная практика играет в этом процессе ключевую роль.

Отношения, связанные с получением сведений о контрагенте до заключения договора, сегодня в определенной степени урегулированы нормами гражданского законодательства о переговорах о заключении договора (ст. 434.1 ГК РФ). Еще на стадии выработки направлений реформирования гражданского законодательства²⁵ подчеркивалась необходимость в целях предотвращения недобросовестного поведения на стадии переговоров о заключении договора предусмотреть в ГК РФ для отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, специальные правила о так называемой преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*).

В настоящее время положения, касающиеся регулирования отношений, связанных с привлечением сторон переговоров к ответственности на стадии до заключения договора, в том числе за предоставление недостоверной информации, включены в общую часть договорного права и применимы к любым субъектам, имеющим намерение заключить договор, а не только к предпринимателям (исключение в соответствии с п. 6 ст. 434.1 ГК РФ могут составлять граждане-потребители).

Что касается цифровой среды, то низкий уровень доверия в ней связан с наличием в виртуальном пространстве достаточно боль-

²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

²⁴ Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М. : Норма, Инфра-М, 2016. С. 10 (автор главы — Е. Е. Богданова).

²⁵ См.: п. 7.7 разд. V Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

шого количества недостоверной информации, «фейковых» аккаунтов и пр. Не всегда можно удостовериться в том, что контрагент реально существует, действует под собственным именем, его страница не взломана мошенниками. К примеру, весьма распространены в сети Интернет случаи взлома чужой страницы с целью дальнейшей рассылки друзьям сообщений с просьбой о пожертвовании денежных средств на определенные цели. Часто встречаются аккаунты, имя владельца которых не раскрывается либо является вымышленным. В связи с этим одной из основных и наиболее значимых задач является обеспечение условий для формирования и поддержания необходимого уровня доверия, повышающего активность лиц и снижающего уровень риска при совершении ими сделок в цифровой сфере.

В условиях цифровизации в целях формирования необходимого между лицами доверия используются особые средства. Так, проверка потенциального контрагента может сводиться к изучению его рейтинга (оценки) на информационной платформе. Указанный рейтинг основывается на отзывах об исполнителе, о продавце и предлагаемых им товарах. Собственный рейтинг могут иметь заказчик, покупатель — потребитель товара или услуги. Например, в онлайн-сервисах такси оценки выставляются как водителю, так и пассажиру. Новичку в некоторых случаях оказывают кредит доверия, выставляя высокие оценки, которые в дальнейшем корректируются в зависимости от реальных оценок потребителей. Пассажиры с высоким рейтингом имеют больше шансов заключить договор с наиболее опытным и вежливым водителем. В свою очередь, водители с высоким рейтингом имеют больше возможностей при распределении заказов. Например, согласно правилам сервиса «Яндекс.Такси» наличие определенного рейтинга требуется для получения заказов в тарифах выше, чем «Эконом»²⁶.

В мировой практике реализуется идея установления рейтинга для каждого участника пра-

воотношений, определяющего его правовой статус. Например, в Китае введен социальный рейтинг для физических и юридических лиц. Как отмечается в литературе, подобная система успешно работает при совокупности определенных условий (оцифровка большей части повседневной жизни гражданина, налаженный информационный обмен между источниками данных и единым центром их обработки, доверие граждан). В отечественном законодательстве содержится запрет на принятие решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта или иным образом затрагивающих его права и законные интересы, лишь на основании автоматизированной обработки персональных данных, за исключением некоторых случаев²⁷. Думается, при оценке поведения лиц, составлении различных рейтингов важнейшим является создание режимов, позволяющих исключить возможности нарушения принципа равенства субъектов гражданского права, необоснованного ограничения их гражданских прав, ущемления личных неимущественных прав, в частности на честь, достоинство, деловую репутацию.

На современном этапе уже выделяется категория «цифровое доверие» (digital trust), под которым понимается уверенность в создании безопасного цифрового мира²⁸, и реализуются мероприятия в целях формирования единой цифровой среды доверия. В их числе деятельность в направлении необходимой детальной регламентации правового статуса удостоверяющих центров и унификации требований к универсальной усиленной квалифицированной электронной подписи; расширения возможностей и способов идентификации; регламентации сделок, совершаемых в электронной форме и т.п.

Необходимо также учитывать, что в условиях цифровизации процесс взаимодействия существенно упрощается за счет использования специализированных технологических платформ, которые обеспечивают возможность совмест-

²⁶ URL: <https://pro.yandex.ru/ru-ru/moskva/knowledge-base/service-taxi/app/raiting> (дата обращения: 07.09.2022).

²⁷ См.: ст. 16 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

²⁸ *Frenehard T.* Building Digital Trust: What Does It Really Mean? // URL: <https://www.digitalistmag.com/finance/2019/10/29/building-digital-trust-what-does-it-really-mean-06201132/> (дата обращения: 30.08.2022); *Aiushheeva I. Z., Soyfer T. V.* Formation of the Environment of Confidence in Sharing Economy: Problems of Civil Regulation in Russia // *Independent Journal of Management & Production (IJM&P)*. V. 13, No. 4, Special Edition CIMEE — June 2022. P. s536–s559.

ного открытого потребления личных активов практически неограниченным кругом лиц. Это не только требует высокого уровня доверия в обществе, но и становится основой для его последующего роста²⁹. Чем больше пользователей имеют опыт успешного сотрудничества на базе новых технологий, тем большее число лиц впоследствии присоединяется к сообществу, сформированному цифровым сервисом.

Таким образом, сегодня формированию необходимого уровня доверия в общественных отношениях, в том числе в цифровой среде, могут способствовать, наряду с прочими, механизмы гражданского права, в частности более последовательная реализация прин-

ципа добросовестности; развитие института деловой репутации, в рамках которого может быть сформирован субинститут цифровой репутации³⁰; формирование гражданско-правовых, в том числе виртуальных, сообществ с особым порядком и характером взаимосвязей³¹; расширение использования технологии блокчейн в цифровой сфере. Дальнейшее совершенствование гражданско-правовых средств воздействия на общественные отношения с позиций общедозволительного метода правового регулирования будет способствовать созданию и поддержке благоприятного климата доверия между их участниками, в том числе при их взаимодействии в цифровой среде.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аюшеева И. З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. — 2022. — № 6. — С. 56–65.
2. Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о правовой сущности цифровой репутации в сфере sharing economy // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 11. — С. 115–125.
3. Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Varsukova_2001_2.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
4. Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема фидуциарности и фидуциарных сделок в гражданском праве России // Гражданское право. — 2017. — № 3. — С. 20–25.
5. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. — М.: Азбука, 2020. — 448 с.
6. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в российских кодификациях гражданского права // Lex russica. — 2019. — № 8. — С. 37–50.
7. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.] ; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Проспект, 2005. — 848 с.
8. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития : монография / Е. Е. Богданова, Л. Ю. Василевская, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. — М.: Норма: Инфра-М, 2016. — 192 с.
9. Зикун И. И. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. — 2017. — № 3. — С. 52–102.
10. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. — М.: Норма: Инфра-М, 2020. — 192 с.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая : учебно-практический комментарий (постатейный) / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. — М.: Проспект, 2010. — 992 с.
12. Леонова И. Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестник Удмуртского университета. — 2015. — Т. 25. — Вып. 2. — С. 34–41.
13. Махалин И. Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2020. — № 1. — С. 152–200.

²⁹ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva, 2016/ URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (дата обращения: 06.09.2022).

³⁰ Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о правовой сущности цифровой репутации в сфере sharing economy // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11. С. 115–125.

³¹ Аюшеева И. З. Виртуальные сообщества: проблемы определения гражданско-правового статуса // Закон. 2022. № 6. С. 56–65.

14. Парфенов Д. И. К вопросу о доверительном характере договора поручения // Политика и право. — 2007. — № 8. — С. 129–135.
15. Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Е. Богданова. — М. : Проспект, 2018. — 416 с.
16. Тихонова Ж. К. Соотношение категорий «доверие», «вера», «уверенность в правовой интерпретации» // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 1 (140). — С. 501–503.
17. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — М. : Мир и образование: Оникс, 2012. — 1375 с.
18. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. — М. : АСТ: Ермак, 2004. — 730 с.
19. Штомпка П. Доверие — основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. — М. : Логос, 2012. — 440 с.
20. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1893. — 499 с.
21. Aiusheeva I. Z., Soyfer T. V. Formation of the Environment of Confidence in Sharing Economy: Problems of Civil Regulation in Russia // Independent Journal of Management & Production (IJM&P). — V. 13, No. 4, Special Edition CIMEE. — June 2022. — P. 536–559.
22. Botsman R. Who can you trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart. — New York : PublicAffairs, 2017. — 336 p.
23. Eisenstadt Sh. N., Roniger L. Patrons, Clients and Friends. Cambridge University Press, Cambridge, 1984. — 352 p.
24. Frenehard T. Building Digital Trust: What Does It Really Mean? // URL: <https://www.digitalistmag.com/finance/2019/10/29/building-digital-trust-what-does-it-really-mean-06201132/> (дата обращения: 30.08.2022).
25. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. — Geneva, 2016.
26. Zippellius R. Introduction to German Legal Method. — Carolina Academic Press, 2008. — 180 p.

Материал поступил в редакцию 12 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Ayusheeva IZ. Virtualnye soobshchestva: problemy opredeleniya grazhdansko-pravovogo statusa [Virtual communities: problems of determining the civil legal status]. *Zakon*. 2022;6:56-65. (In Russ.).
2. Ayusheeva IZ, Soyfer TV. K voprosu o pravovoy sushchnosti tsifrovoy reputatsii v sfere sharing economy [On the legal essence of digital reputation in sharing economy]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;11:115-125. (In Russ.).
3. Barsukova SYu. Vynuzhdennoe doverie setevogo mira [Forced trust of the networked world]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Barsukova_2001_2.pdf (Accessed 05.09.2022).
4. Bogdanov EV, Bogdanova EE, Bogdanov DE. Problema fidutsiarnosti i fidutsiarnykh sdelok v grazhdanskom prave Rossii [Issue of fiduciary and fiduciary transactions in russian civil law]. *Civil Law*. 2017;3:20-25. (In Russ.).
5. Gilyarovskiy VA. Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Moscow: Azbuka Publ.; 2020. (In Russ.).
6. Golubtsov VG. Otsenochnye ponyatiya v rossiyskikh kodifikatsiyakh grazhdanskogo prava [Evaluation concepts in russian codifications of civil law]. *Lex russica*. 2019;8:37-50. (In Russ.).
7. Valyavina EYu, Eliseev IV, et al. Grazhdanskoe pravo [Civil law]. In 3 vols. Vol. 2. 4th ed. Moscow: TK Velbi, Prospect Publ.; 2005. (In Russ.).
8. Vasilevskaya LYu, editor. Bogdanova EE, Vasilevskaya LYu, Grin ES, et al. Dogovornoe pravo Rossii: reformirovanie, problemy i tendentsii razvitiya: monografiya [Contract law of Russia: reformation, problems and development trends]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).
9. Zikun II. Konstruktsiya doveritel'nogo upravleniya v grazhdanskom prave: nefidutsiarnaya fidutsiarnost [The construction of trust in civil law: nonfiduciary fiduciary contract]. *Civil Law Review*. 2017;3:52-102. (In Russ.).
10. Kokotov AN. Doverie. Nedoverie. Pravo [Trust. Distrust. Law]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
11. Sergeev AP, editor. Abramova EN, Averchenko KM, Arslanov KM. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast vtoraya: uchebno-prakticheskiy kommentariy (postateynyy) [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Two: educational and practical commentary (annotated)]. Moscow: Prospect Publ.; 2010. (In Russ.).

12. Leonova IYu. Doverie: ponyatie, vidy i funktsii [Trust: definition, types and functions]. *Bulletin of the Udmurt University*. 2015;25(2):34-41. (In Russ.).
13. Makhalin IN. Doktrina fidutsiarnykh obyazannostey: zashchitnitsa doveriya pod maskoy angliyskoy shpionki [The doctrine of fiduciary duties: protector of the trust under the guise of an English spy]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 2020;1:152-200. (In Russ.).
14. Parfenov DI. K voprosu o doveritel'nom kharaktere dogovora porucheniya [On the issue of trust character of the commission contract]. *Politics and Law*. 2007;8:129-135. (In Russ.).
15. Bogdanova EE, editor. Reforma obyazatel'stvennogo prava Rossii: problemy i perspektivy [Reform of the law of obligations of Russia: problems and prospects]. Moscow: Prospect Publ.; 2018. (In Russ.).
16. Tikhonova ZhK. Sootnoshenie kategoriy «doverie», «vera», «uverennost v pravovoy interpretatsii» [The ratio of categories «trust», «faith», «confidence in legal interpretation»]. *Eurasian Law Journal*. 2020;1(140):501-503. (In Russ.).
17. Ozhegov SI. Tolkovyy slovar russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28th ed. Moscow: Mir i obrazovanie: Onyx Publ.; 2012. (In Russ.).
18. Fukuyama F. Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow: AST: Ermak Publ.; 2004. (In Russ.).
19. Shtompka P. Doverie — osnova obshchestva [Trust is the basis of society]. Trans. from Polish. Moscow: Logos, Publ.; 2012. (In Russ.).
20. Entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Encyclopedic dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. St. Petersburg: Brockhaus-Efron Publ.; 1893. 499 p.
21. Aiusheeva IZ, Soyfer TV. Formation of the Environment of Confidence in Sharing Economy: Problems of Civil Regulation in Russia. *Independent Journal of Management & Production (IJM&P)*. 2022;13(4):536-559. June 2022. Special Edition CIMEE.
22. Botsman R. Who can you trust? How Technology Brought Us Together and Why It Might Drive Us Apart. New York: PublicAffairs; 2017.
23. Eisenstadt ShN, Roniger L. Patrons, Clients and Friends. Cambridge University Press, Cambridge; 1984.
24. Frenehard T. Building Digital Trust: What Does It Really Mean? URL: <https://www.digitalistmag.com/finance/2019/10/29/building-digital-trust-what-does-it-really-mean-06201132/> (Accessed 30.08.2022).
25. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva; 2016.
26. Zippellius R. Introduction to German Legal Method. Carolina Academic Press; 2008.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.021-030

Л. Т. Ибадова*

Правовые последствия недостаточности денежных средств на банковских счетах клиентов

Аннотация. В статье рассматриваются три последствия, которые могут наступить при недостаточности денежных средств на банковских счетах клиентов.

Первое — распоряжение поступает в картотеку неоплаченных счетов и там ожидает поступления на счет достаточного количества денежных средств (картотека № 2) — имеет противоречия в законодательстве, которые остаются незамеченными и переходят из старых актов в новые, не находя своего разрешения. Одно из таких противоречий: в Положении № 762, принятом в 2021 г., предусмотрены различные последствия недостаточности денежных средств на счете в зависимости от субъектного состава клиентов. Все клиенты разделены на две группы. Для клиентов — физических лиц не применяются правила об очередности платежей и их распоряжения не принимаются к исполнению. Распоряжения клиентов — юридических лиц, индивидуальных предпринимателей или физических лиц, занимающихся в установленном законодательством РФ порядке частной практикой, не принимаются банком к исполнению и возвращаются (за некоторыми исключениями). Это противоречит ст. 855 ГК РФ, устанавливающей единые правила для всех субъектов гражданского права. К тому же исключения, перечисленные в Положении № 762, практически полностью совпадают со ст. 855 ГК РФ, что делает бессмысленными соответствующие нормы данного Положения. Противоречия выражаются и в том, что в некоторых нормативных актах смешиваются и подменяются понятия «очередь» и «очередность платежа». В статье также анализируются виды распоряжений, упоминаемых в рассматриваемых актах.

Второе последствие недостаточности денежных средств на счете — давно известный овердрафт. Третье последствие — заимствование денежных средств с иных счетов, входящих в группу банковских счетов. Последнее является новеллой для российского законодательства и пока не имеет достаточного правового регулирования, несмотря на многочисленные преимущества.

Ключевые слова: группы банковских счетов; недостаточность денежных средств на банковских счетах; лица, занимающиеся частной практикой; распоряжения, принимаемые банком к исполнению; распоряжения, предъявляемые банком; овердрафт; самозанятые; физические лица — производители товаров, работ, услуг; незавершенные операции; кредитование.

Для цитирования: Ибадова Л. Т. Правовые последствия недостаточности денежных средств на банковских счетах клиентов // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 21–30. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.021-030.

Legal Consequences of Insufficient Funds on Customers' Bank Accounts

Leila T. Ibadova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
Leylai@yandex.ru

Abstract. The paper discusses three consequences that can occur if there are insufficient funds in the customers' bank accounts. The first consequence — the order is sent to the file of unpaid bills and there it is waiting for a sufficient amount of money to be credited to the account (file number 2) — has contradictions in legislation that

© Ибадова Л. Т., 2022

* Ибадова Лейла Тофиковна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Leylai@yandex.ru

go unnoticed and pass from old acts to new ones without being resolved. One of these contradictions is shown in Regulation No. 762, adopted in 2021 that provides for various consequences of insufficient funds in the account, depending on the subject composition of customers. All customers are divided into two groups. For individual clients, the rules on the order of payments do not apply and their orders are not accepted for execution. Orders of customers — legal entities, individual entrepreneurs or individuals engaged in private practice in accordance with the procedure established by the legislation of the Russian Federation — are not accepted by the bank for execution and are returned (with some exceptions). This contradicts Article 855 of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes uniform rules for all subjects of civil law. In addition, the exceptions listed in Regulation No. 762 almost completely coincide with Article 855 of the Civil Code of the Russian Federation, which makes the relevant provisions of this Provision meaningless. Contradictions are also expressed in the fact that in some regulations the concepts of «order» and «payment order» are confused and replaced. The paper also analyzes the types of orders mentioned in the acts under consideration.

The second consequence of insufficient funds in the account constitutes a long-known overdraft. The third consequence forms the borrowing of funds from other accounts included in the group of bank accounts. The latter is a novelty for Russian legislation and, despite numerous advantages, it does not yet have sufficient legal regulation.

Keywords: groups of bank accounts; insufficient funds in bank accounts; persons engaged in private practice; orders accepted by the bank for execution; orders submitted by the bank; overdraft; self-employed; individuals — manufacturers of goods, works, services; incomplete transactions; lending.

Cite as: Ibadova LT. Pravovye posledstviya nedostatochnosti denezhnyh sredstv na bankovskih schetah klientov [Legal Consequences of Insufficient Funds on Customers' Bank Accounts]. *Lex russica*. 2022;75(11):21-30. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.021-030. (In Russ., abstract in Eng.).

С 1 июня 2018 г. вступила в действие новая редакция п. 3 ст. 847 ГК РФ, которая ввела термин «группы банковских счетов», ранее не известный ни российскому законодателю, ни отечественной доктрине.

Всё правовое регулирование группы банковских счетов (далее — группа БС) практически сводится лишь к указанной норме, состоящей из двух предложений. При этом ГК РФ не дает определения понятия группы БС, а лишь указывает, для чего могут создаваться такие группы — для финансирования клиента, когда на его банковском счете недостаточное количество денежных средств. Данный финансовый механизм не регулируется никакими другими законами или подзаконными актами. Имеется лишь положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»¹ (далее — Положение № 762-П), в котором названы условия определения достаточности денежных средств на всех банковских счетах, которые включены в соответствии с договорами в группу банковских счетов (абз. 10 п. 2.10).

Согласно п. 6 ст. 8 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платеж-

ной системе»² нормативные акты Банка России определяют достаточность денежных средств, которые находятся на банковском счете клиента для исполнения его распоряжений. Таким актом является Положение № 762-П.

Ранее, когда клиент подавал распоряжение о перечислении (списании) денежных средств со счета, а их оказывалось недостаточно, могло наступить только два последствия:

- 1) помещение поручения в так называемую картотеку по счету. Там поручение ожидало поступления на счет достаточных средств для исполнения распоряжения клиента;
- 2) исполнение поручения за счет овердрафта в соответствии с условиями договора банковского счета. В данном случае банк предоставляет кредит владельцу счета (ст. 850 ГК РФ).

С июня 2018 г. появился третий вариант исполнения распоряжения клиента о перечислении (списании) денежных средств в случае недостаточности их на счете. Речь идет о возможности создания группы БС — одного из механизмов внутригруппового займа³.

Рассмотрим подробнее каждое из последствий.

¹ Вестник Банка России. № 62. 08.09.2021.

² Российская газета. № 139. 30.06.2011.

³ Ибадова Л. Т. Правовое положение участников договора внутригруппового займа между компаниями (кэш пулинга) под управлением единого казначейского центра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 1(11). С. 216–224.

1. Расчетные документы, которые не оплачены по причине недостаточности денежных средств на счете плательщика, помещаются в картотеку по счету в очередь не исполненных в срок распоряжений — картотеку № 2. Там распоряжение клиента ожидает поступления на счет достаточного количества денежных средств для его исполнения. В законодательстве термин «картотека № 2» отсутствует, однако часто применяется в профессиональной речи банковских работников⁴. Такое название закрепилось за этой картотекой и в судебной-арбитражной практике⁵. Картотека к расчетному счету — это инструмент, с помощью которого банк управляет платежными поручениями владельца расчетного счета. Если счета по какой-либо причине не могут быть исполнены банком, они попадают в картотеку. В банковской практике используются две картотеки — № 1 и 2. Они получили свои названия от окончания номеров забалансовых счетов бухгалтерского учета. Соответственно, картотеку № 1 составляют документы, которые учитываются на забалансовом счете банковского бухгалтерского учета № 90 901. А документы по картотеке № 2 учитываются на забалансовом счете № 90 902. В данные картотеки платежные поручения попадают по различным основаниям. Можно выделить две группы оснований для открытия картотек:

1) платежные поручения не получили одобрение клиента (акцепт) на списание денежных средств или счета не могут быть оплачены из-за ареста расчетного счета — картотека № 1;

2) на расчетном счете организации недостаточно средств для исполнения обязательств, по счету не предусмотрено кредитование (овердрафт) или его лимит превышен — картотека № 2.

По картотеке № 1 банк формирует две независимые очереди:

- 1) из платежей, ожидающих одобрения клиента;
- 2) из платежей, ожидающих разрешения уполномоченных органов (налогового органа, таможенного органа, арбитражных и иных судов и т.п.). Наложение ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановление операций по счету, в том числе блокирование (замораживание) денежных средств, допускается в случаях, предусмотренных законом. Основания для подобных ограничений изложены в многочисленных нормативных актах⁶.

В настоящее время платежными поручениями с акцептом хозяйствующие субъекты пользуются мало⁷. В основном картотека № 1 наполняется обязательствами, которые не подлежат исполнению по причине наложения судебного ограничения на весь счет юридического лица или на некоторую сумму. Такие платежи не осуществляются, пока не будут сняты ограничения. Таким образом, картотека № 1 содержит распоряжения, ожидающие разрешения на проведение платежа.

Данные картотеки открываются для организаций — юридических лиц. Для юридического лица крайне важно отсутствие по его счету картотек, так как наличие картотеки говорит о его

⁴ Банковское право : учебник для бакалавров / Д. Г. Алексеева, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефимова [и др.] ; отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019. С. 195.

⁵ Например, см.: постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.06.2009 по делу № А28-9729/2008-374/23 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/23417850/> (дата обращения: 15.08.2022).

⁶ Например: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ст. 76, 77) // Российская газета. № 148–149. 06.08.1998 ; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ст. 115) // Российская газета. № 249. 22.12.2001 ; Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ст. 27) // Российская газета. № 27. 10.02.1996 ; Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (пп. 6 п. 1 ст. 7) // Российская газета. № 151–152. 09.08.2001 ; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ст. 10) // Российская газета. № 220. 20.11.2002 ; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ст. 91) // Российская газета. № 137. 27.07.2002 ; Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ст. 80) // Российская газета. № 223. 06.10.2007.

⁷ URL: <https://vsezaimyonline.ru/rko/business/kartoteka-raschetnom-schete-o-govorit.html> (дата обращения: 15.08.2022).

финансовой нестабильности. Отсутствие карточки по расчетному счету юридического лица положительно влияет на его репутацию и увеличивает его шансы при согласовании открытия кредитной линии, лимитов овердрафта, получения финансирования на развитие бизнеса и т.д.

В Положении № 762-П установлены некоторые различия в применении данного последствия в зависимости от того, кто является клиентом (плательщиком). Если плательщиком является физическое лицо, то недостаточность денежных средств на его банковском счете приводит к тому, что его распоряжения не принимаются банком к исполнению и возвращаются (аннулируются). Происходит это в установленный Положением № 762-П срок — не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления распоряжения (абз. 20 п. 2.10). Иные последствия могут быть предусмотрены законодательством или договором. Здесь может возникнуть вопрос о том, в каком договоре могут предусматриваться иные правила. Следует предположить, что прежде всего здесь имеется в виду договор банковского счета, однако нельзя исключать и любой другой договор с банком. Одним из таких договоров может стать договор о создании группы БС. При этом необходимо иметь в виду, что к банковским счетам плательщиков — физических лиц очередь распоряжений, которые не исполнены в срок, не ведется. Это означает, что к счетам физических лиц (и даже потребителей) не могут применяться правила об очередности платежей, так как для них не предусмотрено создание карточки № 2.

Если плательщиком является юридическое лицо, в том числе кредитная организация, индивидуальный предприниматель или физическое лицо, занимающееся в установленном законодательством РФ порядке частной практикой, то при недостаточности денежных средств на их банковских счетах наступают иные последствия, отличающиеся от тех, что установлены для физических лиц. Достаточность денежных средств на банковских счетах данных плательщиков контролирует банк (контроль может быть как однократным, так и многократным), и только если сохраняется недостаточность денежных средств на счете, распоряжения таких плательщиков не принимаются банком к исполнению и возвращаются их отправителям (аннулируются). Установлен также определенный срок возврата (аннулирования) распоряжения — не позднее рабочего дня, следующего за днем поступления

распоряжения либо за днем получения акцепта плательщика, кроме некоторых исключений. Исключениями являются:

- 1) *распоряжения четвертой и предыдущей очередности списания денежных средств с банковского счета, установленной в п. 2 ст. 855 ГК РФ.* Слово «очередность» можно трактовать двояко. Во-первых, в значении слова «очередь», тогда предыдущая очередь — это третья очередь. Во-вторых, в значении «все очереди до четвертой». Если исходить из буквального и систематического толкования, из смысла и содержания норм, то очередность означает не одну какую-либо очередь, а несколько очередей в совокупности. Если бы законодатель имел в виду одну, например третью, очередь, то должен был употребить слово «очередь», а не «очередность». С другой стороны, употребление этого слова во втором значении, учитывая следующее исключение (о нем будет написано ниже, это пятая очередь, установленная пунктом 2 ст. 855 ГК РФ), лишает смысла данную норму, так как все пять очередей, перечисленных в п. 2 ст. 855 ГК РФ, становятся исключениями. Поэтому следует предположить, что слово «очередность» в данной норме употреблено в первом значении, а следовательно, речь идет о распоряжениях лишь третьей и четвертой очередей, указанных в п. 2 ст. 855 ГК РФ. В статье 855 ГК РФ употребляются оба термина — и «очередность», и «очередь», но в разных смыслах. В данной статье названо пять именно очередей, а не очередностей. Слово же «очередность» употребляется по отношению к порядку, последовательности списания денежных средств, а не к каждой отдельной очереди. То есть очередность охватывает совокупность, систему и последовательность всех входящих в нее очередей. Отдельно законодателем выделяется календарная очередность, определяющая порядок и последовательность взыскания денежных средств в рамках одной очереди. Такая же тенденция прослеживается во всех частях ГК РФ без исключений. Например, в ч. 1 ГК РФ, в ст. 64, где речь идет об удовлетворении требований кредиторов ликвидируемого юридического лица, также выделяются отдельные очереди, а вся их совокупность и система названа очередностью. Та же картина прослеживается в ряде статей ч. 1 ГК РФ, где говорится про очередь

ность, — в ст. 319 (очередность погашения требований по денежному обязательству), ст. 342.1 (очередность удовлетворения требований залогодержателей).

В части III ГК РФ, в гл. 63, где речь идет о наследовании по закону, слово «очередность» употребляется только один раз и включает все наследственные очереди в их совокупности. В части IV ГК РФ термины «очередь» и «очередность» не употребляются.

Скорее всего, в п. 2.10 Положения № 762-П термин «очередность» означает не совокупность очередей и не порядок списания денежных средств по определенным очередям, а сами отдельные очереди, перечисленные в п. 2 ст. 855 ГК РФ. Очевидно, что необходима унификация понятий и терминов, содержащихся в ГК РФ и Положении № 762-П, точнее — приведение данного Положения в соответствие с ГК РФ.

В Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁸ термины «очередь» и «очередность» имеют в целом тот же смысл, что и в ГК РФ, хотя и здесь наблюдается их смешение и подмена. Например, согласно п. 1 ст. 134 названного Закона за счет конкурсной массы вне очереди погашаются требования кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, у которых требования возникли до принятия заявления о признании должника банкротом. Здесь слово «очередь» употребляется в том же смысле, что и «очередность» в ГК РФ, то есть включает в себя все очереди в совокупности. В судебной практике, в частности в постановлении КС РФ от 01.02.2022 № 4-П⁹, данные термины, их соотношение не подвергаются анализу, они употребляются исключительно при ссылке на вышеуказанные нормативные акты. Иными словами, каждый раз употребляется тот термин, который используется в конкретной статье, на которую ссылается суд. Поэтому и в судебной практике наблюдается смешение данных понятий, так как имеются ссылки и на ГК РФ,

и на Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»;

- 2) распоряжения взыскателей средств пятой очередности списания денежных средств с банковского счета, установленной пунктом 2 ст. 855 ГК РФ (абз. 15 п. 2.10 Положения № 762-П). Данная формулировка наводит на мысль о том, что здесь вновь смешиваются значения слов «очередь» и «очередность», то есть имеется в виду пятая очередь, указанная в п. 2 ст. 855 ГК РФ;
- 3) распоряжения, принимаемые банком к исполнению или предъявляемые банком в соответствии с законодательством или договором (абз. 16 п. 2.10 Положения № 762-П). Данное исключение охватывает довольно широкий круг распоряжений:
 - 1) распоряжения, принимаемые банком к исполнению в соответствии с законодательством;
 - 2) распоряжения, предъявляемые банком в соответствии с законодательством;
 - 3) распоряжения, принимаемые банком к исполнению в соответствии с договором;
 - 4) распоряжения, предъявляемые банком в соответствии с договором.
 Термин «законодательство» здесь употребляется в широком смысле, включая и подзаконные акты, в том числе и акты Банка России. Иное понимание данного термина не имеет смысла, так как более подробно содержание и требования к таким актам раскрываются именно в подзаконных актах. К законодательству здесь можно отнести Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ст. 8), Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»¹⁰. К подзаконным актам, помимо Положения № 762-П, относятся, например, указание Банка России от 13.08.2012 № 2863-У «Об особенностях оформления платежных поручений по отдельным операциям»¹¹, в котором дан перечень реквизитов перевода. Банком России разработан «Альбом распоряжений о

⁸ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2022 № 4-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой публичного акционерного общества «Т Плюс» // Российская газета. № 30. 10.02.2022.

¹⁰ Российская газета. № 151–152. 09.08.2001.

¹¹ Вестник Банка России. № 61. 17.10.2012.

переводе денежных средств, применяемых в платежной системе Банка России. Версия 2022.4.1»¹², в которой содержится перечень и описание реквизитов распоряжений о переводе денежных средств, применяемых в платежной системе Банка России, а также формы указанных распоряжений на бумажном носителе.

В Положении № 762-П можно встретить все вышеперечисленные распоряжения. В частности, согласно п. 7.3 при инкассовой форме безналичных расчетов инкассовые поручения применяются, если у получателя средств есть право предъявлять распоряжение к банковскому счету плательщика. При этом такое право получателя должно быть предусмотрено федеральным законом или договором между плательщиком и банком плательщика. Сюда можно отнести Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»¹³. Лизингодатель может требовать списать деньги, если лизингополучатель, который не является государственным или муниципальным учреждением, допустил просрочку платежа более двух раз подряд (п. 1 ст. 13). Примером такого договора может послужить договор плательщика и получателя средств по уплате коммунальных платежей (п. 2 ст. 862 ГК РФ), но при условии, что плательщик включил в договор с банком условие о списании денег со своего счета.

Может возникнуть вопрос о том, почему отдельно выделяются распоряжения, принимаемые банком к исполнению в соответствии с законодательством или договором, и распоряжения, предъявляемые банком в соответствии с законодательством или договором. То есть как соотносятся действия по приятию банком распоряжений к исполнению и предъявление банком распоряжений? Обращаясь к Положению № 762-П, можно заметить, что оба действия возможны при любой форме безналичных расчетов, перечисленных в п. 1.1 данного Положения. Например, согласно п. 6.5 при поступлении аккредитива, изменений условий аккредитива, документов, заявлений, уведомлений, извещений и иной информации по аккредитиву банком выполняются соответствующие процедуры приема к исполнению распоряжений, пред-

усмотренные главой 2 данного Положения, с учетом особенностей, предусмотренных пунктом 6.31 данного Положения.

Сначала банк предъявляет распоряжение банку плательщика или банковскому счету плательщика. После того как распоряжение было предъявлено банку плательщика, последний будет принимать распоряжение к исполнению или отклонит его по какой-либо причине, указанной в законодательстве или в договоре с плательщиком. Иными словами, можно выделить несколько стадий осуществления перевода денежных средств — предъявление распоряжения банку плательщика; принятие распоряжения к исполнению банком плательщика; исполнение распоряжения. Очевидно, что вначале распоряжение предъявляют банку, а потом его исполняют или не исполняют. Например, согласно п. 9.4 Положения № 762-П платежное требование составляется, предъявляется, принимается к исполнению и исполняется в электронном виде или на бумажном носителе.

Что представляют собой распоряжения, предъявляемые банком?

Банк переводит денежные средства на основании распоряжений клиентов, взыскателей средств и банков. Такие распоряжения передаются банку как в электронном виде, в том числе с использованием электронных средств платежа, так и на бумажных носителях. Анализ нормативных актов и хозяйственной практики¹⁴ позволяет выделить следующие виды распоряжений, которые используются в банках:

- 1) распоряжения о переводе денежных средств, у которых форма и описание реквизитов установлены Банком России. К ним относятся платежное поручение, инкассовое поручение, платежное требование, платежный ордер. В приложениях к Положению № 762-П перечислены все данные таких распоряжений — перечень и описание реквизитов, формы и другие данные;
- 2) распоряжения о переводе денежных средств, у которых форма и описание реквизитов установлены банком или получателем средств по согласованию с банком. К таким распоряжениям можно отнести банковский ордер, который используется при рас-

¹² URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 05.05.2022).

¹³ Российская газета. № 211. 05.11.1998.

¹⁴ Порядок выполнения процедур приема к исполнению, отзыва, возврата (аннулирования) и исполнения распоряжений // Сайт «Энерготрансбанка». URL: <https://www.energotransbank.com/repo/ped/docs/about/order-transfers-2020-11-09.pdf> (дата обращения: 15.08.2022).

четах по инкассо. Об этом свидетельствует, в частности, абзац 3 п. 2 указания Банка России от 24.12.2012 № 2945-У «О порядке составления и применения банковского ордера»¹⁵, по которому допускается включение в банковский ордер дополнительных реквизитов, не предусмотренных данным указанием Банка России, перечень которых может устанавливаться любым банком в его локальных актах. Получатель средств может согласовать форму и описание реквизитов с банком в соответствии с его внутренними банковскими правилами.

В рассматриваемом третьем исключении под распоряжениями, принимаемыми банком к исполнению или предъявляемыми банком в соответствии с законодательством, скорее всего, подразумеваются распоряжения, указанные в первой и второй очередях, предусмотренных пунктом 2 ст. 855 ГК РФ, поскольку остальные очереди уже были названы в предыдущих двух исключениях. Требования по исполнительным документам, предусмотренные в первой и второй очередях пунктом 2 ст. 855 ГК РФ, вполне охватываются распоряжениями, принимаемыми банком к исполнению или предъявляемыми банком в соответствии с законодательством. Впрочем, под третье исключение можно было бы подвести все пять очередей, но тогда теряется смысл в предыдущих двух исключениях. Следовательно, исходя из смысла абз. 13–16 п. 2.10 Положения № 762-П все пять очередей, указанных в п. 2 ст. 855 ГК РФ, могут стать исключениями из общего правила и могут быть приняты банком к исполнению.

Очевидно, что для физических лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью или частной практикой, Положением № 762-П установлены иные правила по сравнению с юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами, занимающимися в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой, а также кредитным организациям. Разница заключается в том, что в группе плательщиков (физические лица) не

применяется очередность и распоряжение не принимается к исполнению, а во второй группе плательщиков (юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица, занимающимися в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой, а также кредитные организации) многократно может проверяться достаточность денежных средств на счете. Довольно странно выглядит упоминание кредитных организаций на фоне юридических лиц, поскольку все кредитные организации являются юридическими лицами.

Проблемы возникают с определением лиц, занимающихся частной практикой, поскольку в законодательстве отсутствует их определение и тем более их закрытый перечень. В законодательстве и в научной литературе нет единства мнений, кого к ним относить. В некоторых актах наблюдается смешение понятий «лица, занимающиеся частной практикой» и «самозанятые», «физические лица — производители товаров, работ, услуг»¹⁶. В научной литературе есть мнение, что к лицам, занимающимся частной практикой, следует относить частных нотариусов; адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты; других лиц, имеющих право вести частную деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, к которым относятся в том числе арбитражные управляющие¹⁷. Не вдаваясь в дискуссии, на основе анализа законодательства можно составить следующий перечень лиц, занимающихся частной практикой: нотариусы, занимающиеся частной практикой; адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты; арбитражные управляющие; оценщики; патентные поверенные; частные детективы и частные охранники. Причисление последних двух и некоторых иных лиц к лицам, занимающимся частной практикой, вызывает дискуссии и противоречия, выходящие за рамки настоящего исследования, например вопрос о возможности осуществлять оценочную деятельность физическому лицу, имеющему статус индивидуального предпринимателя¹⁸.

¹⁵ Вестник Банка России. № 15. 06.03.2013.

¹⁶ Письмо Минфина России от 20.12.2021 № 02-08-10/103863 «О направлении разъяснений по применению операций сектора государственного управления» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Семенихин В. В. Налог на доходы физических лиц. 4-е изд., перераб. и испр. М.: ГроссМедиа, Росбух, 2019. 1073 с.

¹⁸ Ручкина М. О. Понятие и субъекты оценочной деятельности: вопросы правовой регламентации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 90–96.

Таким образом, нормы п. 2.10 Положения № 762-П не соответствуют пункту 2 ст. 855 ГК РФ, так как установленные этой нормой ГК РФ правила об очередности платежей не имеют никаких исключений, в том числе и для граждан-потребителей или иных физических лиц.

Картотека неоплаченных расчетных документов в соответствии с Положением № 762-П открывается не к любому банковскому счету клиента, что осложняет применение п. 2 ст. 855 ГК РФ¹⁹. В хозяйственной практике банков такие расчеты часто называются незавершенными. Например, на официальном сайте ПАО «Сбербанк России» содержится информация о том, что незавершенными операциями называются документы, которые в соответствии с Положением № 762-П помещены в очередь распоряжений²⁰ (картотеку). Данные платежные документы не могут быть исполнены по нескольким причинам: во-первых, необходим акцепт; во-вторых, требуется снятие ограничения государственного органа (например, ИФНС) и, в-третьих, средств на счете недостаточно²¹.

Такое несоответствие существовало и ранее, в утратившем силу положении Банка России от 19.06.2012 № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»²² (далее — Положение № 383-П). Никаких попыток унифицировать нормы обоих положений и ГК РФ в данном вопросе еще не было предпринято. Представляется целесообразным привести в соответствие данные нормы, но для этого необходимо решить вопрос о том, какую норму брать за основу. Иными словами, ГК РФ приводить в соответствие с Положением № 762-П или Положение № 762-П в соответствие с ГК РФ?

Если обратиться к судебной-арбитражной практике, то сложно найти дело, в котором суд применял бы п. 2.10 Положения № 762-П. Возможно, это связано с тем, что оно было принято не так давно. Однако имеется немало дел, где суды ссылаются на п. 2.10 Положения

№ 383-П, но только в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей²³. В отношении физических лиц суды применяют исключительно п. 2 ст. 855 ГК РФ. Возможно, норма об отсутствии очередности у физических лиц — не индивидуальных предпринимателей, автоматически перекочевала из Положения № 383-П в Положение № 762-П именно потому, что на практике не применялась и не вызывала споров. Более того, в судебных актах прямо говорится о том, что при определении очередности применяются нормы закона: «Принятые к исполнению распоряжения (в случае недостаточности денежных средств на банковском счете плательщика) помещаются банком в очередь не исполненных в срок распоряжений для дальнейшего осуществления контроля достаточности денежных средств на банковском счете плательщика и исполнения распоряжений в срок и в порядке очередности списания денежных средств с банковского счета, которые установлены *федеральным законом*»²⁴. Даже ни в одном акте Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности п. 2 ст. 855 ГК РФ нет ссылки на п. 2.10 Положения № 383-П или Положения № 762-П.

2. Вторым последствием недостаточности денежных средств на счете является кредитование счета банком (овердрафт). По условиям договора банковского счета поручение клиента исполняется за счет овердрафта, то есть предоставления банком кредита владельцу счета (ст. 850 ГК РФ). Об этом говорится и в абз. 8 п. 2.10 Положения № 762-П. Применение этой нормы Положением № 762-П не ставит в зависимость от того, кем является клиент — владелец счета. То есть в данном вопросе нормы Положения № 762-П об овердрафте полностью соответствуют нормам ГК РФ.

3. И наконец, третье последствие, которое может наступить при недостаточности денежных средств на счете, — это исполнение распо-

¹⁹ Рожественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право : учебник. М. : Проспект, 2020. С. 282.

²⁰ Очередь не исполненных в срок распоряжений, очередь ожидающих акцепта распоряжений, очередь распоряжений, ожидающих разрешения на проведение операций.

²¹ URL: <https://www.sberbank.ru/help/business/payments/100335> (дата обращения: 15.08.2022).

²² Вестник Банка России. № 34. 28.06.2012.

²³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.05.2021 № Ф09-2548/21 по делу № А07-1761/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2019 № 303-ЭС14-5449(14) // СПС «КонсультантПлюс».

ражения клиента о перечислении (списании) денежных средств с иных счетов, входящих в группу БС. Такое последствие может наступить лишь при создании такой группы. Данное нововведение было одним из наиболее ожидаемых изменений гражданского законодательства в части регулирования договора банковского счета — как со стороны банков, так и со стороны корпоративного бизнеса²⁵.

Несколько физических или юридических лиц могут заключить договор о создании группы банковских счетов, по которому они могут объединить все свои счета или только некоторые из них в одну группу. Группа БС может состоять также из счетов одного лица, когда одно лицо — физическое или юридическое — может заключить договор банковского счета с банком (банками) и предусмотреть в нем объединение нескольких или всех своих счетов, имеющих в одном банке или в разных банках. В результате создания такой группы клиент может дать поручение банку о перечислении (списании) денежных средств по счету и банк исполнит такое поручение даже при недостаточности денежных средств на этом счете — за счет остатка денежных средств на других счетах, которые включены в группу БС. Такую операцию нельзя считать овердрафтом (т.е. кредитованием), так как совершается она за счет собственных средств клиента (клиентов).

В ГК РФ прямо предусмотрено, что исполнение банком распоряжения одного клиента за счет средств, находящихся на счетах, включенных в соответствии с договором в группу БС, не признается кредитованием счета дан-

ного плательщика, так как при исполнении соответствующего распоряжения банк фактически не предоставляет клиенту кредит на сумму, превышающую остаток его собственных средств на счете, а лишь выполняет распоряжение по перераспределению потоков собственных средств клиентов внутри группы. Данный способ исполнения распоряжения клиента имеет несомненные преимущества, в частности, хозяйствующим или иным субъектам не нужно каждый раз обращаться в микрофинансовые или подобные организации за кредитом или займом. Автоматическое перечисление денежных средств с одного счета на другой позволяет экономить время и уменьшать издержки на получение займов и кредитов. К тому же вероятность отказа в предоставлении займа хозяйствующему или иному субъекту, счет которого состоит в группе БС, практически сведена к нулю, что позволяет, например, эффективно планировать хозяйственную деятельность, избегать мер ответственности в виде штрафных и иных санкций от контрагентов за несвоевременную оплату товаров, работ, услуг. Однако создание и деятельность группы банковских счетов в нашей стране сильно затруднены практически полным отсутствием правовой базы, в том числе в сфере налогообложения, а также крайне низким уровнем доверия участников гражданского оборота друг к другу. Для более широкого применения групп банковских счетов в хозяйственной практике необходимо их дальнейшее правовое регулирование и исследование их правовой природы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Банковское право : учебник для бакалавров / Д. Г. Алексеева, А. Г. Гузнов, Л. Г. Ефимова [и др.] ; отв. ред. Л. Г. Ефимова, Д. Г. Алексеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 608 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / Е. В. Бадулина, Н. В. Бандурина, А. А. Борисенко [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. — М. : Статут, 2018. — 400 с.
3. Ибадова Л. Т. Правовое положение участников договора внутригруппового займа между компаниями (кэш пулинга) под управлением единого казначейского центра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 1 (11). — С. 216–224.
4. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право : учебник. — М. : Проспект, 2020. — 776 с.

²⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий к главам 42–46 и 47.1 / Е. В. Бадулина, Н. В. Бандурина, А. А. Борисенко [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2018. С. 176.

5. Ручкина М. О. Понятие и субъекты оценочной деятельности: вопросы правовой регламентации // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 9. — С. 90–96.
6. Семенихин В. В. Налог на доходы физических лиц. — 4-е изд., перераб. и испр. — М. : ГроссМедиа, Росбух, 2019. — 1073 с.

Материал поступил в редакцию 15 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Alekseeva DG, Guznov AG, Efimova LG, et al. Banking law: textbook for bachelors. 2nd ed. Moscow: Prospect Publ.; 2019. (In Russ.).
2. Krashennnikov PV, editor. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Finansovye sdelki. Postateynny kommentariy k glavam 42–46 i 47.1 [The Civil Code of the Russian Federation. Financial transactions. Article-by-article commentary on Chapters 42–46 and 47.1]. Moscow: Statute Publ.; 2018. (In Russ.).
3. Ibadova LT. Pravovoe polozhenie uchastnikov dogovora vnutrigruppovogo zayma mezhdru kompaniyami (kesh pulinga) pod upravleniem edinogo kaznacheyskogo tsentra [Legal status of participants of the intra-group loan agreement between the companies (pooling cache) under the management of a unified treasury center]. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;1(11):216-224. (In Russ.).
4. Rozhdestvenskaya TE, Guznov AG, Efimova LG. Chastnoe bankovskoe pravo [Private Banking Law]. Moscow: Prospect; 2020. (In Russ.).
5. Ruchkina MO. Ponyatie i subekty otsenochnoy deyatel'nosti: voprosy pravovoy reglamentatsii [The concept and subjects of estimating activity: issues of legal regulation]. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;9:90-96. (In Russ.).
6. Semenikhin VV. Nalog na dokhody fizicheskikh lits [Personal income tax]. 4th ed. Moscow: GrossMedia, Rosbukh Publ.; 2019. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.031-041

М. В. Ульянова*

Право ребенка выражать свое мнение: содержание, порядок и пределы осуществления

Аннотация. Право ребенка выражать свое мнение более 30 лет закреплено в Конвенции о правах ребенка и более 20 лет — в Семейном кодексе РФ, однако в части порядка и способа осуществления такого права в доктрине отсутствует единообразие мнений. В настоящее время назрела потребность осознания права ребенка выражать свое мнение как субъективного семейного права. Целью статьи служит выработка концептуальных представлений о содержании, порядке и пределах осуществления права ребенка выражать свое мнение. Достижение данной цели обусловлено решением таких задач, как определение значения выражения ребенком своего мнения, выделение значимых элементов порядка осуществления права ребенка выражать свое мнение. Автором применены такие методы исследования, как анализ, синтез, структурно-функциональный анализ, исторический и сравнительно-правовой анализ. В статье определено содержание права ребенка выражать свое мнение и его элементы, выявлены особенности порядка и способа, а также пределы осуществления такого права. Автором раскрыто значение осознанно-волевого элемента при выборе поведения в рамках осуществления субъективных семейных прав; обращено внимание на формирование мнения ребенка и его значимость при решении в семье любых вопросов, затрагивающих интересы ребенка; выделены значимые элементы заслушивания и учета мнения ребенка, которые влияют на процесс его формирования; предложено общее правило, раскрывающее значение мнения ребенка, а именно выявление интереса ребенка при рассмотрении семейных дел; рассмотрены частные случаи, когда мнение ребенка имеет юридически значимые последствия. Автор резюмирует, что правовое регулирование в части закрепления порядка «заслушивания мнения ребенка в ходе любого судебного заседания или административного разбирательства» требует отраслевой детализации.

Ключевые слова: мнение ребенка; учет мнения; выражение мнения; право выражать свое мнение; осуществление права ребенка на выражение своего мнения; право ребенка как субъективное семейное право; пределы осуществления права ребенка на выражение мнения.

Для цитирования: Ульянова М. В. Право ребенка выражать свое мнение: содержание, порядок и пределы осуществления // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 31–41. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.031-041.

The Right of the Child to Express Opinion: Content, Procedure and Limits of Implementation

Marina V. Ulyanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice
ul. Novocheremushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418
maryulianova14@gmail.com

Abstract. The right of a child to express his opinion has been enshrined in the Convention on the Rights of the Child for more than 30 years and in the Family Code of the Russian Federation for more than 20 years, but there is no uniformity of opinions in the doctrine regarding the procedure and method of exercising this right. Currently, there is a need to realize the right of the child to express his opinion as the legal right to family life. The purpose of the article is to develop conceptual ideas about the content, procedure and limits of the implementation

© Ульянова М. В., 2022

* Ульянова Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
maryulianova14@gmail.com

of the child's right to express his opinion. The achievement of this goal is conditioned by the solution of such tasks as determining the meaning of the child's expression of his opinion, highlighting significant elements of the procedure for exercising the child's right to express his opinion. The author applied such research methods as analysis, synthesis, structural and functional analysis, historical and comparative legal analysis. The article defines the content of the child's right to express his opinion and its elements, identifies the specifics of the order and method, as well as the limits of the exercise of the right under consideration. The author explains the significance of the conscious-volitional element in the choice of behavior within the framework of the exercise of subjective family rights; draws attention to the formation of the child's opinion and its significance in resolving any issues affecting the interests of the child in the family; highlights significant elements of hearing and taking into account the child's opinion that affect the process of its formation. The author proposes a general rule that reveals the meaning of the opinion of the child, namely, the identification of the child's interest in the consideration of family matters; special cases are considered when the child's opinion has legally significant consequences. The author summarizes that the legal regulation in terms of consolidating the procedure for «hearing the child's opinion during any court session or administrative proceedings» requires sectoral detail.

Keywords: child's opinion; consideration of opinion; expression of opinion; right to express one's opinion; exercise of the child's right to express one's opinion; child's right as a legal right to family life; limits of the child's right to express an opinion.

Cite as: Ulyanova MV. Pravo rebenka vyrazhat svoe mnenie: sodержanie, poryadok i predely osushchestvleniya [The Right of the Child to Express Opinion: Content, Procedure and Limits of Implementation]. *Lex russica*. 2022;75(11):31-41. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.031-041. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В современном обществе происходит трансформация восприятия мнения ребенка, выражения мнения ребенком и права ребенка выражать свое мнение, осознание права как субъективного и пределов его осуществления. При имеющейся умеренной дискуссии относительно содержания права выражать свое мнение способ, порядок, этапы и пределы осуществления данного права требуют научного осмысления и проработки. У компетентных органов необходимость выяснить мнение ребенка, сформулированное в соответствии с его возрастом и зрелостью, возникает в каждом судебном или административном разбирательстве, касаю-

щемся семейных вопросов или личных неимущественных прав ребенка¹, а в ряде случаев, надо полагать, и имущественных прав, так как они тоже являются составной частью интереса ребенка. Например, ребенок в отношениях собственности выступает как участник имущественных гражданских правоотношений (является собственником имущества в порядке наследования, дарения и прочих гражданско-правовых сделок, которые осуществляются к его выгоде). Осуществление семейных прав ребенка обеспечивается действиями родителей и регулируется нормами Семейного кодекса Российской Федерации. В связи с этим разработка осуществления права ребенка на выражение своего мнения является актуальной.

¹ Мнение ребенка было заслушано при изменении его имени как осуществлении права на имя ребенка, и суд вынес решение в интересах ребенка (см.: определение ВС РФ от 03.12.2019 № 18-КГ19-125 // URL: www.vsrif.ru (дата обращения: 22.08.2022)). Ответчик указал, что истица заявила требования об изменении имени, фамилии и отчества их несовершеннолетних детей из-за неприязненных отношений с ним как бывшим супругом — отцом детей, мотивировав требование интересами детей. В судебном разбирательстве дети пояснили, что им неизвестно иное отчество; почему мама его выбрала, они не знают; с папой общались ранее. Суд указал, что вывод судов первой и апелляционной инстанции о том, что удовлетворение исковых требований матери направлено на обеспечение интересов несовершеннолетних детей, является преждевременным и сделан без учета всех юридически значимых обстоятельств по делу, в связи с чем дело в указанной части было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В другом, более раннем деле об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка суд обратил внимание на «предоставление возможности быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства» (определение ВС РФ от 19.07.2017 № 4-КГ17-64).

История вопроса

Ранее мнению ребенка как субъекта семейных отношений существенного значения, влекущего правовые последствия, не придавалось. Так, в Своде законов Российской империи согласие ребенка, достигшего 14 лет требовалось лишь при его усыновлении (ст. 149)². В остальных вопросах существование «родительской власти» не предполагало выяснения мнения ребенка. Глава 2 Свода законов так и называлась — «О власти родительской»; отделение первое — «О власти родительской в личных отношениях». «Родительская власть» предполагала «обязанность» оказания детьми «родителям чистосердечного почтения, послушания и покорности и любви... сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота» (ст. 177). Патриархальный уклад семейной жизни во главу угла ставил решение, принимаемое родителями. Следует учесть, что жена также имела обязанное состояние — «повиновения, любви, почтения и в неограниченном послушании, угождении» мужу (ст. 107).

Кодекс 1918 г. в ст. 157 предусматривал возможность отдавать детей на воспитание и обучение, но отдавать детей в наем родители без согласия ребенка были не вправе. Второе упоминание в названном акте о мнении ребенка содержится в примечании к ст. 191: «...лица, не достигшие возраста совершеннолетия, с их на то согласия, могут быть признаны совершеннолетними». Закрепление норм о необходимости согласия на наем ребенка внутри семьи, думается, было направлено на искоренение внутрисемейного господства и использования детского труда, в том числе членами семьи и родителями, учитывая воспитательную функцию норм семейно-правового регулирования³.

Согласно статье 63 КЗОБСО⁴ запись усыновителей в качестве родителей без согласия

усыновляемых не допускается, согласно ст. 76 «при выборе опекуна и попечителя должны быть приняты во внимание желание, когда это возможно, опекаемого». Таким образом, «желание опекаемого», его отношение к личности опекуна начинают иметь правовые последствия, являются основанием для назначения/неназначения лица опекуном (попечителем).

При решении иных вопросов в семье в советский период мнению ребенка не придавалось какого-либо значения. Ни в одной из норм не предусмотрены порядок и способы заслушивания согласия ребенка (выскажет ли он его уполномоченному органу или его представителю или сообщит иным образом) и тем более необходимость зафиксировать это мнение. Думается, этим и обусловлено отсутствие обсуждения в научных работах того периода указанной темы⁵. Однако обозначенные кодифицированные акты советского периода свидетельствовали о том, что прошли времена *patria potestas*, которые давали *pater familias* все права на своих детей, включая права на жизнь и смерть. Как верно отмечают французские исследователи, «у ребенка есть права в своей семье»⁶, в том числе и право выражать свое мнение по любому вопросу в семье. Следующим этапом оформления права стало закрепление права в нормах, признание его на государственном уровне и гарантированность его осуществления.

Правовое закрепление права ребенка выражать свое мнение

Право ребенка выражать свое мнение закреплено в ст. 12 Конвенции о правах ребенка⁷. Принятие этого документа считают моментом «тек-

² Свод законов гражданских Российской империи. Т. 10, ч. 1 : «О правах и обязанностях семейственных». СПб., 1900. С. 24–28.

³ Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2007. С. 63.

⁴ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22.10.1918 (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818 (не действует).

⁵ О проблеме реального осуществления заложенных в законе возможностей см.: Вавилин Е. В. Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. С. 74–89.

⁶ *Dekeuwer-Défossez Dans F. Les droits de l'enfant. 2018. Chapitre II : L'enfant dans sa famille P. 39–73. URL: <https://www.cairn.info/les-droits-de-l-enfant--9782130812470-page-39.htm?contenu=article> (дата обращения: 22.08.2022).*

⁷ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

стуального выражения» в правовом регулировании права ребенка выражать свое мнение⁸.

Согласно п. 1 ст. 12 Конвенции «государства — участники обеспечивают ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка». В тексте выделен важный признак ребенка, наделенного таким правом: «способный сформулировать свои собственные взгляды... в соответствии с возрастом и зрелостью».

Рассматривая это право как субъективное семейное право, важно обратить внимание на значимый признак осуществления субъективного права — «интеллектуально-волевой процесс достижения цели правообладателем»⁹: субъект осознанно действует, выбирает ту или иную модель поведения, обеспечивая достижение правовой цели (получая благо), т.е. может воспользоваться правом, выбрать способ, условия, средства достижения цели либо не удовлетворять свою потребность.

Ранее в науке выявлены стадии «механизма осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей». Так, Е. В. Вавилиным предложены следующие стадии:

- а) подготовительный этап, который автор относит к стадии состояния, «характеризуется наличием конкретных предпосылок осуществления прав и исполнения обязанностей освоенных доктриной принципов осуществления прав и исполнения обязанностей, соответствующих юридическим норм, правосубъектности, юридически значимых фактов»;
- б) «формирование субъективного права», т.е. этап формирования юридического (фактического) состава;
- в) «этап установления субъективного права и обязанности представляет собой процесс осознания самим управомоченным своего права (обязанности) и признание этого права (обязанности) иными лицами»;

г) «этап процедурной реализации данного права»;

д) факультативная стадия — стадия защиты нарушенного права;

е) «стадия фактического (получение искомого блага) и юридического осуществления права и исполнения обязанности»¹⁰.

Интерес представляют этап осознания управомоченным лицом своего права и процедура осуществления семейного права — права ребенка на выражение своего мнения, с учетом особенностей отрасли. В семейных отношениях удовлетворение жизненно важных потребностей, получение благ ребенком возложено на родителей. Возникает важный вопрос: возможно ли восполнение осознанности ребенка волей родителя (что присуще имущественным отношениям в гражданском праве) в ситуации выражения мнения ребенком при решении любого вопроса, затрагивающего интересы ребенка в семье, как внутри семьи, так и при административных или судебных разбирательствах. Думается, что в тех случаях, когда речь идет о представлениях ребенка, о его желании, именно на родителей возложено право и обязанность «руководить ребенком в осуществлении его права методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка» (как то закреплено в п. 2 ст. 14 Конвенции о правах ребенка).

Лексическое значение «руководить» — «направлять чью-либо деятельность»¹¹. Логично, что действия ребенка направляемы родителем. В результате, согласно Конвенции о правах ребенка, ребенок не несет ответственность за свое волеизъявление, присущее осуществлению субъективного права — действовать и выразить свое мнение или не воспользоваться правом. Ответственность за принимаемое подобным образом решение авторы Конвенции о правах ребенка разделили с «законным опекуном» — родителем. В судебном или административном разбирательстве решение принимает судья¹², которому мнение ребенка позволяет определить интересы конкретного ребенка и принять решение в его интересах. Подобное состояние сложно назвать осознан-

⁸ Антокольская М. В. Семейное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 260.

⁹ Вавилин Е. В. Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике.

¹⁰ Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 12.

¹¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1987. С. 596.

¹² См., например: URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Fam/2017/1480.html/> (дата обращения: 22.08.2022).

ной способностью, порождающей правовые последствия и ответственность ребенка, но в то же время «желание» выразить свое мнение и высказанное ребенком мнение влекут определенные правовые последствия (например, нежелание ребенка быть усыновленным, переданным под опеку конкретному лицу).

Такое выражение осознанного волеизъявления — проявление особенности семейного права, но оно не позволяет наделять ребенка в любом другом возрасте, в том числе до 14 и 18 лет, полной дееспособностью. Однако мнению ребенка придается важное значение — в целях его охраны и защиты оно возведено в ранг права.

При принятии в 1996 г. Семейного кодекса РФ право ребенка на выражение своего мнения нашло свою детализацию в ст. 57. В национальном правовом регулировании закреплен возраст 10 лет, с которого возникает обязательность учета мнения ребенка. Исключение составляют случаи, когда это противоречит интересам ребенка. Таким образом, высказанное ребенком мнение позволяет уяснить его интерес, но не всегда желания ребенка являются основой принятия решения при судебном или административном разбирательстве¹³, т.е. решающим является выявленный интерес ребенка.

В качестве примера из числа исключений можно привести следующие. Высказанное ребенком желание о восстановлении родителя в родительских правах может быть оценено критически в интересах ребенка, если родитель не «изменил поведение, образ жизни, и (или) отношение к ребенку» (п. 1 ст. 72 СК РФ). Эти три условия должны быть в совокупности положительно изменены независимо от мнения ребенка. Однако, даже если они имеют место, установлены судом, но ребенок высказал мнение и не желает, то родитель в отношении него не будет восстановлен в своих правах. Другой пример: ребенок проживает с одним из родителей, а в семье отдельно проживающего родителя есть отчим/мачеха, с которыми сложились «приятельские отношения», и отдельно про-

живающий родитель подает требование в суд об изменении места жительства ребенка. Следует учесть, что мотивацией мачехи на дружеское отношение может быть невзыскание с ее супруга алиментов при проживании ребенка с отцом. Ребенок имеет деньги на карманные расходы, однако посещаемость и успеваемость в школе упала, употребляет табак и пр., что не соответствует представлениям о заботе, благополучии и развитии ребенка. В отношении родителя, с которым ребенок проживает, возникает конфликт, вполне может иметь место ситуация — родитель воспитывает в нем дисциплинированность, ответственный подход к учебе и в денежных средствах стеснен. Перед судьей стоит непростая задача — определить место жительства ребенка, проживание с кем из родителей соответствует его интересам. При высказанном его мнении — остаться проживать с мачехой/отчимом. Соответствует ли это интересам ребенка — вопрос, на который однозначно ответить сложно, и тем более закрепить в какой-либо норме права многообразие семейных ситуаций. В первом случае имеет место ситуация, когда мнение ребенка может иметь правовое значение и быть оценено исходя из его интересов; а во втором — мнение может высказать, но решение будет принято в интересах ребенка.

Следует сделать вывод, что мнению ребенка в одних случаях придается юридическое значение — при наличии совокупности условий, указанных законодателем, а других случаях, при несовпадении с его интересами, оно не ложится в основу принимаемого судьей решения.

Разработанность темы и дискуссии

Закрепление права ребенка выражать свое мнение в нормах Конвенции о правах ребенка и Семейном кодексе РФ способствовало дискуссии в работах ученых по семейному праву относительно содержания права и «границ его осуществления», «порядка»¹⁴.

¹³ Примером тому является подростковый период, когда появляется собственное мнение по многим вопросам, но не все они могут соответствовать интересам ребенка. При невозможности выражения ребенком своего мнения (например, в силу возраста) ряд вопросов решается экспертом посредством проведения экспертизы и выявления позиции родителей относительно способностей и возможностей воспитания ребенка. Такой подход, безусловно, не является полной реализацией учета мнения ребенка, однако позволяет судье сформировать мнение относительно того, кто из родителей готов действовать в интересах ребенка (например, определение ВС РФ от 05.06.2018 по делу № 5-КГ18-68).

¹⁴ См., в частности: Семейное право: учебник / под ред. Ю. Ф. Беспалова, О. А. Егоровой, О. Ю. Ильиной. М. : Юнити-Дана, 2015. С. 129–131 ; Максимович Л. Б. Право ребенка выражать свое мнение: со-

М. В. Антокольская пишет о значении мнения ребенка, а также в разбирательствах по каким требованиям его следует заслушивать. Автор рассматривает необходимость заслушивания мнения ребенка в тех ситуациях, когда они прямо указаны в законе (изменение имени и фамилии ребенка, усыновление, восстановление в родительских правах и т.д.). В последнее время актуально исполнение судебных актов по спорам о воспитании (например, об определении порядка общения с отдельно проживающим родителем)¹⁵, и так как ребенок субъект, то его желание и мнение важны. Следовательно, учет мнения ребенка важен в любом разбирательстве и при решении внутрисемейных вопросов, которые затрагивают интересы ребенка.

Далее, М. В. Антокольская отмечает, что «в зависимости от возраста ребенка его мнению придается различное правовое значение»¹⁶. Думается, придание мнению ребенка правового значения позволило бы говорить о самостоятельности семейной дееспособности, отличной от гражданско-правовой. Однако в современном понимании дееспособность может быть привязана к какому-либо определенному возрасту, который можно обозначить в правовом регулировании. Способность осознания — эта категория динамическая, т.е. применимая к каждому конкретному ребенку и конкретной ситуации. Говорить о существовании дееспособности как динамической категории, возможно, преждевременно.

О. Ю. Ильина в большей степени исследует значение мнения ребенка при решении семейных вопросов. Она выделяет две составляющие рассматриваемого права (с чем следует согласиться): выражение мнения и учет этого мнения. Выразить мнение ребенок может в

семье или в судебном/административном разбирательстве. Автор выделяет важный момент. Мнение ребенка автор определяет как «самостоятельную форму выражения ребенком своих интересов»¹⁷. Помимо этого, О. Ю. Ильина отмечает, что «навязывание своего мнения и готовых решений» ребенку является одной из причин «социального неблагополучия», дефекта воспитания в семье. Другими типичными проявлениями, по мнению автора, являются «непринятие ребенка, стремление подчинить ребенка своей воле»¹⁸. Развивая данную позицию, следует отметить, что крайняя форма выражения ребенком своего мнения-протеста — уход из дома, отказ посещать школу или иные образовательные учреждения, нежелание вести социально одобряемый образ жизни либо иные формы асоциального поведения, свидетельствующие об отсутствии взаимопонимания между ребенком и его родителями. Думается, логично говорить, что учет мнения ребенка есть проявление принципа уважения ребенка¹⁹ в семье при воспитании родителями. Мнение ребенка, учитываемое в процессе его воспитания, позволяет принимать решения в соответствии с интересами ребенка, развивать ребенка, заботиться о благополучии семьи.

Подобная позиция присуща государственным органам и родителям в других государствах. Поэтому логично рассмотреть имеющийся опыт. Так, в Финляндии «ребенок находится под наблюдением» в школе, дошкольном учреждении. Педагог наблюдает ребенка, и если поведение меняется — «стал замкнут или, наоборот, агрессивен — плачет, дерется», то это оценивают как проявления неких страданий малыша, которые свидетельствуют о необходимости помощи малышу, о неблагополучии ребенка в семье²⁰. Таким

держание и границы // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 4–6 ; *Король И. Г.* Личные неимущественные права ребенка по семейному праву Российской Федерации : научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2010. 160 с. ; *Якушев П. А.* Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. М. : Проспект, 2018. 144 с.

¹⁵ Например: дело № 2-4047/16 // Архив Бутырского районного суда г. Москвы ; дело № 2-978/14 // Архив Кунцевского районного суда г. Москвы.

¹⁶ *Антокольская М. В.* Указ. соч. С. 260.

¹⁷ *Ильина О. Ю.* Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18–21.

¹⁸ *Ильина О. Ю.* Частные и публичные интересы в Семейном праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 285.

¹⁹ *Ульянова М. В.* Уважение как правовая категория и принцип осуществления семейных прав и исполнения обязанности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 57–68.

²⁰ См.: URL: <https://www.kp.ru/daily/25971/2907845/> (дата обращения: 22.08.2022).

образом, посещение ребенком дошкольных и школьных учреждений является косвенным инструментом публичного контроля за благополучием ребенка, учетом его мнения в семейных отношениях и тем более отсутствием насилия или других запрещенных форм воспитания (п. 1 ст. 63 СК РФ), проявляемых к ребенку со стороны членов семьи. Подобный подход свидетельствует о допустимом вмешательстве в дела семьи в интересах ребенка и об осуществлении им своего права на выражение своего мнения, которое является элементом защиты прав и интересов ребенка.

Интересен опыт Англии и Уэльса и размещенное на сайте Семейного отделения Высокого суда Англии и Уэльса решение по спору об определении места жительства ребенка²¹. Основное внимание в деле обращено на снятие с ребенка ответственности за принятие решения судом. Судья выясняет у ребенка его представления о будущем, узнает его интересы, и на основании этого формируется внутреннее убеждение судьи. Судья принимает и выносит судебное решение.

Согласно закону Швейцарии, мнение ребенка заслушивают во всех брачно-семейных процессах (ст. 298 ЗПО Гражданский процессуальный кодекс Швейцарии), основанием для отказа является возраст ребенка, связанный со способностью сформулировать и выразить мнение²². Согласно позиции специалистов, судья составляет собственное впечатление о пожеланиях и потребностях ребенка. Целью слушания мнения ребенка является, во-первых, выражение уважения к мнению детей и молодых людей, которые способны составить собственное мнение о раздельном проживании или расторжении брака родителей, во-вторых, помогает оценить положение ребенка в семье. Такой подход формирует потребность информирования ребенка родителями о грядущих изменениях для него, которые произойдут в результате раздельного проживания родителей или расторжении брака.

Развивая изложенное, следует отметить, что, основываясь на представлениях о структуре правоотношений²³, важно обратить внимание не только на право, но и на корреспондирующую обязанность. Праву ребенка корреспондирует обязанность лиц: во-первых, заслушать ребенка; во-вторых, учесть мнение. В судебном или административном разбирательстве заслушать ребенка может уполномоченное лицо — судья, представитель органа опеки и попечительства или иное лицо, представитель администрации учреждения (если ребенок в нем находится и решается вопрос об устройстве ребенка в семью); в семье — это родитель(и). Однако выражение ребенком своего мнения ни при каких обстоятельствах не должно перейти в его обязанность. Важно, чтобы лицо, заслушивающее ребенка, осознавало свою «нейтральность» относительно интересов, чтобы отсутствовал конфликт личных интересов. В подобных ситуациях существуют риски конфликта интересов между ребенком и его наиболее очевидным представителем — родителем. Подобное возможно в ситуации, когда ребенок в своем мнении выражает отношение к родителю, свои представления о жизни с кем-то из родителей, желание общения с другим родителем, которое выясняет и передает родитель, живущий с ребенком. В ситуации, когда иски о воспитании заявлены обоими родителями, каждый родитель является законным представителем ребенка и заявляет свои права относительно воспитания и совместного проживания с ребенком, возникает вопрос: насколько совпадают противоположные интересы и заявленные требования каждого из них с интересом ребенка? Представитель ребенка, заслушивающий его мнение, должен осознавать, что он представляет исключительно интересы ребенка, а не других лиц (родителей), себя лично, учреждений или организаций (например, детского дома, администрации или общества)²⁴. Поэтому, помимо мнения ребенка, значимо и лицо, заслушивающее ребенка. Таким

²¹ Дело GP (Wrongful Removal) [2017] EWHC 1480 (Fam) (20 June 2017) // URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Fam/2017/1480.html> (дата обращения: 22.08.2022).

²² URL: <https://braendli-rechtsanwalt.ch/interessenkollisionen-in-kinderunterhaltsprozessen-2/> (дата обращения: 11.08.2022).

²³ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. 352 с. ; Вавилин Е. В. Понятие, структура и содержание правоотношения // Власть закона. 2013. № 1. С. 15–21.

²⁴ П. 37 Замечаний общего порядка № 12 (2009 г.) «Право ребенка быть услышанным», вынесенных Комитетом по правам ребенка на Пятьдесят первой сессии ООН, проходившей в Женеве 25 мая — 12 июня

лицом может быть родитель(и) ребенка, также педагог, психолог, воспитатель, врач, сотрудник социальной службы, судья, в любом случае это лицо должно быть «нейтральным» относительно заявленных требований.

Представляет интерес одно из дел, рассмотренных Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ), где мама ребенка выступила законным представителем ребенка. Позже суд обратил внимание, что необходимо заслушать мнение самого ребенка относительно того требования, которое предъявлено в его интересах²⁵. В решении суда отражено, что возраст ребенка — 11 лет, т.е. он может выразить свои желания, мнение относительно заявленных в его интересах требований. Высшая судебная инстанция Российской Федерации в одном из дел разъяснила, что при определении места жительства ребенка не были заслушаны ни истец — мать ребенка, ни сам ребенок, ни судья, ни орган опеки и попечительства. Гражданский процессуальный кодекс РФ позволяет вести гражданские дела, в том числе споры о воспитании, через представителя, несмотря на лично-доверительный характер отношений. Думается, в целях выяснения интереса ребенка и вынесения решения по данной категории дел следует предложить законодателю внести детализацию правового регулирования, в частности в ст. 78 СК РФ. В указанной статье закреплена обязательность участия органов опеки и попечительства в рассмотрении споров о воспитании и их обязанность провести осмотр «условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующих на его воспитание». Осмотр условий жизни — это исследование материальных условий жизни лица и его отношения к ребенку (например, наличие или отсутствие отдельной кровати у ребенка, рабочего места у школь-

ника, имеется ли материальная возможность и рассматривает ли он нужды ребенка как значимые). В спорах о воспитании важны личные отношения как между ребенком и родителем, так и между родителями общего ребенка. Полагаю, следует дополнить норму положением о заслушивании «нейтральным» лицом мнения ребенка, способного сформулировать мнение в соответствии с возрастом и зрелостью и способного выразить мнение, о том, что ему известно о сложившейся ситуации и об изменениях, происходящих в его жизни.

В настоящее время важным вопросом является общение и вовлеченность отдельно проживающего родителя в жизнь ребенка. В отдельных актах указано на желание/нежелание ребенка при исполнении судебного решения о порядке общения с отдельно проживающим родителем, т.е. важен учет мнения ребенка при общении с отдельно проживающим родителем и право ребенка выражать свое мнение. На первый взгляд, общение не может быть против мнения, желания ребенка, однако, как было указано ранее, родитель руководит поведением ребенка, заботясь о его духовном и нравственном развитии, формируя его духовные и нравственные потребности, что является правом и обязанностью родителя. Родитель несет ответственность за воспитание и развитие ребенка (абз. 2 п. 1 ст. 63 СК РФ). Поэтому логично говорить о руководящей и активной роли родителя, проживающего с ребенком, при принятии ребенком решений и действий относительно отдельно проживающего родителя.

Далее, способ заслушивания мнения ребенка играет важную роль. Процессуальные кодексы предусматривают следующие способы получения информации — допрос (ст. 177 ГПК РФ, ст. 278 УПК РФ), объяснения лиц, участвующих

2009 г. // URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsqIkirKQZLK2M58RF%2F5F0vHKTUsoHNPBW0noZpSp5d6M91rnj4B33E%2FqGxkfm23FOLWfh6Z3L%2B%2BiWjrCyluma%2F5Eb5itiFG9171zWjuCLFmb> (дата обращения: 11.08.2022).

²⁵ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2022) (подготовлен Верховным Судом РФ).

Комитет принял к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, поскольку национальные органы не заслушали М. К. А. Х. (которому в тот период было 11 лет) в ходе рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища. Комитет также учел доводы государства-участника, утверждавшего, что ребенок не был заслушан ввиду его юного возраста и что он воспользовался своим правом быть заслушанным через свою мать. Поэтому, учитывая обстоятельства данного дела, Комитет счел, что отсутствие прямого собеседования с ребенком представляло собой нарушение статьи 12 Конвенции (см.: дело «А. М. против Швейцарии». Сообщения Комитета по правам ребенка от 22.09.2021 (п. 10.11). Сообщение № 95/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.08.2022)).

в деле (объяснение истца и ответчика) (ст. 174 ГПК РФ). Однако вряд ли порядок и процедура допроса подходит для выяснения мнения ребенка. Обстановка выяснения мнения ребенка должна не пугать ребенка, а, скорее, располагать к общению. Полагаю, наиболее приемлемая форма — свободная беседа. Обстановка, в которой ребенок осуществляет свое право быть заслушанным, должна быть благоприятной и поддерживающей, чтобы ребенок был уверен, что взрослый, ответственный за заслушивание, готов выслушать и серьезно обдумать то, что ребенок решил сказать. При таком подходе это действительно становится формой выражения ребенком своих интересов. Предпочтительно, чтобы ребенок заслушивался не на публичных слушаниях, а в условиях конфиденциальности²⁶.

В статье 55 ГПК РФ закреплено, что к средствам доказывания относятся объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозапись, заключение экспертов. Процессуальный порядок получения этих средств доказывания указан также в ст. 68, 69 ГПК РФ, но относительно мнения ребенка в них ничего не сказано, кроме предусмотренной в п. 4 ст. 69 ГПК РФ возможности ребенка отказаться от дачи показаний. Однако заслушивание мнения ребенка соответствует его интересам и позволяет установить интересы ребенка по рассматриваемому вопросу.

Важно обратить внимание, что в семейных спорах, где присутствуют интересы ребенка, право ребенка на выражение своего мнения должно быть обеспечено как действиями родителей, так и со стороны государства. В этих целях следует детализировать правовое регулирование и внести изменения в ст. 57, 78 СК РФ, а также в отдельные нормы ГПК РФ.

П. А. Якушев вслед за разъяснениями в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»²⁷ отмечает, что заслушивание мнения

ребенка — опрос — в любом случае надо проводить с участием педагога, как то закреплено в п. 20 данного постановления Пленума ВС РФ. По мнению автора, «некоторые суды допускают процессуальные нарушения и опрашивают ребенка в отсутствие педагога»²⁸. Следует отметить, что положения постановления Пленума ВС РФ № 10 носят рекомендательный характер, и эту норму следует закрепить в правовом регулировании.

Помимо этого, важно обратить внимание на многообразие способов донесения информации. Так, ребенок может формулировать свое мнение, но страдать устойчивой формой нарушения здоровья, которая не затрагивает интеллектуальной сферы, иметь ограниченные возможности. В целях осуществления семейного права законодателем для ребенка должна быть предусмотрена возможность не только быть заслушанным, но и выразить свое мнение, например, посредством азбуки Брайля. Полагаю, логично закрепить в ст. 57 СК РФ — «способному сформулировать и выразить свое мнение».

Логично сделать вывод, что осуществление субъективного семейного права у ребенка имеет отличие от иных отраслей — отсутствие осознанного волеизъявления у ребенка в целях достижения блага. Это восполняется родителем, для которого забота о ребенке и его воспитание являются правом и обязанностью. Поскольку у родителя совпадают и личная заинтересованность, и обязанность действовать в интересах ребенка, неотъемлемой частью прав ребенка является право выражать свое мнение. Мнение ребенка возведено в ранг права, осуществление которого гарантировано государством, поэтому надлежащее осуществление родителем его родительских прав (исполнение обязанностей) обеспечено институтами государства и общества (органы опеки и попечительства, суд, прокуратура, дошкольные и школьные учреждения, где ребенок также находится и состояние его благополучия наблюдается педагогами). В своем динамическом осуществлении право ребенка на выражение мнения является слож-

²⁶ URL: <http://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsqlkirKQZLK2M58RF%2F5F0vHKTUsoHNPBW0noZpSp5d6M91rnj4B33E%2FqGxkfm23FOLWfH6Z3L%2B%2BiWjrcYlyma%2F5Eb5itIFG9171zjuCLFmb> (дата обращения: 22.08.2022).

²⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. № 110. 10.06.1998.

²⁸ Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. М. : Проспект, 2018. 144 с.

ным правоотношением, в котором признак осуществления субъективного семейного права имеет особенности.

Пределы осуществления права ребенка на выражение своего мнения

Право ребенка на выражение своего мнения является одним из сложнейших в части определения предела его осуществления, так как сложно установить в рамках правового регулирования какие-либо пределы: обязанным лицом является самый близкий и родной человек — родитель(и), они же представляют ребенка в судебных или административных разбирательствах. Учитывая изложенное, делаем вывод: критериями, определяющими пределы осуществления права ребенка на выражение своего мнения, являются:

- во-первых, способность ребенка сформулировать и выразить свое мнение. Способность основана на возрасте и возможности сформировать свое мнение и выразить его (высказать);
- во-вторых, возраст ребенка (10 лет), указанный в ст. 57 СК РФ, как критерий, определяющий обязательность заслушивания, но не ограничивающий в отношении детей более раннего возраста;
- в-третьих, отсутствие конфликта интересов ребенка и лица, заслушивающего его, т.е. нейтральность заслушивающего мнение ребенка лица относительно его интереса;
- в-четвертых, надлежащее исполнение родительских прав и обязанностей родителем, усыновителем, лицом, их заменяющим, на воспитании у которого находится ребенок;

- в-пятых, выяснение судом, административным органом при разбирательстве сути интереса ребенка при заслушивании его мнения;
- в-шестых, непротиворечие мнения ребенка интересу ребенка, ориентированному на здоровье, физическое и психическое, духовное и нравственное развитие ребенка (п. 3 ст. 62 СК РФ);
- в-седьмых, гарантированность осуществления права со стороны государства посредством создания правового регулирования и институтов государства и общества, обеспечивающих осуществление права ребенка.

Заключение

Таким образом, можно сделать ряд выводов:

1. Правовое регулирование в части порядка «заслушивания мнения ребенка в ходе любого судебного заседания или административного разбирательства» требует отраслевой детализации.
2. Мнение ребенка, направленное на выявление его интереса, возведено в ранг права с целью его гарантированной охраны и защиты.
3. Надлежащее осуществление права ребенка обеспечено действиями как фактического, так и юридического характера и осознанно-волевыми решениями родителя как законного представителя, а также гарантированными обязательствами государства, которые проявляются как в разработке доктрины, правового регулирования, так и в создании социальных институтов в государстве, обеспечивающих гарантированное осуществление семейных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2010. — 432 с.
2. Вавилин Е. В. Об актуальности структурно-функционального подхода в цивилистике // Методологические проблемы цивилистических исследований : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 2 / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. — М. : Статут, 2017. — С. 74–89.
3. Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 425 с.
4. Вавилин Е. В. Понятие, структура и содержание правоотношения // Власть закона. — 2013. — № 1. — С. 15–21.
5. Ильина О. Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. — 2019. — № 3. — С. 18–21.
6. Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 374 с.

7. Король И. Г. Личные неимущественные права ребенка по семейному праву Российской Федерации : научно-практическое пособие. — М. : Проспект, 2010. — 160 с.
8. Максимович Л. Б. Право ребенка выражать свое мнение: содержание и границы // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 6. — С. 4–6.
9. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. — М. : Юрайт, 2007. — 280 с.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1987. — 798 с.
11. Семейное право: учебник / под ред. Ю. Ф. Беспалова, О. А. Егоровой, О. Ю. Ильиной. — М. : Юнити-Дана, 2015. — 415 с.
12. Ульянова М. В. Уважение как правовая категория и принцип осуществления семейных прав и исполнения обязанности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. — № 4 (135). — С. 57–68.
13. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении — М. : Юрид. лит., 1974. — 352 с.
14. Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика : монография. — М. : Проспект, 2018. — 144 с.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2022 г.

REFERENCES

1. Antokolskaya MV. *Semeynoe pravo [Family Law]*. 3rd ed. Moscow: Norma Publ.; 2010. (In Russ.).
2. Vavilin EV. Ob aktualnosti strukturno-funktsionalnogo podkhoda v tsivilistike [On the relevance of the structural and functional approach in civil law]. In: Gabov AV, Golubtsov VG, Kuznetsova OA, editors. *Methodological problems of civil studies: a collection of scientific articles. Yearbook. Issue 2.* Moscow: Statute Publ.; 2017. (In Russ.).
3. Vavilin EV. *Mekhanizm osushchestvleniya grazhdanskikh prav i ispolneniya obyazannostey: dis. ... d-ra yurid. nauk.* [The mechanism of the exercise of civil rights and the performance of duties: Doctoral Dissertation]. Moscow; 2009. (In Russ.).
4. Vavilin EV. Ponyatie, struktura i sodержanie pravootnosheniya [The concept, structure and content of the legal relationship]. *The Rule of Law*. 2013;1:15-21. (In Russ.).
5. Ilyina OYu. Uchet mneniya rebenka pri notarialnom udostoverenii soglasheniy, zatragivayushchikh ego interesy: aksioma ili teorema? [Consideration of the child's opinion in notarial certification of agreements affecting his/her interests: an axiom or a theorem?]. *Notary*. 2019;3:18-21. (In Russ.).
6. Ilyina OYu. *Chastnye i publichnye interesy v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Private and public interests in family law of the Russian Federation: Doctoral Dissertation]. Moscow; 2006. (In Russ.).
7. Korol IG. *Lichnye neimushchestvennye prava rebenka po semeynomu pravu Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie* [Personal non-property rights of a child under family law of the Russian Federation: a scientific and practical guide]. Moscow: Prospect Publ.; 2010. (In Russ.).
8. Maksimovich LB. *Pravo rebenka vyrazhat svoe mnenie: sodержanie i granitsy* [The child's right to express his/her opinion: the content and limits]. *Family and Housing Law*. 2018;6:4-6. (In Russ.).
9. Nechaeva AM. *Semeynoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki* [Family law: actual problems of theory and practice]. Moscow: Yurayt Publ.; 2007. (In Russ.).
10. Ozhegov SI. *Shvedova NYu, editor. Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow; 1987. (In Russ.).
11. Bespalov YuF, Egorova MA, Ilyina OYu, editors. *Semeynoe pravo [Family Law]*. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2015. (In Russ.).
12. Ulyanova MV. *Uvazhenie kak pravovaya kategoriya i printsip osushchestvleniya semeynykh prav i ispolneniya obyazannosti* [Respect as a legal category and the principle of family rights and responsibilities]. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2020;4(135):57-68. (In Russ.).
13. Halfina RO. *Obshee uchenie o pravootnoshenii* [The general doctrine of legal relations]. Moscow: Jurid. lit.; 1974. (In Russ.).
14. Yakushev PA. *Spory o detyakh: traditsionnye tsennosti i sudebnaya praktika* [Disputes about children: traditional values and judicial practice]. Moscow: Prospect Publ.; 2018. (In Russ.).

Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности

Аннотация. В статье анализируется процесс взаимодействия различных органов государственной власти, задействованных в сфере обороны государства. В современной России уже создан и функционирует Национальный центр управления обороной, который, хотя и координирует взаимодействие многих силовых ведомств, сам входит в состав Минобороны России, соответственно, в иерархии подчинения замыкается на одно военное ведомство. Существующая же сегодня система органов исполнительной власти не позволяет наделять ни один из данных органов полномочиями по руководству структурами иных федеральных органов исполнительной власти.

На основе информации о режиме такого рода взаимодействия автором сопоставляются директивная и координационная модели взаимодействия. Существующий режим обмена информацией различных силовых ведомств не означает организацию управления ни с точки зрения теории управления, ни с точки зрения административного права. Автор приходит к выводу о необходимости наделять властными полномочиями по отношению к иным органам публичной власти тот орган исполнительной власти (военное ведомство), к сфере деятельности которого наиболее близко разрешение возникшего вопроса. В целях недопущения сбоя работы системы военного управления в кризисных режимах такого рода надделение властными полномочиями требует и соответствующего правового оформления. На основе исторического и зарубежного опыта автором даны предложения относительно организационной структуры такого «надведомственного» органа военного управления и структурных связей между его элементами. Причем создание указанного органа власти необходимо осуществить еще в мирное время, чтобы его деятельность осуществлялась в любых кризисных режимах без существенной перестройки его элементов.

Ключевые слова: органы военного управления; взаимодействие; координация; правовое регулирование; власть и подчинение; единоначалие; военное управление; силовые ведомства; структура подчинения.

Для цитирования: Глухов Е. А. Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 42–54. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.042-054.

© Глухов Е. А., 2022

* Глухов Евгений Александрович, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии, докторант Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

ул. Летчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 198206

evgenijgluhov@yandex.ru

Legal Aspects of Managing Organizational Interaction in Defense and Military Security

Evgeniy A. Glukhov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops; doctoral student, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Colonel of Justice ul. Letchika Pilyutova, d. 1, g. St. Petersburg, Russia, 198206
evgenijgluhov@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the process of interaction of various state authorities involved in state defense. In modern Russia, the National Defense Control Center has already been established. Although it coordinates the interaction between many law enforcement agencies, it itself constitutes a part of the Russian Defense Ministry and, respectively, in the hierarchy of subordination it reports to the military department. The current system of executive authorities does not allow any of these bodies to be given the authority to manage the structures of other federal executive authorities.

Based on the information about the mode of this kind of interaction, the author compares the directive and coordination models of interaction. The existing regime of information exchange between various law enforcement agencies does not mean the organization of management either from the point of view of the management theory or from the point of view of administrative law. The author comes to the conclusion that it is necessary to give power over other public authorities to the executive authority (military department) that is closely related to the resolution of the issue. In order to prevent the failure of the military command system in crisis regimes, this kind of empowerment requires appropriate legal formalization. Based on historical and foreign experience, the author makes suggestions regarding an organizational structure of such a «supranational» military command body and structural links between its elements. Moreover, the creation of this authority must be carried out even in peacetime, so that its activities are carried out in any crisis regimes without significant restructuring of its elements.

Keywords: military administration bodies; interaction; coordination; legal regulation; authority and subordination; sole command; military administration; law enforcement agencies; subordination structure.

Cite as: Glukhov EA. Pravovye aspekty upravleniya organizatsionnym vzaimodeystviem v sfere oborony i voennoy bezopasnosti [Legal Aspects of Managing Organizational Interaction in Defense and Military Security]. *Lex russica*. 2022;75(11):42-54. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.042-054. (In Russ., abstract in Eng.).

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне»¹ под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. И хотя приведенная формулировка нормы закона не содержит дефиниции «организационные меры в области обороны», такого рода мероприятия являются неотъемлемой частью организации обороны государства. Более того, в силу ст. 71 Конституции России именно органы федеральной власти ответственны за реализацию функции обороны и безопасности.

В целях обороны создаются Вооруженные Силы Российской Федерации, составляющие основу обороны государства и являющиеся основным элементом военной организации. Вместе с тем военную организацию государ-

ства даже в узком контексте нельзя сводить лишь к Вооруженным Силам. В соответствии с п. 5 и 6 ст. 1 Федерального закона «Об обороне» к субъектам оборонной деятельности следует отнести войска национальной гвардии России, а также привлекаемые для выполнения отдельных задач в области обороны воинские формирования МЧС России, Службу внешней разведки Российской Федерации, органы ФСБ, ФСО России, ГУСП, органы военной прокуратуры и военно-следственные органы. В военное время данный перечень органов государственной власти может быть расширен. Все они обеспечивают оборону и безопасность Отечества специфическими, присущими военной службе военными методами, т.е. участвуют в обеспечении именно военной безопасности.

Перечень субъектов оборонной деятельности в мирное время практически совпадает

¹ Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.

с перечнем органов государственной власти², в которых законом предусмотрено прохождение военной службы (п. 1 ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»³). Военная служба в данном ракурсе отличается от обычной трудовой деятельности тем, что направлена на достижение общепользовательских целей, реализацию функций государства в области обороны и сохранения своего суверенитета, реализуется специфическими военными методами.

В более широком контексте в военную организацию государства можно включить Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами и его аппарат управления, Совет безопасности Российской Федерации, иные органы государственной и муниципальной власти, учреждения здравоохранения, банковской сферы, часть промышленного и научного комплекса страны, государственные корпорации, которые предназначены (задействованы) для обеспечения задач обороны и безопасности. В ней могут быть задействованы государственные корпорации и коммерческие организации (например, ОАО «РЖД» и его дочерние структуры, Роскосмос, владельцы морских портов, аэропортов и т.п.). Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления во взаимодействии с органами военного управления в пределах своей компетенции также обеспечивают исполнение законодательства в области обороны. Кроме того, в обязанностях многих организаций-работодателей имеются элементы, производные от установленных законодательно военно-транспортной и воинской обязанности граждан.

Участие столь широкого круга субъектов оборонной деятельности требует согласования их усилий, интеграции и синхронизации действий, что достигается прежде всего организацией взаимодействия. 22 ноября 2019 г. Президент России провел заседание Совета безопасно-

сти РФ, на котором обсуждались перспективы развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны, на период до 2030 г. Президент отметил, что «необходимо и в дальнейшем совершенствовать систему управления военной организацией. Эта система должна быть современной, надежной, многофункциональной, обладать передовыми информационно-аналитическими комплексами, средствами связи и разведки. И разумеется, при решении задач в области обороны и безопасности следует наладить четкое взаимодействие между силовыми структурами и органами власти всех уровней»⁴.

Сущность взаимодействия различных субъектов заключается в согласованных по задачам, направлениям, задействованным ресурсам, способам действий, временным этапам в целях оптимального достижения поставленных целей.

В ходе подготовки и ведения боевых действий вопросы взаимодействия выходят на первый план. В соответствии с этим в обязанности командующего и штаба входят функции «организации взаимодействия», «поддержания непрерывного взаимодействия» и «восстановления взаимодействия». Содержание этих понятий находится в тесной диалектической взаимосвязи с общими мероприятиями управления войсками (силами) в ходе подготовки и ведения операции⁵.

Что касается спектра совместных задач, то для субъектов оборонной деятельности таких задач насчитываются десятки. Так, в период непосредственной угрозы агрессии к наиболее существенным из них относятся: противодействие терроризму; ведение территориальной обороны, в том числе ряда контртеррористических операций; мобилизация; гражданская (местная) оборона, в том числе эвакуация населения, членов семей военнослужащих и материальных ценностей; предупреждение и

² О полном совпадении субъектов оборонной деятельности и так называемых «военных органов» говорить всё же не следует, поскольку, например, в Федеральной противопожарной службе МЧС России возможно прохождение военной службы, но указанные воинские формирования не участвуют в обеспечении обороны страны.

³ Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

⁴ Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2688/> (дата обращения: 22.07.2022).

⁵ *Евстигнеев А. А.* Место и роль взаимодействия в процессе управления войсками // Вестник военной академии Республики Беларусь. 2014. № 4. С. 30–35.

ликвидация чрезвычайных ситуаций, охрана и прикрытие государственной границы (в трех средах); пресечение пограничных и внутренних вооруженных конфликтов путем проведения специальных операций и ряда других. При неблагоприятных условиях обстановки перечисленные задачи предстоит решать практически одновременно⁶.

В некоторых сферах вопросы координации и взаимодействия различных военных ведомств нормативно урегулированы. Например, в соответствии со ст. 341 Устава гарнизонной и караульной службы ВС РФ⁷ при возникновении (угрозе возникновения) чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, чрезвычайных экологических ситуаций, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекших (могущих повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующих проведения значительных аварийно-спасательных и других неотложных работ, в условиях, когда чрезвычайное положение не введено, специально подготовленные воинские части (подразделения) гарнизона привлекаются для предупреждения и ликвидации указанных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (устранения угрозы их возникновения) или для оказания помощи пострадавшему населению приказом (распоряжением) командующего войсками военного округа (командующего Северным флотом) согласно плану взаимодействия военного округа (Северного флота) с территориальными органами МЧС России и плану действий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Вместе с тем во многих сферах совместной деятельности различных силовых ведомств их взаимодействие определяется, во-первых, лишь на низовом уровне, а во-вторых, лишь путем обмена информацией. Однако изменение современных взглядов на военное искусство и функций субъектов системы органов публич-

ной власти однозначно должны влечь корректировку и правовую регламентацию вопросов совместной деятельности всех задействованных в оборонном строительстве лиц.

Бесспорно, что от качества организации и поддержания взаимодействия зависит и результат выполнения задач. В современных условиях эффективность функционирования властных механизмов обеспечения военной безопасности определяется взаимодействием всех ветвей публичной власти⁸.

Следовательно, руководители государственных (главным образом силовых) органов власти должны уметь организовывать и поддерживать взаимодействие при совместном выполнении задач. Однако вопросы организации взаимодействия при выполнении задач обеспечения обороны в теоретическом плане до настоящего времени в юридической литературе не разработаны, что отрицательно сказывается на развитии военного управления в целом.

Образно выражаясь, без организации надлежащего эффективного взаимодействия военную организацию можно сравнить с телегой из известной басни А. И. Крылова, к которой привязаны лебедь, рак и щука. Если нет единой стратегии, единого управления, то нет и направления, в котором телега будет двигаться. Лебедь, рак и щука, разные по устройству, функционалу и даже целям существования, будут тянуть эту телегу в разные стороны. Даже если каждый из них выкладывается на 100 %, она останется на том же месте: организация не достигнет долгосрочной цели, которую перед собой ставит⁹.

Ведь не зная, кто кому должен подчиняться, с кем взаимодействовать, от кого получать справочную и разведывательную информацию, а от кого обязательные для исполнения распоряжения, невозможно даже приступить к формированию единой управленческой системы и выстраиванию связей между ее элементами. И даже имея средства вооруженной борьбы, личный состав для их использования, мы не сможем эффективно их применять,

⁶ Чирков В. В. Взаимодействие органов военного управления и исполнительной власти субъектов РФ при угрозе агрессии государству // Морской сборник. 2012. № 5. С. 25–32.

⁷ Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.12.2021) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 47 (ч. 1). Ст. 5749.

⁸ Ковалев А. А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. политич. наук. СПб., 2015. С. 15.

⁹ Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2021.

если предварительно не выстроить их иерархию, определить порядок функционирования и управления ими.

Сложность в данном случае заключается не просто в установлении связей в иерархии подчинения — они имеются внутри каждого органа государственной власти. Сложность здесь именно в организации взаимодействия между государственными органами, структурными подразделениями (силами) различной ведомственной принадлежности, которые не подчинены друг другу. И не просто взаимодействия в виде обмена информацией среди равных, не подчиненных друг другу участников процесса, а именно полноценного управления, т.е. подчинения объекта управления воле субъекта управления. Субъект управления здесь вправе навязать свою волю объекту управления независимо от желаний последнего и его собственного видения разрешения ситуации.

Поясним подробнее. В настоящее время структура федеральных органов исполнительной власти утверждена Указом Президента России от 21.01.2020 № 21¹⁰, согласно которому все так называемые силовые министерства и ведомства, задействованные в оборонной деятельности, подчинены Президенту РФ. Они решают нормативно возложенные на них задачи в своей сфере деятельности преимущественно самостоятельно и в инициативном порядке. С другими органами публичной власти они взаимодействуют не на условиях субординации, а на условиях координации, т.е. не имея по отношению друг к другу властных полномочий. При таких условиях утрачивается действие принципа единоначалия во взаимоотношениях между должностными лицами различных военных ведомств, право требования исполнения распоряжений трансформируется в просьбу о помощи, необязательную для исполнения¹¹.

В теории и практике государственного управления выделяют две основные формы организации взаимодействия: директивную и коор-

динационную. Директивная форма характерна для структур, имеющих ярко выраженную вертикаль подчиненности, единое руководство, и осуществляется путем отдачи указаний. Координационная форма используется при отсутствии подчиненности между взаимодействующими государственными органами и носит характер договорного процесса.

Федеральный закон «Об обороне» устанавливает, что организация обороны, кроме всего прочего, включает координацию деятельности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области обороны (п. 13 ст. 2).

В словарях термин «координировать» определяется как «установить целесообразное отношение между какими-либо действиями, явлениями»¹² или «обеспечение согласованности работы всех звеньев системы»¹³. В соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации»¹⁴ под координацией деятельности публичных органов власти понимается система действий и решений, которые направлены на обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия этих органов. Координационные отношения направлены на согласование действий органов публичной власти, сопоставление целей, ресурсов, форм и методов деятельности для достижения общих целей¹⁵.

Как видим, ключевыми факторами координации являются согласованность, целесообразность, направленность на получение желаемого для всех результата.

В юридической литературе уже высказывалось мнение о том, что взаимодействие публичных органов при выполнении задач обеспечения обороны — это регламентируемые определенными правилами и процедурами взаимоотношения между государственными органами, объединенные единым замыслом

¹⁰ Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 21 (ред. от 20.11.2020) «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 346.

¹¹ Глухов Е. А. Воинские должностные лица: полномочия и компетенции // Военное право. 2022. № 3. С. 54–63.

¹² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2006.

¹³ Юн Г. Б., Таль Г. К., Григорьев В. В. Словарь по антикризисному управлению. М. : Дело, 2003.

¹⁴ Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

¹⁵ Бучакова М. А. Административно-правовое регулирование координации как функции государственного управления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 2. С. 60–64.

(планом) и согласованные по целям, задачам, способам и времени действия, которые осуществляются при совместном выполнении задач. Цель такого взаимодействия — достижение высокой эффективности работы органов власти и использования потенциала разноведомственных сил при совместном выполнении ими задач. Достижение этой цели зависит от качества организации взаимодействия, которое должно осуществляться на этапе подготовки государственных органов и подчиненных им сил к выполнению задач¹⁶. При организации взаимодействия важно, чтобы руководители (другие должностные лица государственных органов) пришли к единому пониманию замысла (плана) действий, а также взаимопониманию в объединении усилий в целях достижения максимальной эффективности выполнения общих задач.

К основным мероприятиям по организации взаимодействия целесообразно отнести: определение основных вопросов взаимодействия; определение порядка совместных действий публичных органов в соответствии с возложенными на них задачами; организацию надежной связи между взаимодействующими органами власти, в том числе скрытой, и определение порядка использования комплекса средств автоматизации; планирование взаимодействия; доведение задач, планов взаимодействия (указаний по взаимодействию) до участвующих в совместной деятельности органов (при необходимости — и до их структурных подразделений); проведение с публичными органами мероприятий по практической отработке (согласованию) вопросов взаимодействия; организацию контроля за осуществлением установленного порядка взаимодействия и оказание помощи подчиненным структурным подразделениям.

При определении основных вопросов взаимодействия необходимо прежде всего определить цели и задачи взаимодействия, уяснить, для чего необходимо взаимодействие. Цель взаимодействия должна определять конечный результат, на достижение которого направляются согласованные усилия органов власти. Частные задачи взаимодействия определяются в соответствии с целью взаимодействия и в интересах ее достижения. В их содержании отражается, что, кому и когда необходимо сде-

лать, какие выполнить мероприятия для достижения цели взаимодействия. По каждой задаче определяются силы и средства, необходимые для ее разрешения, причем задействованные силы и средства могут быть из различных министерств, ведомств и организаций. Их набор определяется исходя из оптимального решения возложенной задачи.

После уяснения миссии следует назначить (определить) конкретный государственный орган, ответственный за организацию и поддержание взаимодействия.

Определение порядка взаимодействия военных ведомств в соответствии с возложенными на них задачами может включать:

- установление формы взаимодействия;
- определение полномочий, функций и ответственности в пределах решаемой задачи для взаимодействующих государственных органов;
- создание из представителей участвующих взаимодействующих субъектов органов рабочих (оперативных) групп;
- согласование последовательности и сроков выполнения мероприятий;
- определение перечня, содержания, сроков и порядка обмена между ними информацией (в том числе закрытой), необходимой для выполнения стоящих перед ними задач;
- определение порядка передачи (в случае необходимости) одному из государственных органов власти полномочий по управлению силами других ведомств на период выполнения задач.

Планирование взаимодействия государственных органов осуществляется в целях детализации задач, порядка взаимодействия и юридического закрепления за ними функций, полномочий и ответственности в сфере совместного ведения. Координирует эту работу государственный орган, на который возложена ответственность за организацию взаимодействия в конкретной сфере. Результаты планирования отражаются в соответствующих нормативных правовых актах, планах взаимодействия, иных документах (Плане обороны, плане обустройства территории, плане перевода с мирного на военное время и т.п.). Задачи по взаимодействию до органов власти доводятся в инструкциях, положениях о взаимодей-

¹⁶ Язепчик В. В. Взаимодействие государственных органов при выполнении задач обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь // Вестник Военной академии Республики Беларусь. 2013. № 3. С. 56.

ствии, общих приказах, решениях, указаниях на совместное выполнение задач. Важно, чтобы указанные источники права носили обязательный характер для их исполнителей, иначе повышается вероятность срыва выполнения запланированных мероприятий. Совершенно верно отмечает А. С. Голощапов, что важен не только этап сбора и обмена информацией, но также этап ее аналитической обработки и формирования управленческих решений, способных повысить эффективность применения всего военного комплекса страны¹⁷.

Важно учитывать и то, что современная военно-политическая обстановка развивается очень динамично. Многократно увеличилось объемы информации, требующие учета и анализа для принятия эффективных управленческих решений в области обороны государства. Кроме собственно боевых действий, к вопросам военной безопасности относятся вопросы логистики, пропаганды, информационного обеспечения, связи, новых военных технологий и др.

В соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции РФ Президент нашего государства обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Согласно п. 3 ст. 17 Федерального закона «Об обороне» вопросы координации деятельности других войск, воинских формирований и органов по выполнению задач в области обороны, а также координации строительства и развития других войск и воинских формирований определяются Президентом РФ.

Как указано на официальном сайте Минобороны России, нормативно-правовую основу указанной координации деятельности составляют следующие правовые акты:

1. Указ Президента РФ от 01.09.2014 № 601 «О порядке сбора информации по вопросам обороны Российской Федерации и обмена этой информацией». Указ определяет порядок сбора и обмена информацией между Министерством обороны РФ, федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и организациями по вопросам обороны Российской Федерации.

2. Указ Президента РФ от 01.09.2016 № 441 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства обороны Российской Федерации, иных федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций и организаций, участвующих в решении задач по обеспечению обороны страны».

3. Распоряжение Президента РФ от 16.05.2017 № 161-рп «Об утверждении перечня федеральных органов исполнительной власти, государственных корпораций и организаций, взаимодействующих при решении задач по обеспечению обороны страны в Национальном центре управления обороной Российской Федерации»¹⁸.

В последнем из приведенных правовых актов фигурирует такой орган военного управления, как Национальный центр управления обороной, — одно из структурных подразделений Генерального штаба ВС РФ, в котором и организуется указанное взаимодействие.

Важно подчеркнуть функцию организации взаимодействия в сфере обороны между всеми ведомствами и органами исполнительной власти, возлагаемыми на Генеральный штаб ВС РФ в соответствии с Положением о нем¹⁹. Данный орган осуществляет разработку Плана обороны Российской Федерации для всей военной организации государства. Возложены на Генеральный штаб ВС РФ и координация разработки концепций, планов строительства и развития других войск и воинских формирований в интересах обороны, их оперативная и мобилизационная подготовка, мобилизационное развертывание, организация перевода на состав военного времени. Задействован Генеральный штаб и в решении задач развития систем управления всех военных ведомств в интересах обороны. В этих целях функционирует Национальный центр управления обороной Генерального штаба ВС РФ и аналогичные по функциям центры как в подведомственных органах военного управления, так и во всех федеральных органах исполнительной власти, решающих задачи в области обороны.

К важнейшим задачам Генерального штаба ВС РФ относится также управление разно-

¹⁷ Голощапов А. С. Теоретические основы взаимодействия органов военного управления Вооруженных Сил РФ и органов исполнительной власти РФ // Бизнес и общество. 2021. № 2. С. 25.

¹⁸ Официальный сайт Минобороны России. URL: <https://mil.ru/smiv/documents.htm> (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁹ Указ Президента РФ от 23.07.2013 № 631 (ред. от 17.01.2022) «Вопросы Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4085.

ведомственными группировками войск (сил) в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, координация действий всех военных организаций в мирное время при проведении мероприятий стратегического сдерживания. Под разведомственными группировками здесь понимаются воинские формирования, подчиненные различным федеральными органами государственной власти. В этой связи можно говорить о том, что Генеральный штаб ВС РФ выступает надведомственным органом военного управления, который собирает всю необходимую информацию, разрабатывает документы военного планирования, координирует вопросы военного строительства со всеми органами государственной власти страны.

Некоторые возложенные на Генеральный штаб ВС РФ функции дублируют функции вышестоящего для него Минобороны России. Ряд документов, разрабатываемых Генеральным штабом ВС РФ, утверждаются непосредственно Президентом России. То есть в этом отношении Генеральный штаб ВС РФ становится на один уровень с Минобороны России, а объем их управленческих функций является сопоставимым²⁰.

По информации из Минобороны России, в настоящее время уже развернута и функционирует система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), организация которого возложена на Национальный центр управления обороной Российской Федерации (НЦУО РФ). При координирующей роли НЦУО РФ осуществляется реализация основных направлений межведомственного взаимодействия — создание и постоянное совершенствование нормативной правовой базы, внедрение новых технических решений, а также подготовка должностных лиц различных министерств и ведомств к совместной практической работе²¹.

Само по себе налаживание электронного взаимодействия между различными органами публичной власти уже является весьма трудно-разрешимой проблемой. В процессе развития информационного общества в регионах и ведомствах было создано множество не связан-

ных друг с другом информационных систем. В 2020 г. только федеральных информационных систем насчитывалось около 90 тысяч, региональных, ведомственных и иных — вероятно, десятки тысяч. Как правило, эти системы не связаны между собой и даже несовместимы друг с другом, из-за чего довольно затруднительно составить общее представление о ситуации, хотя формально данные есть²².

Думается, указанная техническая проблема в военных ведомствах была всё же решена. Возможности структурной организации межведомственного информационного взаимодействия по вопросам обороны позволяют выделить следующие типы информации в зависимости от ее функционального предназначения:

- по срокам сбора и анализа: плановая, учетная, отчетная, прогнозная;
- по содержанию: нормативно-правовая, справочная, методическая, массовая, специализированная/профессиональная;
- по объекту информации: о лице / группе лиц, о территории, об органе власти / органе местного самоуправления, о предприятии / об организации;
- по методу сбора и комплектования: статистическая, социологическая, фактическая.

Начальник НЦУО генерал М. Мизинцев рассказал, что серьезным экзаменом для проверки эффективности СМЭВ в оборонной сфере стали стратегические командно-штабные учения «Кавказ-2020», где помимо военных были задействованы 160 органов исполнительной власти различных уровней, всего было отработано более 380 совместных задач²³.

В настоящее время работу системы межведомственного электронного взаимодействия обеспечивает специальный аппаратно-программный комплекс, сервисы которого постоянно обновляются и развиваются. В течение 2014 г. НЦУО РФ функционировал в опытно-тестовом режиме, а начиная с 1 декабря 2014 г. заступил на боевое дежурство. С 2019 г. информационное взаимодействие осуществляется в новом формате СМЭВ 3.ХХ. С 2021 г. проводятся работы по подключению к СМЭВ военных

²⁰ Глухов Е. А. Внешняя структура и правовое положение органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // *Право в Вооруженных Силах*. 2022. № 3. С. 20–33.

²¹ Официальный сайт Минобороны России. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12104744@egNews (дата обращения: 20.08.2022).

²² Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить. С. 41.

²³ Гаврилов Ю. Как межведомственное взаимодействие работает на оборону России // *Рос. газ.* 2020. 20 ноября.

комиссариатов. В настоящее время Информационная платформа НЦУО РФ объединяет в единую систему межведомственного взаимодействия 73 федеральных органа исполнительной власти, органы власти всех 85 субъектов Российской Федерации, 1 320 государственных корпораций и предприятий оборонно-промышленного комплекса²⁴. В 2022 г. продолжаются работы по совершенствованию СМЭВ. Запланирована разработка еще 6 клиентских программных модулей, а также сопряжение с различными автоматизированными системами в целях сокращения времени на обработку данных и снижения трудозатрат²⁵.

По заявлению начальника НЦУО генерала М. Мизинцева, в систему межведомственного информационного взаимодействия на сегодня включены 100 % министерств и ведомств, независимо от их роли и места в обороне страны. Но включение в систему взаимодействия не тождественно созданию единого органа управления, поскольку организационно-штатная структура федеральных органов исполнительной власти не изменилась, а сам НЦУО — это всё же структурное подразделение Минобороны России.

Среди примеров успешного взаимодействия Минобороны России с другими ведомствами он отметил ликвидацию лесных пожаров и паводков, использование судов атомного ледокольного флота в интересах ВМФ, обмен гидрометеорологической и геофизической информацией с иными ведомствами, использование информационных ресурсов Минпромторга для контроля выполнения государственной программы вооружений и государственного оборонного заказа²⁶.

Здесь следует сделать важную оговорку: координационные органы, реализующие функции обмена информацией в сфере возложенных за-

дач, создаются не только в структуре Вооруженных Сил. Созданы такого рода центры в МЧС России и в подведомственных ему структурах регионального уровня²⁷.

Однако указанные выше мероприятия — это, по сути, формирование единого информационного пространства для поддержки принятия управленческих решений и обмен необходимой для принятия управленческих решений информацией, что не тождественно собственно управлению и такому важному элементу управления, как властный характер и возможность отдачи обязательных для исполнения приказов. Иначе неизбежно возникнет ситуация, когда в команде сразу несколько человек станут претендовать на роль руководителя, что неизбежно приведет к конфликтной ситуации²⁸.

Еще В. И. Ленин отмечал, что «контроль без власти — есть пустейшая фраза... Для того чтобы контролировать, нужно иметь власть»²⁹. Применимо указанное выражение не только для функции контроля, но и для всего управления в целом. Поэтому следует напомнить основные положения теории управления, согласно которой управление необходимо там и тогда, когда возникает потребность в распределении ресурсов и согласовании деятельности некоторого количества людей, процессов. Основная цель управления — это согласование и координация деятельности других субъектов. В управлении эти воли могут как совпадать, так и не совпадать. В государственной сфере такое согласование усилий происходит посредством наделения управленцев властными полномочиями по отношению к управляемым объектам. В сформированной системе управления объект управления реагирует на управляющее воздействие, подчиняется субъекту управления. В этом

²⁴ Голощапов А. С. Указ. соч.

²⁵ Официальный сайт Минобороны России. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12421704@egNews (дата обращения: 20.08.2022).

²⁶ Сергей Шойгу принял участие в работе первой Межведомственной конференция по информационному взаимодействию // Военно-промышленный курьер. 2015. 20 ноября. URL: https://vpk.name/news/144637_sergei_shoigu_prinyal_uchastie_v_rabote_pervoi_mezhvedomstvennoi_konferenciya_po_informacionnomu_vzaimodeistviyu.html (дата обращения: 20.08.2022).

²⁷ Тарасов Е. А. Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России: задачи, функции и порядок деятельности // Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций в учреждениях, организациях и на предприятиях. 2021. № 3. С. 24–30.

²⁸ Ермолаева М. В., Кокуева Ж. М., Погодина А. В. Принципы командообразования в проектной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 3. С. 103–119.

²⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 31. С. 345.

и заключается одна из функций власти — диктат своей воли со стороны субъекта управления и исполнение воли управляющего субъекта управляемыми. Субъект управления формирует и реализует «господствующую волю», а объект управления подчиняется ей.

Под управлением в военном праве понимается деятельность как раз исполнительно-распорядительного характера. В качестве средства достижения поставленных в нормативных правовых актах целей здесь выступает распорядительство, т.е. использование необходимых юридически-властных полномочий, заключающихся в предписаниях (включая запреты). Это значит, что одной стороне предоставлен административно-правовыми нормами определенный объем юридически-властных полномочий, адресуемых другой стороне. Последняя обязана подчиняться предписаниям (запретам), исходящим от носителя распорядительных прав. По существу, речь идет о властеотношениях (в широком смысле этого слова). Осуществление управленческой деятельности обязательно предполагает и совершение юридически значимых действий, вытекающих из служебной компетенции³⁰.

Таким образом, для создания полноценной системы военного управления необходимо не просто налаживание взаимодействия между задействованными в сфере обороны субъектами, но и установление отношений власти-подчинения. Недаром принцип единоначалия является базовым для построения всех воинских правоотношений. Причем расширение властных полномочий органа государственной власти должно быть установлено нормативным правовым актом соответствующего уровня и заблаговременно доведено до всех участников данной системы. Обладание государственными военными структурами монополией на

принуждение и действие военными методами накладывает на них особую ответственность за соблюдение законного порядка применения силы³¹.

Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что необходимость координации усилий всех субъектов оборонной деятельности породила создание не предусмотренных Конституцией СССР надведомственных органов государственной власти, таких как Государственный комитет обороны³² и Ставка Верховного Главного командования³³. Власть и обязательность требований созданных в спешном порядке органов власти была просто огромной. Так, например, решения и распоряжения Государственного комитета обороны были обязательны для исполнения всеми гражданами и всеми партийными, советскими, комсомольскими и военными органами.

Опыт предыдущих войн должен научить нас, что создаваемые на военное время системы управления не могут слаженно и эффективно работать без отработки такого рода деятельности уже в мирное время. Более того, совершенно верно отметил генерал армии В. В. Герасимов, что «переход государства к управлению страной в условиях отражения нападения, а также к боевому управлению войсками (силами) должен осуществляться без существенных изменений системы управления, действующей в мирное время»³⁴.

Заранее спланированная схема отношений между субъектами не только помогает избежать конфликтов, вызванных корпоративными интересами и субъективным понятием приоритетов деятельности, но и сокращает время принятия решений, которое очень дорого.

Такое построение взаимоотношений позволит взявшему в свои руки бразды правления органу власти координировать усилия различ-

³⁰ *Зателепин О. К., Фатеев К. В.* К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву // *Право в Вооруженных Силах.* 2003. № 9–10. С. 11–24.

³¹ *Никитина Е. Е., Кузнецов В. И.* Модели правового регулирования взаимодействия государства и некоммерческих организаций в сфере обороны и безопасности в Российской Федерации // *Журнал российского права.* 2020. № 4. С. 88–104.

³² Постановление Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 30.06.1941 «О создании Государственного комитета обороны» // *Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР.* 1939–1944 гг. М., 1945. С. 41.

³³ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23.06.1941 № 825 «О создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР» // *ЦАМО. Ф. 16А. Оп. 3336. Д. 21. Л. 23.*

³⁴ Выступление генерала армии В. В. Герасимова 24.04.2015 // *Официальный сайт Минобороны России.* URL: https://function.mil.ru/news_page/person/more.htm?id=12024031@egNews (дата обращения: 12.08.2022).

ных воинских формирований и решать стратегические задачи в интересах обороны. Успех вооруженной борьбы в огромной степени зависит от объединения усилий всех имеющихся войск (сил), согласованности целей, задач, средств и способов их действий. Между тем, Совет безопасности Российской Федерации в свое время констатировал преобладание ведомственных интересов при решении вопросов обеспечения обороны и безопасности, а также дублирование и параллелизм функций субъектов военной организации государства³⁵.

Учитывая изложенное, считаю назревшей необходимость правового регулирования организации взаимодействия субъектов оборонной деятельности как в мирное, так и в военное время. Полагаю целесообразным закрепить в законодательстве положение о возможности подчинения одного публичного органа исполнительной власти другому (по определенным вопросам) в случае введения специальных правовых режимов (военного или чрезвычайного положения, режима мобилизации или специальной военной операции).

Следует воспользоваться опытом стран Скандинавии, где в качестве способа координации действий органов государственной власти в условиях создания угроз национальной безопасности практикуется назначение в зависимости от ситуации единого органа власти (как правило, министерства внутренних дел или обороны), в котором аккумулируются координационные полномочия на строго определенное время и в отношении конкретной ситуации. В таких ситуациях специализированному органу власти (чаще всего — полиции) подчиняются и органы местного самоуправления на период ликвидации угрозы безопасности, чего в России пока не предусматривается³⁶.

Позитивным примером выступает Положение о военном округе³⁷, согласно п. 8 которого

соединения и воинские части иных военных ведомств, дислоцированные на территории военного округа или выполняющие задачи в границах ответственности военного округа, могут подчиняться командующему войсками военного округа оперативно и (или) по специальным вопросам. В отличие от взаимодействия, отношения подчинения позволяют ставить неподчиненным и не входящим в состав войск военного округа воинским формированиям иных военных ведомств обязательные для исполнения задачи и требовать их исполнения, воздействовать на нарушителей приказов и распоряжений, что в целом ведет к повышению степени управляемости и увеличению синергического эффекта.

Структура надведомственного органа управления войсками и силами должна строиться с таким расчетом, чтобы обеспечивать способность и готовность в случае внезапной агрессии или введения специальных режимов (военного, чрезвычайного положения, мобилизации) управлять переходом на режим работы военного времени без существенной перестройки.

В сформированной еще в мирное время структуре военного управления надведомственного уровня должны быть четко разделены функции административно-хозяйственные и собственно оперативные. Для чего еще в мирное время должна быть создана организационно-штатная структура, включающая не только каналы связи, структуру подчиненности, но и укомплектованная личным составом соответствующих ведомств сообразно направлениям деятельности. Руководящий состав данного «надведомственного органа военного управления» должен быть знаком со спецификой деятельности каждого включенного в его состав вида, рода войск и подчиненных ему напрямую воинских формирований.

³⁵ Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2004/> (дата обращения: 13.08.2022).

³⁶ Максуров А. А. Проблемы координации деятельности органов власти при противодействии внутренним и внешним угрозам безопасности в Скандинавии // Военное право. 2018. № 2. С. 226–230.

³⁷ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 177 (ред. от 05.11.2020) «Об утверждении Положения о военном округе Вооруженных Сил Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2547.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бучакова М. А. Административно-правовое регулирование координации как функции государственного управления // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2014. — № 2. — С. 60–64.
2. Глухов Е. А. Внешняя структура и правовое положение органов военного управления Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. — 2022. — № 3. — С. 20–33.
3. Глухов Е. А. Воинские должностные лица: полномочия и компетенции // Военное право. — 2022. — № 3. — С. 54–63.
4. Голощачов А. С. Теоретические основы взаимодействия органов военного управления Вооруженных Сил РФ и органов исполнительной власти РФ // Бизнес и общество. — 2021. — № 2. — С. 25.
5. Евстигнеев А. А. Место и роль взаимодействия в процессе управления войсками // Вестник Военной академии Республики Беларусь. — 2014. — № 4. — С. 30–35.
6. Ермолаева М. В., Кокуева Ж. М., Погодина А. В. Принципы командообразования в проектной деятельности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. — 2020. — Т. 5. — № 3. — С. 103–119.
7. Зателепин О. К., Фатеев К. В. К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву // Право в Вооруженных Силах. — 2003. — № 9–10. — С. 11–24.
8. Ковалев А. А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. политич. наук. — СПб., 2015. — 29 с.
9. Максуров А. А. Проблемы координации деятельности органов власти при противодействии внутренним и внешним угрозам безопасности в Скандинавии // Военное право. — 2018. — № 2. — С. 226–230.
10. Никитина Е. Е., Кузнецов В. И. Модели правового регулирования взаимодействия государства и некоммерческих организаций в сфере обороны и безопасности в Российской Федерации // Журнал российского права. — 2020. — № 4. — С. 88–104.
11. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярчук. — М. : РАНХиГС, 2021. — 184 с.
12. Тарасов Е. А. Национальный центр управления в кризисных ситуациях МЧС России: задачи, функции и порядок деятельности // Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций в учреждениях, организациях и на предприятиях. — 2021. — № 3. — С. 24–30.
13. Чирков В. В. Взаимодействие органов военного управления и исполнительной власти субъектов РФ при угрозе агрессии государству // Морской сборник. — 2012. — № 5. — С. 25–32.
14. Язепчик В. В. Взаимодействие государственных органов при выполнении задач обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь // Вестник Военной академии Республики Беларусь. — 2013. — № 3.

Материал поступил в редакцию 30 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Buchakova MA. Administrativno-pravovoe regulirovanie koordinatsii kak funktsii gosudarstvennogo upravleniya [Administrative and legal regulation of coordination as a function of public administration]. *Omsk State University Bulletin. Series «Law»*. 2014;2:60-64. (In Russ.).
2. Glukhov EA. Vneshnyaya struktura i pravovoe polozhenie organov voennogo upravleniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii [External structure and legal status of the military administration bodies of the Armed Forces of the Russian Federation]. *Pravo v vooruzhennykh silakh*. 2022;3:20-33 (In russ.).
3. Glukhov EA. Voinskie dolzhnostnye litsa: polnomochiya i kompetentsii [Military officials: powers and competencies]. *Voennoe pravo*. 2022;3:54-63. (In Russ.).
4. Goloshchapov AS. Teoreticheskie osnovy vzaimodeystviya organov voennogo upravleniya Vooruzhennykh Sil RF i organov ispolnitelnoy vlasti RF [Theoretical foundations of interaction between the military management bodies of the Armed Forces of the Russian Federation and the executive authorities of the Russian Federation]. *Business and Society*. 2021;2:25. (In Russ.).

5. Evstigneev AA. Mesto i rol vzaimodeystviya v protsesse upravleniya voyskami [The place and role of interaction in the process of managing troops]. *Bulletin of the Military Academy of the Republic of Belarus*. 2014;4:30-35. (In Russ.).
6. Ermolaeva MV, Kokueva ZhM, Pogodina AV. Printsipy komandoobrazovaniya v proektnoy deyatel'nosti [Principles of team building in project activities]. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work*. 2020;5(3):103-119. (In Russ.).
7. Zatepin OK, Fateev KV. K voprosu o ponyatii voinskogo dolzhnostnogo litsa po ugovnomu pravu [On the question of the concept of a military official in criminal law]. *Law in the Armed Forces*. 2003;9-10:11-24. (In Russ.).
8. Kovalev AA. Vlastnye mekhanizmy obespecheniya voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. politich. nauk [The power mechanisms of ensuring military security of the Russian Federation: Cand. Sci. (Political Sciences) Author's Abstract]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.).
9. Maksurov AA. Problemy koordinatsii deyatel'nosti organov vlasti pri protivodeystvii vnutrennim i vneshnim ugrozam bezopasnosti v Skandinavii [Problems of coordinating the activities of authorities in countering internal and external security threats in Scandinavia]. *Voennoe pravo*. 2018;2:226-230. (In Russ.).
10. Nikitina EE, Kuznetsov VI. Modeli pravovogo regulirovaniya vzaimodeystviya gosudarstva i nekommercheskikh organizatsiy v sfere oborony i bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii [Regulatory models of interaction between the state and non-profit organizations in the defense and security sphere in the Russian Federation]. *Journal of Russian Law*. 2020;4:88-104. (In Russ.).
11. Potapova EG, Poteev PM, Shklyaruk MS, editors. Strategiya tsifrovoy transformatsii: napisat, chtoby vypolnit [Digital Transformation Strategy: Write to execute]. Moscow: RANEPА Publ.; 2021. (In Russ.).
12. Tarasov EA. Natsionalnyy tsentr upravleniya v krizisnykh situatsiyakh MChS Rossii: zadachi, funktsii i poryadok deyatel'nosti [The National Center of management in crisis situations of the Ministry of Emergency Situations of Russia: tasks, functions and order of activity]. *Grazhdanskaya oborona i zashchita ot chrezvychaynykh situatsiy v uchrezhdeniyakh, organizatsiyakh i na predpriyatiyakh*. 2021;3:24-30. (In Russ.).
13. Chirkov VV. Vzaimodeystvie organov voennogo upravleniya i ispolnitel'noy vlasti subektov RF pri ugroze agressii gosudarstvu [Interaction of the military administration and executive authorities of the subjects of the Russian Federation in the event of a threat of aggression to the State]. *Morskoy sbornik*. 2012;5. 25-32. (In Russ.).
14. Yazepchik VV. Vzaimodeystvie gosudarstvennykh organov pri vypolnenii zadach obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Respubliki Belarus [Interaction of state bodies in the performance of tasks of ensuring national security of the Republic of Belarus]. *Bulletin of the Military Academy of the Republic of Belarus*. 2013;3. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.055-066

А. Н. Жеребцов*

Эволюция развития и современное состояние административно-правового режима образовательной миграции в Российской Федерации

Аннотация. Анализ актов стратегического планирования в социально-экономической, демографической, миграционной сфере, в сфере обеспечения национальной безопасности, регионального социально-экономического развития позволяет сформулировать три стратегические цели государственно-управленческого воздействия на миграционные процессы: социально-экономическая цель, цель обеспечения национальной безопасности и пространственно-расселенческая цель. Достижение приведенных целей возможно посредством стратегического управления миграционными потоками через систему миграционно-правовых режимов. В статье на основе миграционно-режимного подхода к стратегическому управлению реализацией государственной миграционной политики России в сфере образовательной миграции обоснованы понятия и содержание миграционного потока образовательной миграции, который складывается из учебной, педагогической и научной иммиграции иностранных граждан и лиц без гражданства. В работе проанализирована эволюция административно-правового регулирования образовательной миграции в Российской Федерации, признается, что административно-правовое регулирование данного потока начало формироваться с принятием Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и касалось лишь учебной миграции. Предложены пути совершенствования административно-правового регулирования данного миграционного потока посредством законодательного закрепления элементов содержания миграционно-правового режима учебной иммиграции иностранных граждан и миграционно-правового режима педагогической и научной иммиграции иностранных граждан в Российской Федерации; высказаны предложения, определяющие цель, принципы, задачи, приоритеты, правила, процедуры и гарантии режимного регулирования данных миграционно-правовых отношений. Представленный в статье подход к развитию административно-правового регулирования образовательной миграции, складывающейся из учебной иммиграции иностранных граждан и лиц без гражданства и научной (педагогической) иммиграции иностранных граждан и лиц без гражданства, посредством формирования режимного правового регулирования данного миграционного потока позволит эффективно реализовать стратегическое управление реализацией государственной миграционной политики в рассматриваемой сфере территориальной мобильности людей.

Ключевые слова: миграция; миграционные процессы; миграционный поток; миграционно-правовой режим; поток образовательной миграции; стратегическое управление; стратегическое планирование.

Для цитирования: Жеребцов А. Н. Эволюция развития и современное состояние административно-правового режима образовательной миграции в Российской Федерации // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 55–66. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.055-066.

© Жеребцов А. Н., 2022

* Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России, профессор кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета
Ярославская ул., д. 128, г. Краснодар, Россия, 350005
admagan2066@yandex.ru

Evolution of Educational Migration Development and Current State of Administrative and Legal Regime of Educational Migration in the Russian Federation

Alexey N. Zherebtsov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kuban State University
ul. Yaroslavskaya, d. 128, Krasnodar, Russia, 350005
admgan2066@yandex.ru

Abstract. The analysis of strategic planning acts in the socio-economic, demographic, migration sphere, in the sphere of ensuring national security, regional socio-economic development allows us to determine three strategic goals of the state management impact on migration processes: their socio-economic goal, the goal of ensuring national security and spatial settlement goal. Achieving these goals is possible through strategic management of migration flows using the system of migration legal regimes. Based on the migration regime approach to strategic management of the implementation of the state migration policy of Russia in the field of educational migration, the paper substantiates the concepts and content of the migration flow of educational migration, which consists of educational, pedagogical and scientific immigration of foreign citizens and stateless persons. The paper analyzes the evolution of the administrative and legal regulation of educational migration in the Russian Federation. It is recognized that the formation of the administrative and legal regulation commenced after the adoption of the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» and it concerned only educational migration. The author proposes the ways of improving an administrative and legal regulation of this migration flow through legislative consolidation of migration elements and legal regime of educational immigration of foreign citizens and the migration and legal regime of pedagogical and scientific immigration of foreign citizens in the Russian Federation. Proposals define the purpose, principles, tasks, priorities, rules, procedures and guarantees of regime regulation of migration law relationships. The approach described in the paper aims at the development of administrative and legal regulation of educational migration. It consists of educational immigration of foreign citizens and stateless persons and scientific (pedagogical) immigration of foreign citizens and stateless persons. This approach through the formation of regime legal regulation of this migration flow will effectively implement strategic management of the state migration policy in the area of territorial mobility of people.

Keywords: migration; migration processes; migration flow; migration and legal regime; educational migration flow; strategic management; strategic planning.

Cite as: Zherebtsov AN. Evolyutsiya razvitiya i sovremennoe sostoyanie administrativno-pravovogo rezhima obrazovatelnoy migratsii v Rossiyskoy Federatsii [Evolution of Educational Migration Development and Current State of Administrative and Legal Regime of Educational Migration in the Russian Federation]. *Lex russica*. 2022;75(11):55-66. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.055-066. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Нельзя не признать, что в настоящее время, как, впрочем, и ранее, миграционные процессы находятся в непрерывной трансформации, обусловленной комплексом экономических, политических, социальных и т.п. факторов. Многообразные факторы, влекущие изменения структуры территориальной мобильности людей, с неизбежностью порождают потребность в эффективном государственном влиянии на эти процессы, что осуществляется в рамках государственного стратегического управления

экономическими и социально-демографическими процессами в Российской Федерации. Для осуществления стратегического управления в сфере миграции населения необходимо понимать особенности данных процессов, проводить непрерывное наблюдение за миграционными тенденциями, дифференцировать задачи в сфере миграции на важные, средней срочности и менее срочные, принимать управленческие решения и реализовывать федеральный государственный миграционный надзор в данной социальной сфере¹. Стратегическое управление в сфере миграции населения происходит

¹ См.: Кардашова И. Б. Стратегическое управление: реальность или миф // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 8–14.

на основе актов стратегического планирования, ключевым среди которых выступает Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 31.10.2018 № 622² (далее — Концепция). Однако не сводится лишь к ней. Стратегическое планирование в сфере миграции осуществляется с учетом иных видов актов стратегического планирования в социально-экономической, демографической сфере, в сфере политики обеспечения национальной безопасности, регионального развития и т.п. Это обстоятельство, как нами отмечалось ранее, «свидетельствует о мультицелевой направленности данного вида государственно-политической деятельности, что должно учитываться при формировании акта стратегического планирования в сфере миграции населения в Российской Федерации»³. Анализ актов стратегического планирования в социально-экономической, демографической, миграционной сфере, в сфере обеспечения национальной безопасности, регионального социально-экономического развития позволяет сформулировать три стратегические цели государственно-управленческого воздействия на миграционные процессы: социально-экономическая, включая демографическую, цель; цель обеспечения национальной

безопасности (но не миграционной безопасности⁴); пространственно-расселенческая цель⁵. Достижение приведенных целей возможно, на наш взгляд, посредством стратегического управления миграционными потоками через систему миграционно-правовых режимов⁶. В настоящее время можно признать, что в отечественной юридической науке выделяются пять основных миграционных потоков: внутренней, внешней, внешней трудовой, вынужденной и незаконной миграции⁷. Между тем в последнее десятилетие наблюдается рост числа иностранных граждан, желающих получить образование в России. Так, по официальным данным Росстата, в 2010/2011 учебном году в Российской Федерации обучалось 153,8 тыс. чел.; в 2018/2019 уч. г. — 278,0 тыс. чел.; в 2019/2020 уч. г. — 298,0 тыс. чел.; в 2020/2021 уч. г. — 315,1 тыс. чел.⁸ Эти данные свидетельствуют о формировании в рамках российской миграционной системы нового миграционного потока — образовательной миграции, исследование которого приобретает большое значение: во-первых, в целях определения содержания данного потока, во-вторых, в рамках достижения каких целей стратегического планирования данный миграционный поток будет функционировать, в-третьих, необходимости

² СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

³ Жеребцов А. Н., Горбань А. Е. Целевая концепция государственной миграционной политики Российской Федерации и административно-правовой механизм ее реализации : монография. М. : Проспект, 2022. С. 63.

⁴ См.: Гришкова А. А. Административно-правовое регулирование в миграционной сфере // Вестник ВИПК МВД России. 2022. № 2 (62). С. 111–112.

⁵ Жеребцов А. Н., Горбань А. Е. Указ. соч. С. 41–63.

⁶ См.: Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 254–381.

⁷ См.: Указ Президента РФ от 09.08.1994 № 1668 (в ред. от 13.06.1996) «О Федеральной миграционной программе» // СЗ РФ. 1994. № 18. Ст. 2065 ; Плакшина И. В. Конституционно-правовое регулирование миграционных процессов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 19–20 ; Музыченко П. Б. Административно-правовая информатология паспортно-визовой работы при регулировании миграционных процессов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2002. С. 23 ; Торохов А. Н. Конституционно-правовое регулирование миграционных процессов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 22–24 ; Балашова Т. Н. Конституционно-правовое регулирование вынужденной миграции в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2004. С. 15 ; Жеребцов А. Н. Правовое регулирование миграционной политики Российской Федерации : монография. Краснодар, 2007. С. 41–42.

⁸ Российский статистический ежегодник 2021 г. // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXLUFoewruNEHBkK2lLcy2xTlene7tN5bAc8EZ899_dxOWPkKODihU1DzXKm05GR30Kqf598gOnKrbK_Yv_QEwJoPqWr0_zXUlg7ZQbCWE0qICRZff5tmIbTdZojx2fikhNjmfIqQzw%3D%3D%3Fsign%3DHQNH7nfsVtap0mUDG8XESD9chmclJjyrlU1xupsX9dk%3D&name=07-35.docx&nosw=1 (дата обращения: 28.06.2022).

определения административно-правового механизма стратегического управления данным миграционным потоком и нормативного обеспечения миграционно-правовых режимов образовательной миграции, которые должны реализовываться в рамках данной государственной деятельности. Следует отметить, что отдельные вопросы образовательной миграции исследовались как в юридической науке, так и учеными, представляющими иные гуманитарные науки⁹. Между тем системного юридического исследования данного миграционного потока до настоящего времени не проводилось.

Образовательная миграция как миграционный поток: понятие и содержание

Миграционный поток как научная категория определяется в различных гуманитарных науках по-разному, что обусловлено спецификой предмета научного знания. В этой связи при всем многообразии научно-теоретических концепций миграционного потока нам необходимо определиться с юридическим пониманием его сущности. На наш взгляд, миграционный поток необходимо определять «как закрепленный в системе однородных правовых предписаний и обособленный из миграционного процесса по признаку причины, правовым основаниям, видам субъектов, участвующих в территориальном перемещении в пределах административных границ или за их пределы, представляющих собой совокупность территориальных перемещений людей»¹⁰. Тесно связанной с миграционным потоком является категория «миграционный процесс», которую с юридической точки

зрения следует понимать «как сознательную, целенаправленную, подлежащую правовому регулированию деятельность субъектов в рамках общественных отношений, возникающих в процессе территориального перемещения людей, в результате которой приобретает, прекращается, изменяется и реализуется правовой статус мигранта»¹¹. Миграционные процессы подлежат дифференциации по миграционным потокам с учетом признаков цели территориальной мобильности людей, правовому статусу мигранта, который приобретает, прекращается, изменяется и реализуется в ходе территориальной мобильности. Эти обстоятельства позволяют сформулировать гипотезу о том, что по целевому и статусному критерию следует выделять поток образовательной миграции как самостоятельный вид миграционного потока. Данная гипотеза подтверждается теми обстоятельствами, что образовательная миграция традиционно преследует специфическую цель — «обучение в образовательной организации» (ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»¹² (далее — Федеральный закон о правовом положении ИГ)) и характеризуется предоставлением мигранту специального административно-правового статуса иностранного гражданина (далее — ИГ) или лица без гражданства (далее — ЛБГ), приглашенного в целях обучения на территорию Российской Федерации. Основываясь на действующем российском миграционном законодательстве, прежде всего на Федеральном законе о правовом положении ИГ, отметим, что данный миграционный поток по своей видовой характеристике сводится

⁹ См.: Пшегорская Н. А. Факторы образовательной миграции молодежи в контексте взаимосвязи рынка образовательных услуг и рынка труда // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2017. № 1. С. 81–83; Андрушина Е. В., Луценко Н. О. Влияние современной российской государственной образовательной политики на процессы образовательной миграции // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 66. С. 210–220; Плюгина И. В. Правовые средства оказания содействия образовательной миграции // *Журнал российского права*. 2019. № 10. С. 121–135; Яценко О. Ю. Отраслевая экономика и образовательная миграция: этико-правовые проблемы // *Legal Bulletin*. 2020. Т. 5. № 3. С. 164–170; Лебедева Т. В. Роль образовательной миграции в обеспечении экономики высококвалифицированными кадрами: теоретические и правовые аспекты // *Миграционное право*. 2021. № 4. С. 19–26.

¹⁰ Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

¹¹ Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 10.

¹² СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

лишь к внешнему иммиграционному потоку, имеющему ярко выраженный целевой и субъектно-статусный характер, заключающийся в привлечении ИГ и ЛБГ для обучения в образовательные организации, находящиеся на территории Российской Федерации. Представляется, что данный подход к определению содержания потока образовательной миграции является не вполне обоснованным. С социолого-демографической точки зрения поток образовательной миграции включает в себя въезд в Российскую Федерацию ИГ и ЛБГ с целью получения образования в учебных заведениях, находящихся на территории Российской Федерации (образовательная иммиграция), и выезд граждан Российской Федерации для получения образования за границей (образовательная эмиграция). Если вопросам образовательной иммиграции ИГ и ЛБГ в Федеральном законе о правовом положении ИГ уделяется внимание, то образовательной эмиграции нет. Возникает вопрос: а подлежит ли административно-правовому регулированию поток образовательной эмиграции граждан Российской Федерации? На данный вопрос следует ответить отрицательно. Необходимость административно-правового регулирования образовательной эмиграции граждан Российской Федерации возникнет, лишь если на рынке образовательных услуг появятся компании (юридические лица), предоставляющие услуги по привлечению граждан страны для учебы за границей. Пока таких фирм не создано и, как следствие, данный вид миграции не нуждается в административно-правовом регулировании.

Остается открытым вопрос о возможности включения в поток образовательной миграции въезда ИГ и ЛБГ в Российскую Федерацию для осуществления научно-педагогической деятельности и выезд граждан Российской Федерации для осуществления научно-педагогической деятельности в учебных заведениях за границей. В экономической науке предлагается данную территориальную мобильность людей относить к образовательной миграции¹³. С данным подходом можно частично согласиться. Если касаться эмиграции граждан России для занятия научно-педагогической деятельностью за границей, то ее административно-правовое регулирование является излишним в рамках российского миграционного законодательства.

Между тем такому регулированию могут подлежать вопросы получения разрешений в рамках законодательства о государственной тайне, если научно-педагогический работник является носителем государственной тайны. Но это вопросы не миграционного права и в миграционно-правовой регламентации не нуждаются.

Дискуссионным остается вопрос въезда ИГ и ЛБГ в Российскую Федерацию для осуществления научно-педагогической деятельности в российских образовательных организациях. Традиционно данную территориальную мобильность ИГ и ЛБГ действующее российское миграционное законодательство относит к числу внешней трудовой иммиграции высококвалифицированных специалистов (либо просто работников) в Российскую Федерацию (ч. 4 ст. 13 Федерального закона о правовом положении ИГ). Подобный подход характерен и для проекта федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹⁴, разработанного Главным управлением по вопросам миграции МВД России. В этой связи закономерно возникает вопрос: территориальная мобильность ИГ и ЛБГ для осуществления научной и образовательной деятельности в учреждениях Российской Федерации является потоком трудовой или образовательной миграции? Анализ российского миграционного законодательства показывает, что научная и педагогическая деятельность представляет собой специфический вид деятельности высококвалифицированного специалиста. Правовая регламентация привлечения этих специалистов отличается из общего порядка привлечения иностранных работников для осуществления трудовой деятельности. Привлечение ИГ и ЛБГ для научной и педагогической деятельности имеет ярко выраженный целевой характер, а ИГ и ЛБГ приобретают специфический миграционно-правовой статус. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости отнесения миграционной мобильности ИГ и ЛБГ с целью занятия научной и образовательной деятельностью на территории Российской Федерации в состав потока образовательной миграции. Это целесообразно по следующим основаниям. Во-первых, это позволит эффективно и системно осуществлять администра-

¹³ См.: Пшегорская Н. А. Указ. соч. ; Лебедева Т. В. Роль образовательной миграции в обеспечении экономики высококвалифицированными кадрами...

¹⁴ URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 11.07.2022).

тивно-правовое регулирование миграционно-правовых режимов образовательной миграции в Российской Федерации. Во-вторых, поток образовательной миграции формируется по целевому признаку: получение и предоставление образовательных услуг образовательными организациями Российской Федерации, т.е. имеет место взаимосвязанная система общественных отношений. В-третьих, предоставление и получение образования — процесс взаимосвязанный, что вытекает из легального определения понятия «образование», данного в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которое формулируется как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства (предоставление образования), а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов (получение образования). В-четвертых, в науке обоснованно высказывается мнение, что составной частью образовательной миграции является учебная миграция¹⁵, т.е. миграция с целью именно получения образования.

Таким образом, *поток образовательной миграции* является закрепленным в системе однородных административно-правовых предписаний и обособленным из миграционного процесса по признаку причины, правовым основаниям, видам субъектов, участвующих в территориальном иммиграционном перемещении людей с целью предоставления и получения образования в образовательных организациях Российской Федерации. Содержанием данного миграционного потока выступают виды миграционных потоков учебной иммиграции в Российскую Федерацию ИГ и ЛБГ и научно-педагогической иммиграции в Российскую Федерацию ИГ и ЛБГ.

Эволюция административно-правового регулирования образовательной миграции в Российской Федерации

Административно-правовое регулирование потока образовательной миграции в современной России начало осуществляться с принятием Федерального закона о правовом положении ИГ, статья 17 которого посвящена приглашению на въезд ИГ в целях обучения в образовательном учреждении Российской Федерации. Первоначально нормы ст. 17 Федерального закона о правовом положении ИГ предоставляли право образовательным учреждениям (включая федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные в сфере обороны, безопасности и т.п.) обращаться в федеральный орган исполнительной власти, ведающий вопросами внутренних дел, с ходатайством о приглашении ИГ в целях обучения. Кроме этого, на образовательное учреждение (организацию) возлагается комплекс обязанностей в связи с приемом ИГ (п. 1–3 ч. 3 ст. 17 Федерального закона о правовом положении ИГ). Федеральный закон от 27.07.2010 № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”»¹⁶ допустил возможность обращения с ходатайством о выдаче приглашения ИГ в целях обучения в электронной форме. (Принятие данного федерального закона было обусловлено необходимостью приведения миграционного законодательства в соответствие с требованиями Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»¹⁷.)

Фундаментальной основой реформирования административно-правового регулирования учебной миграции как составной части образовательной миграции стал Федеральный закон от 23.07.2013 № 203-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях созда-

¹⁵ См.: *Лебедева Т. В.* О нормативно-правовом обеспечении адаптации учебных мигрантов // Миграционное право. 2019. № 3. С. 39 ; *Чупрова А. А., Ильиных В. С.* О некоторых вопросах образовательной миграции, как приоритетного направления развития миграционного законодательства РФ // Очерки новейшей камералистики. 2020. № 2. С. 44.

¹⁶ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4196.

¹⁷ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

ния дополнительных благоприятных условий для обучения в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»¹⁸, который предоставил ИГ возможность получать образование в соответствии с российской многоуровневой системой образования последовательно на различных уровнях. При этом образовательная организация, в которой данный ИГ будет продолжать обучение, представляет в территориальный миграционный орган гарантии, предусмотренные нормами п. 5 ст. 16 Федерального закона о правовом положении ИГ, а также при необходимости ходатайство о продлении срока временного пребывания данного ИГ в Российской Федерации. Эти положения в конечном счете привели правовое регулирование учебной миграции в соответствие с требованиями российского образовательного законодательства¹⁹.

Существенный вклад в развитие административно-правового регулирования потока образовательной миграции (а точнее — потока учебной миграции) внес Федеральный закон от 14.07.2022 № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁰. Этим законодательным актом были уточнены положения об обращении с ходатайством о приглашении ИГ в целях обучения в Российскую Федерацию. Право приглашать ИГ в целях обучения было предоставлено не только образовательным организациям, но и научным. Кроме того, устанавливались и совершенствовались административные процедуры перевода ИГ из одной образовательной (научной) организации в другую, продолжения образования на ином уровне очной или очно-заочной формы обучения и продления срока временного пребывания в Российской Федерации, уточнялась обязанность уведомлять территориальный миграционный орган и орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющий государственное управление в сфере образования, о предоставлении ИГ академического отпуска и

досрочном прекращении обучения ИГ в данной образовательной или научной организации (ч. 4 и 5 ст. 17 Федерального закона о правовом положении ИГ). Кроме этого, Федеральным законом от 23.07.2013 № 203-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях создания дополнительных благоприятных условий для обучения в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства»²¹ вводилась статья 13.4, определяющая особенности осуществления трудовой деятельности отдельными категориями ИГ, обучающихся в Российской Федерации по очной форме, которая была отменена впоследствии Федеральным законом от 06.02.2020 № 16-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” в части упрощения порядка трудоустройства в Российской Федерации обучающихся в российских профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования иностранных граждан и лиц без гражданства»²².

Поток научной и педагогической иммиграции ИГ и ЛБГ в Российскую Федерацию регламентируется в рамках потока внешней трудовой иммиграции, т.е. рассматривается как специфический вид внешней трудовой иммиграции высококвалифицированных работников. Административно-правовое регулирование данного потока стало осуществляться с принятием Федерального закона от 19.05.2010 № 86-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»²³, согласно которому часть 5 ст. 13.2 Федерального закона о правовом положении ИГ предоставила право привлекать высококвалифицированных специалистов российским научным организациям, образовательным учреждениям профессионального образования (за исключением учреждений профессиональ-

¹⁸ СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4036.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

²⁰ СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. 3). Ст. 5324.

²¹ СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4036.

²² СЗ РФ. 2020. № 6. Ст. 595.

²³ СЗ РФ. 2010. № 21. Ст. 2524.

ного религиозного образования (духовных образовательных учреждений), учреждениям здравоохранения, а также иным организациям, осуществляющим научную, научно-техническую и инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания, подготовку кадров в соответствии с государственными приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники Российской Федерации, при наличии у них в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, государственной аккредитации²⁴. Законодательством корректировались показатели признания научного или педагогического работника ИГ в качестве высококвалифицированного специалиста²⁵. В конечном счете совершенствование административно-правового регулирования привлечения ИГ и ЛБГ — высококвалифицированных специалистов для научной и педагогической деятельности в Российской Федерации осуществлялось в контексте совершенствования правового регулирования внешней трудовой иммиграции, что является, на наш взгляд, не вполне обоснованным.

Таким образом, следует констатировать, что эволюция развития административно-правового регулирования образовательной миграции в Российской Федерации характеризуется следующими обстоятельствами:

- 1) административно-правовое регулирование образовательной миграции в Российской Федерации начало осуществляться с принятием 25 июля 2002 г. Федерального закона о правовом положении ИГ. До этого территориальная мобильность с целью получения образования российским законодательством практически не регламентировалась;
- 2) в последующее десятилетие совершенствование административно-правового регулирования образовательной миграции осуществлялось с целью приведения миграционного законодательства в соответствие с иным действующим законодательством,

например в сфере образования, предоставления государственных услуг;

- 3) в течение 20 лет с момента формирования административно-правовых основ образовательно (учебной) миграции ИГ и ЛБГ в Российскую Федерацию происходил процесс совершенствования административных процедур реализации ИГ и ЛБГ права на получение образования в Российской Федерации;
- 4) поток иммиграции научных и педагогических работников формировался и развивался в рамках административно-правового регулирования внешней трудовой иммиграции ИГ и ЛБГ в Российскую Федерацию и не признается до настоящего времени как вид миграционного потока, осуществляемого в рамках потока образовательной миграции.

Миграционно-правовые режимы стратегического управления образовательной миграцией в Российской Федерации в рамках концепции государственной миграционной политики страны

Миграционно-правовой режим следует определять через характеристику его содержания, которое включает в себя законодательно определенные цели, задачи, принципы, приоритеты административно-правового регулирования, а также миграционно-правовые средства и гарантии реализации статуса ИГ и ЛБГ, миграционно-правовые правила и миграционно-правовые процедуры управления миграционными процессами в Российской Федерации²⁶. Административно-правовое регулирование образовательной миграции и ее вида — учебной иммиграции ИГ и ЛБГ, а также научной и педагогической иммиграции ИГ и ЛБГ в Российскую Федерацию может быть эффективно осуществлено посредством законодательного обеспечения содержания миграционно-правовых режимов. В рамках нормативного обеспечения потока образовательной миграции необходимо

²⁴ Впоследствии приведенные нормы приводились в соответствие с принятым законодательством об образовании (см.: Федеральный закон от 02.07.2013 № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3477).

²⁵ Федеральный закон от 29.06.2015 № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3951.

²⁶ См.: Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12.

сформировать миграционно-правовой режим учебной иммиграции ИГ и ЛБГ и миграционно-правовой режим научной и педагогической иммиграции ИГ и ЛБГ. Административно-правовое регулирование образовательной миграции и формирования нормативных основ указанных миграционно-правовых режимов должно основываться на стратегических целях государственной миграционной политики и основных направлениях ее реализации, определенных в Концепции.

Административно-правовая регламентация учебной и научной (педагогической) иммиграции должна учитывать, что в рамках потока образовательной миграции реализуется социально-экономическая, включая демографическую, цель государственной миграционной политики. Одновременно пункт 24 Концепции определяет следующие основные направления (приоритеты) миграционной политики в области содействия свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников:

- а) повышение доступности образовательных услуг для ИГ, включая совершенствование правил въезда в Российскую Федерацию и пребывания на ее территории ИГ в целях обучения;
- б) обеспечение открытости Российской Федерации для обучающихся, научных и педагогических работников;
- в) расширение возможностей для приглашения преподавателей из иностранных образовательных организаций в целях обучения российских граждан;
- г) совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для обучения в пределах выделяемых государством квот²⁷.

Миграционно-правовой режим учебной иммиграции ИГ и ЛБГ в настоящее время является ключевым видом миграционно-правового режима управления образовательной миграцией в Российскую Федерацию, преследующим цель получения ИГ и ЛБГ образования в образовательных организациях Российской Федерации. В рамках миграционно-правового режима учебной миграции должны решаться следующие задачи государственной миграционной политики России:

- а) максимальное привлечение ИГ и ЛБГ для получения образования в Российской Федерации;
- б) формирование упрощенного механизма отбора ИГ и ЛБГ для обучения в рамках бюджетных квот, выделяемых государством на эти цели;
- в) создание условий для решения демографических проблем численности населения России за счет ИГ и ЛБГ, получивших образование в Российской Федерации.

Приоритетом данного режима должно стать создание нормативно-правовых условий для достижения указанной цели, адаптации и интеграции ИГ и ЛБГ в экономику и социальную среду Российской Федерации с последующей приживаемостью данных лиц в Российской Федерации (получение ими вида на жительство и гражданства Российской Федерации), что будет служить достижению стратегической социально-экономической, включая демографическую, цели государственной миграционной политики России. При этом приоритетами данного миграционно-правового режима являются и приоритеты, определенные в п. 24 Концепции. Рассматриваемый миграционно-правовой режим должен основываться на следующем принципе режимного регулирования учебной иммиграции: *принцип простоты и ясности правового регулирования учебной миграции, приоритет прав иностранного обучающегося и принимающей образовательной и научной организации при реализации миграционно-правового режима учебной иммиграции ИГ и ЛБГ*. Ключевыми правовыми средствами реализации рассматриваемого миграционно-правового режима учебной миграции должны стать формирование режима наибольшего благоприятствования для привлечения ИГ и ЛБГ, создание условий и перспектив интеграции и адаптации в российское общество с последующей приживаемостью в Российской Федерации. Необходимо расширение квот на привлечение ИГ и ЛБГ для получения образования в Российской Федерации с целью формирования «мягкой силы» в государствах происхождения обучающихся. Это означает, что в рамках данного режима должны преимущественно применяться экономико-правовые и организационно-правовые средства

²⁷ См.: постановление Правительства РФ от 18.12.2020 № 2150 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 52. (ч. 1). Ст. 8833.

реализации режима. Ключевыми элементами содержания миграционно-правового режима учебной миграции выступают миграционные правила и процедуры, определяющие условия и порядок достижения целей режима, а также гарантии реализации правового статуса мигранта. В этой связи следует признать, что гарантии правового статуса ИГ и ЛБГ в рамках данного режима весьма полно определены в ч. 3 ст. 17 Федерального закона о правовом положении ИГ. Миграционные правила и административные процедуры, определяющие условия и порядок достижения целей рассматриваемого режима, должны сводиться к закреплению оснований и условий обращения в территориальный миграционный орган с ходатайством о приглашении ИГ и ЛБГ для обучения в учебной и научной организации. Кроме этого, одновременно с ходатайством о приглашении ИГ и ЛБГ для обучения в учебной и научной организации уместно ходатайствовать о предоставлении этим лицам разрешения на временное проживание на срок действия контракта на обучение. Необходимо определять миграционные правила и процедуры перевода обучающегося в иную образовательную организацию, поступления на иной уровень образования, информирования территориального миграционного органа о предоставлении ИГ академического отпуска, досрочном прекращении обучения ИГ в образовательной или научной организации.

Миграционно-правовой режим научной и педагогической иммиграции ИГ и ЛБГ преследует цель привлечения высококвалифицированных специалистов для обеспечения следующих уровней образования: среднее профессиональное образование; высшее образование — бакалавриат; высшее образование — специалитет, магистратура; высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации, а также для проведения фундаментальных, прикладных и поисковых научных исследований²⁸. Принципиальной основой административно-правового регулирования этого режима и одновременно приоритетом государственной политики в сфере привлечения высококвалифицированных научных и педагогических кадров в систему российского образования должно стать *поддержание эффективных условий для обеспечения российского образования новыми образовательными технологиями и компе-*

тенциями для создания конкурентоспособных специалистов для различных сфер экономической, социальной и правоохранительной деятельности.

В рамках миграционно-правового режима научной и педагогической иммиграции ИГ и ЛБГ должны решаться задачи:

- а) создания условий по привлечению и использованию в Российской Федерации высококвалифицированных ИГ и ЛБГ для осуществления педагогической и научно-исследовательской деятельности;
- б) адаптации и интеграции данной категории иммигрантов в российское общество с предоставлением в упрощенном порядке вида на жительство и гражданства Российской Федерации;
- в) создания особых условий для привлечения педагогических и научных работников ИГ и ЛБГ — высококвалифицированных специалистов в приоритетных отраслях знаний и научных исследованиях (например, в области IT-технологий).

Привлечение высококвалифицированных научных и педагогических специалистов из числа ИГ и ЛБГ должно осуществляться на основе приглашения образовательными и научными организациями с указанием вида пребывания данного лица на территории Российской Федерации и новых образовательных и научных технологий и компетенций, которые стремится приобрести приглашающая организация. Приглашение осуществляется путем подачи ходатайства в территориальный миграционный орган, согласованного с органом управления образования субъекта РФ, а если образовательная или научная организация является ведомственной, то с согласия федерального органа исполнительной власти, в ведении которого она находится. Миграционные правила данного режима должны также определять порядок изменения высококвалифицированным ИГ (ЛБГ) места педагогической и научной деятельности, досрочного прекращения данной деятельности. Осуществление этих миграционных правил должно основываться на административных процедурах, определенных законодательно.

Представленный подход развития административно-правового регулирования образовательной миграции, складывающейся из

²⁸ См.: ст. 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

учебной иммиграции ИГ и ЛБГ и научной (педагогической) иммиграции ИГ и ЛБГ, посредством формирования режимного правового регулирования данного миграционного потока позволит эффективно реализовать стратегическое управление реализацией государственной миграционной политики в рассматриваемой сфере территориальной мобильности людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрюшина Е. В., Луценко Н. О. Влияние современной российской государственной образовательной политики на процессы образовательной миграции // Государственное управление. Электронный вестник. — 2018. — № 66. — С. 210–220.
2. Балашова Т. Н. Конституционно-правовое регулирование вынужденной миграции в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Елец, 2004.
3. Гришковец А. А. Административно-правовое регулирование в миграционной сфере // Вестник ВИПК МВД России. — 2022. — № 2 (62). — С. 111–112.
4. Жеребцов А. Н. Правовое регулирование миграционной политики Российской Федерации : монография. — Краснодар, 2007.
5. Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009.
6. Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации (комплексный анализ теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009.
7. Жеребцов А. Н., Горбань А. Е. Целевая концепция государственной миграционной политики Российской Федерации и административно-правовой механизм ее реализации : монография. — М. : Проспект, 2022.
8. Кардашова И. Б. Стратегическое управление: реальность или миф // Административное право и процесс. — 2022. — № 7. — С. 8–14.
9. Лебедева Т. В. Роль образовательной миграции в обеспечении экономики высококвалифицированными кадрами: теоретические и правовые аспекты // Миграционное право. — 2021. — № 4. — С. 19–26.
10. Музыченко П. Б. Административно-правовая информатология паспортно-визовой работы при регулировании миграционных процессов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Хабаровск, 2002.
11. Плаксина И. В. Конституционно-правовое регулирование миграционных процессов : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001.
12. Плюгина И. В. Правовые средства оказания содействия образовательной миграции // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 121–135.
13. Пшегорская Н. А. Факторы образовательной миграции молодежи в контексте взаимосвязи рынка образовательных услуг и рынка труда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 1. — С. 81–83.
14. Торохов А. Н. Конституционно-правовое регулирование миграционных процессов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2004.
15. Чупрова А. А., Ильиных В. С. О некоторых вопросах образовательной миграции как приоритетного направления развития миграционного законодательства РФ // Очерки новейшей камералистики. — 2020. — № 2.
16. Яценко О. Ю. Отраслевая экономика и образовательная миграция: этико-правовые проблемы // Legal Bulletin. — 2020. — Т. 5. — № 3. — С. 164–170.

Материал поступил в редакцию 24 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Andryushina EV, Lutsenko NO. Vliyanie sovremennoy rossiyskoy gosudarstvennoy obrazovatelnoy politiki na protsessy obrazovatelnoy migratsii [The influence of the state educational policy on educational migration in modern Russia Public Administration]. *E-Journal*. 2018;66:210-220. (In Russ.).
2. Balashova TN. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoy migratsii v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional and legal regulation of forced migration in the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Yelets; 2004. (In Russ.).
3. Grishkovets AA. Administrativno-pravovoe regulirovanie v migratsionnoy sfere [Administrative and legal regulation in the migration sphere]. *Vestnik VIPK MVD Rossii*. 2022;2(62):111-112. (In Russ.).
4. Zherebtsov AN. Pravovoe regulirovanie migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of migration policy of the Russian Federation]. Krasnodar; 2007. (In Russ.).
5. Zherebtsov AN. Kontseptsiya administrativno-pravovogo regulirovaniya migratsionnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii (kompleksnyy analiz teorii i praktiki): dis. ... d-ra yurid. nauk [The concept of administrative and legal regulation of migration relations in the Russian Federation (a comprehensive analysis of theory and practice): Doctoral Dissertation]. Moscow; 2009. (In Russ.).
6. Zherebtsov AN. Kontseptsiya administrativno-pravovogo regulirovaniya migratsionnykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii (kompleksnyy analiz teorii i praktiki): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [The concept of administrative and legal regulation of migration relations in the Russian Federation (a comprehensive analysis of theory and practice): Author's Abstract of the Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2009. (In Russ.).
7. Zherebtsov AN, Gorban AE. Tselevaya kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii i administrativno-pravovoy mekhanizm ee realizatsii [The target concept of the state migration policy of the Russian Federation and the administrative and legal mechanism of its implementation]. Moscow: Prospect; 2022. (In Russ.).
8. Kardashova IB. Strategicheskoe upravlenie: realnost ili mif [Strategic administration: myth or reality]. *Administrative Law and Procedure*. 2022;7:8-14. (In Russ.).
9. Lebedeva TV. Rol obrazovatelnoy migratsii v obespechenii ekonomiki vysokokvalifitsirovannymi kadrami: teoreticheskie i pravovye aspekty [The role of educational migration in the provision of the economy with highly qualified personnel: theoretical and legal aspects]. *Migration Law*. 2021;4:19-26. (In Russ.).
10. Muzychenko PB. Administrativno-pravovaya informatsiologiya pasportno-vizovoy raboty pri regulirovanii migratsionnykh protsessov v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. [Administrative and legal informationology of passport and visa work in the regulation of migration processes in the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Khabarovsk; 2002. (In Russ.).
11. Plaksina IV. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie migratsionnykh protsessov: dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional and legal regulation of migration processes: Cand. Sci. (Law)]. Moscow; 2001. (In Russ.).
12. Plyugina IV. Pravovye sredstva okazaniya sodeystviya obrazovatelnoy migratsii [Legal means of facilitating educational migration]. *Journal of Russian Law*. 2019;10:121-135. (In Russ.).
13. Pshegorskaya NA. Faktory obrazovatelnoy migratsii molodezhi v kontekste vzaimosvyazi rynka obrazovatelnykh uslug i rynka truda [Factors of educational migration of young people in the context of the relationship between the educational services market and the labor market]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2017;1:81-83. (In Russ.).
14. Torokhov AN. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie migratsionnykh protsessov v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional and legal regulation of migration processes in the Russian Federation: Cand. Sci. (Law)]. Moscow; 2004. (In Russ.).
15. Chuprova AA, Ilyinykh VS. O nekotorykh voprosakh obrazovatelnoy migratsii kak prioriternogo napravleniya razvitiya migratsionnogo zakonodatelstva RF [On some issues of educational migration, as a priority direction for the development of migration legislation of the Russian Federation]. *Ocherki noveyshey kameralistiki*. 2020;2. (In Russ.).
16. Yatsenko OYu. Otrasleyvaya ekonomika i obrazovatel'naya migratsiya: etiko-pravovye problemy [Sectoral economics and educational migration: ethical and legal issues]. *Legal Bulletin*. 2020;5(3):164-170. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.067-078

Е. В. Лунева*

Правовые запреты и ограничения в обеспечении рационального природопользования

Аннотация. В статье дается общая характеристика правовых запретов и ограничений в сфере охраны окружающей среды и природопользования, показывается их объективный и субъективный смысл. Определяется соотношение правовых запретов, ограничений, пределов и требований. «Природоохранные требования» определяются как правовое средство, значение которого шире, чем правовые «запреты» и «ограничения». Требования в сфере охраны окружающей среды, помимо обязательных условий и ограничений, включают в себя и иные правовые средства: 1) предписания (позитивные обязывания), 2) запреты и 3) дозволения с ограничивающими условиями. Основная цель правового регулирования при установлении запретов и ограничений в области обеспечения рационального природопользования — сдерживание деятельности хозяйствующих субъектов в рамках ассимиляционной емкости окружающей природной среды. Дополнительная цель правового регулирования — улучшение окружающей природной среды, восстановление ее нарушенного состояния, повышение устойчивости экологических систем. Общий запрет как первый уровень нормативного регулирования позволяет обеспечить неистощительное природопользование в качестве начальной стадии рационального природопользования. Правовые средства второго уровня нормативного регулирования также направлены на обеспечение использования окружающей природной среды в рамках ее ассимиляционной емкости. В то же время на втором уровне действуют правовые стимулы, которые побуждают и мотивируют природопользователей не просто исполнять обязанности, поддерживая неистощительное природопользование, а перейти к повышению устойчивости экологических систем. Третий уровень нормативного регулирования составляют запреты, направленные на повышение устойчивости экологических систем. Доказывается допустимость конкретизации в нормативных правовых актах различного уровня закрепленного в федеральном законе общего ограничения прав в сфере обеспечения рационального природопользования.

Ключевые слова: рациональное природопользование; неистощительное природопользование; ограничения; запреты; требования; предписания; дозволения; правовые средства; пределы дозволенного поведения; уровни нормативного регулирования; благоприятная окружающая среда; устойчивость экологических систем.

Для цитирования: Лунева Е. В. Правовые запреты и ограничения в обеспечении рационального природопользования // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 67–78. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.067-078.

© Лунева Е. В., 2022

* Лунева Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
Кремлевская ул., д. 18, г. Казань, Россия, 420008
vilisa_vilisa@mail.ru

Legal Prohibitions and Restrictions in Ensuring Rational Use of Natural Resources

Elena V. Luneva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Faculty of Law of Kazan (Volga Region) Federal University
ul. Kremlevskaya, d. 18, Kazan, Russia, 420008
vilisa_vilisa@mail.ru

Abstract. The paper gives a general description of legal prohibitions and restrictions in the field of environmental protection and nature management, shows their objective and subjective meanings. The author determines the balance between legal prohibitions, restrictions, limits and requirements. «Environmental requirements» are defined as a legal means, the meaning of which is broader than legal «prohibitions» and «restrictions». Requirements in the field of environmental protection, in addition to mandatory conditions and restrictions, include other legal means: 1) prescriptions (positive obligations), 2) prohibitions and 3) permits with restrictive conditions. The main purpose of legal regulation in establishing prohibitions and restrictions in the field of ensuring rational use of natural resources is to restrain activities of economic entities within the assimilation capacity of the environment. An additional goal of legal regulation is to improve natural environment, restore its disturbed state, and increase the sustainability of ecological systems. The general prohibition as the first level of normative regulation makes it possible to ensure sustainable nature management as the initial stage of rational nature management. The legal means of the second level of normative regulation are also aimed at ensuring the use of the natural environment within its assimilation capacity. At the same time, at the second level, there are legal incentives that encourage and motivate nature users not just to fulfill their duties, supporting sustainable nature management, but to move to improving ecological systems' sustainability. The third level of normative regulation consists of prohibitions aimed at improving sustainability of environmental systems. The author proves admissibility of legislative specification of various levels of the general restriction of rights in the field of ensuring rational use of natural resources enshrined in the federal legislation.

Keywords: rational nature management; sustainable nature management; restrictions; prohibitions; requirements; regulations; permits; legal means; limits of permissible behavior; levels of regulatory regulation; favorable environment; sustainability of ecological systems.

Cite as: Luneva EV. Pravovye zaprety i ogranicheniya v obespechenii ratsionalnogo prirodopolzovaniya [Legal Prohibitions and Restrictions in Ensuring Rational Use of Natural Resources]. *Lex russica*. 2022;75(11):67-78. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.067-078. (In Russ., abstract in Eng.)

Введение. Рациональное природопользование (далее — РП) охватывает все виды интересов в разном соотношении, среди которых часто возникают конфликты, прежде всего между публичными и частными. Правовые запреты и ограничения обеспечивают их баланс, развитие, предотвращают и сглаживают конфликты. Проблемы соотношения правовых запретов и ограничений с пределами осуществления прав природопользователей, экологическими требованиями, особенности их реализации и установления влияют на юридическую технику в целом. С позиции обеспечения РП правовые запреты и ограничения непосредственно свя-

заны с эффективностью правового регулирования.

1. Общая характеристика правовых запретов и ограничений в сфере охраны окружающей среды (далее — ООС) и природопользования. Правовые ограничения — это правовые средства, которые сдерживают поведение участников отношений, имеют превентивную характеристику¹, устанавливаются в целях охраны и защиты², предупреждения конфликтов³, достижения эффективного сочетания⁴ противоположных правовых интересов. В сфере ООС и природопользования правовым ограничениям свойственны те же признаки, однако они имеют

¹ Хлуденева Н. И. Оценка эффективности применения эколого-правовых ограничений экономической деятельности в России // Журнал российского права. 2021. № 4. С. 157.

² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М. : Юрист, 2003. С. 104.

³ Голия Г. О. Ограничения имущественных прав с целью обеспечения экологической безопасности (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 57.

⁴ Андреев Ю. Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. С. 23–24.

специальную направленность на обеспечение права на благоприятную окружающую среду.

В теоретико-правовой науке ограничивающие средства классифицируют по различным основаниям: в зависимости от структурных элементов правовой нормы, времени действия, предмета правового регулирования, объема, содержания⁵ и других критериев. В доктрине земельного и экологического права ограничения систематизируются по целям и основаниям наложения⁶, характеру правового воздействия⁷, цели, продолжительности и сфере действия, кругу субъектов, видам правомочий правообладателя⁸, степени охвата видов экономической деятельности⁹. Многообразие оснований классификации ограничивающих правовых средств свидетельствует о стремлении научного сообщества упорядочить их значительный объем.

Широкий спектр ограничивающих правовых средств стал одной из причин возникновения разных подходов к соотношению терминов в сфере правового лимитирования. Так, отсутствует научное единообразие о соотношении понятий «запрет», «ограничение», «пределы». Одни считают, что ограничения и запреты, уменьшая варианты дозволенного поведения¹⁰, устанавливают пределы (границы) реализации¹¹ (осуществления) права¹², за которые субъекты не

могут или не хотят выходить¹³. Представители такого подхода при формулировании определений «ограничения» и «запреты» ссылаются на «рамки», «пределы»¹⁴. Например, через определение пределов вовлечения земельных участков в оборот У. В. Корнилова характеризует ограничение их оборотоспособности¹⁵. Исследуя лимитирование прав на земельные участки в публичных интересах, А. П. Ревякин приходит к выводу о том, что любое ограничение — это всегда установление определенных пределов, границ поведения¹⁶. Он предлагает деление ограничений прав на земельные участки по видам правомочий правообладателя, где установлены пределы их осуществления¹⁷. Е. В. Ухлоva экологические ограничения связывает с пределами реализации прав¹⁸, Н. И. Хлуденева — с правовыми пределами допустимого поведения¹⁹.

Другие, высказывающие критику такой позиции, полагают, что рассматриваемые категории совершенно не совпадают²⁰. Они считают, что при формулировании определения терминов «ограничение» и «запрет» через слово «пределы» происходит их фактическое отождествление, в то время как границы (пределы) права указывают, каких правомочий в нем нет, а ограничение — какие из входящих в

⁵ Малько А. В. Указ. соч. С. 94–102.

⁶ Васильева М. И. О методах, средствах и способах правового регулирования экологических отношений // Экологическое право. 2009. № 2/3. С. 59.

⁷ Логунова М. В. Ограничения оборотоспособности земельных участков в публичных интересах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 11.

⁸ Ревякин А. П. Ограничения прав на земельные участки в публичных интересах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 8–9.

⁹ Хлуденева Н. И. Указ. соч. С. 164.

¹⁰ Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

¹¹ Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правоприменения // Журнал российского права. 2006. № 4. С. 105.

¹² Ашихмина А. В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12–13.

¹³ Михайлов В. В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека. М., 2006. С. 250.

¹⁴ Малько А. В. Указ. соч. С. 9, 91.

¹⁵ Корнилова У. В. Правовое регулирование ограничений оборотоспособности земельных участков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 8, 18, 20, 21.

¹⁶ Ревякин А. П. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ Ревякин А. П. Указ. соч. С. 9.

¹⁸ Ухлоva Е. В. Экологические ограничения прав граждан на землю в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9, 13, 14.

¹⁹ Хлуденева Н. И. Указ. соч. С. 164.

²⁰ Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов [и др.] ; под общ. ред. А. П. Анисимова. М. : Юстицинформ, 2020. С. 297.

содержание правомочий стесняются (сужаются) в осуществлении²¹. Однако в приведенных аргументах имеются некоторые внутренние противоречия.

Во-первых, такие ограничения с абсолютным характером, как запреты, также исключают отдельные правомочия из содержания права или определенные права в целом. Запреты бывают двух видов: 1) полностью исключающие право или его реализацию²² (полный запрет); 2) исключающие определенный объем правомочий (частичный запрет)²³, в том числе допускающие исключения из запрета. Примером полного запрета является запрет на изменение целевого назначения земельных участков в государственных природных заповедниках без каких-либо оговорок (п. 2.1 ст. 6 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях»²⁴ (далее — Федеральный закон «Об ООПТ»)). Иллюстрацией частичного запрета служит запрет на изменение целевого назначения земельных участков в национальных парках, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами (п. 3 ст. 12 Федерального закона «Об ООПТ»)). В поддержку таких рассуждений следует привести утверждение А. В. Малько о том, что запрещающие регулятивные нормы обязывают полностью воздержаться от определенных действий, а ограничивающие регулятивные нормы сужают пределы дозволенных действий, в границах которых субъекты должны действовать²⁵. Так, для сохранения и рационального использования охотничьих ресурсов в ст. 22 Федерального закона «Об охоте»²⁶ введены запреты, которые обязывают полностью воздержаться от охоты в определенных охотничьих угодьях, на отдельных видах охотничьих ресурсов, включая охотничьи ресурсы конкретных пола и возраста (п. 1), а также иные запреты (п. 4), напри-

мер запрет промысловой охоты на территории национальных парков (п. 2 ст. 15 Федерального закона «Об ООПТ»). Согласно этой же статье Федерального закона «Об охоте» к ограничениям, обеспечивающим сохранение и рациональное использование охотничьих ресурсов, относятся: установление допустимых орудий охоты, способов охоты, транспортных средств, собак охотничьих пород и ловчих птиц; определение сроков охоты (п. 2). Получается, что запреты указывают, какие права отсутствуют у участника конкретного правоотношения, а ограничения лишь сужают правомочия прав, то есть пределы дозволенных действий.

Во-вторых, представители первого направления совсем не отождествляют «ограничение» и «запрет» с «пределами», а только показывают в том или ином авторском суждении, в чем выражаются ограничения, включая запреты. Другими словами, пределы допустимого поведения представляют форму выражения ограничений.

В-третьих, сам законодатель связывает пределы разрешенных действий с ограничениями. Например, в ст. 44 Жилищного кодекса РФ к компетенциям общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме отнесено «принятие решений о *пределах* (здесь и далее выделено мной. — Е. Л.) использования земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, в том числе *введение ограничений пользования им...*». В данном случае законодатель употребляет слово «предел» как более широкий термин по отношению к слову «ограничение». Такое соотношение терминов скорее является недостатком юридической техники законодателя, поскольку пределы допустимого поведения — это проявление правового ограничения вовне.

²¹ Актуальные проблемы теории земельного права России. С. 299.

²² Реализация права или отдельных его правомочий, как правило, выражается в действиях физических или юридических лиц, обладающих ими. Поэтому при установлении запретов исключается правомерность запрещенных действий, за совершение которых наступает юридическая ответственность. Исключением является ряд личных неимущественных прав, например в России — право на жизнь.

²³ Лунева Е. В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях. М. : Статут, 2018. С. 91.

²⁴ Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об особо охраняемых природных территориях» // СЗ РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

²⁵ Абанина Е. Н. [и др.] Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / под ред. А. В. Малько. М. : РИОР: Инфра-М, 2020. С. 13.

²⁶ Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3735.

В-четвертых, в судебном истолковании ограничения также связываются с пределами осуществления прав. Например, по делу об изъятии объекта незавершенного строительства путем продажи с публичных торгов вышестоящий суд согласился с выводом нижестоящего суда о том, что норма ст. 239.1 ГК РФ «...корреспондирует к ограничениям, предусмотренным статьей 10 ГК РФ, устанавливающей пределы осуществления гражданских прав...»²⁷.

Возможно, возникшие научные споры о терминах в сфере лимитирования прав могут быть частично разрешены, если запреты, ограничения и пределы рассматривать в объективном и субъективном смыслах. При этом последние взаимосвязаны, поскольку субъективное право всегда возникает на основании норм объективного права.

В объективном смысле ограничения, включая запреты, — это правовые средства сдерживания противозаконного деяния, оказывающие отрицательную правовую мотивацию и создающие условия для удовлетворения законных интересов²⁸. Устанавливая меру свободы поведения, ограничения, включая запреты, определяют объем и способы осуществления права — общие пределы дозволенного поведения участников отношений в конкретной части социальной действительности. При этом в объективном срезе пределы дозволенного поведения представляют собой общие правила правомерности поведения — всегда объективны, ибо устанавливаются законодателем.

В субъективном смысле пределы дозволенного поведения связываются с пределами осуществления субъективных прав и исполнением обязанностей. В этом случае имеются отличия ограничений и пределов осуществления субъективных прав. В субъективном смысле ограничение права действительно показывает, какие правомочия у конкретного участника правоотношений отсутствуют. Под действием ограничений происходит сужение потенциальной возможности осуществления субъективного права, при этом его объем и содержание остаются неизменными.

В действующем регулировании ООС и обеспечения РП необходимо определить соотношение терминов «ограничения» и «требования».

В эколого-правовой науке признается, что в интерпретации законодателя «ограничения» и «требования» не являются однопорядковыми категориями²⁹. Дело в том, что в легальном понимании «требования в области ООС» / «природоохранные требования» включают «обязательные условия, ограничения или их совокупность» (ст. 1 Федерального закона «Об ООС»). Получается, что «требования» — это правовые средства, имеющие более широкое значение, чем правовые ограничения.

Требования в сфере ООС, кроме обязательных условий и ограничений, включают в себя правовые средства, которые относятся к способам воздействия на поведение участников отношений: 1) предписания (позитивные обязывания), 2) запреты и 3) дозволения с ограничивающими условиями. Включение предписаний в природоохранные требования иллюстрируется в п. 2 ст. 34 Федерального закона «Об ООС», посвященном общим требованиям в области ООС при осуществлении хозяйственной и любой другой деятельности. В указанном пункте закреплена система предписаний в виде проводимых мероприятий по ООС. Применительно к требованиям в области ООС при проектировании, строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства п. 2 ст. 36 Федерального закона «Об ООС» установлено предписание — *обязанность* применять ресурсосберегающие, малоотходные, безотходные и иные технологии, способствующие ООС, а также предупреждению и устранению ее загрязнения. *Запрет* как часть требований в области ООС при обращении с отходами производства и потребления устанавливает пункт 2 ст. 51 Федерального закона «Об ООС». Правовая норма запрещает ряд действий, включая сброс отходов в водные объекты, на водосборные площади, в недра и на почву.

С точки зрения юридической техники интересны формулировки природоохранных требований, одновременно закрепляющих *дозволения и запреты*. Показательным примером может служить статья 38 Федерального закона «Об ООС», посвященная требованиям в области ООС при вводе в эксплуатацию объектов капитального строительства, в пункте 1 которой

²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 21.12.2020 № 304-ЭС20-19559 по делу № А46-21623/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Малько А. В. Указ. соч. С. 16, 91, 94.

²⁹ Хлуденева Н. И. Указ. соч. С. 162.

предусмотрено «дозволение», а в пункте 2 «запрет» на ввод в эксплуатацию распространяется только на объекты капитального строительства, не оснащенные техническими средствами по предотвращению, минимизации негативного воздействия на окружающую среду, а также средствами контроля за загрязнением окружающей среды. В случае же оснащения соответствующими техническими средствами объекты капитального строительства разрешено вводить в эксплуатацию, т.е. по смыслу п. 1 — «дозволение» с ограничивающими условиями. Аналогичными являются природоохранные требования, предусмотренные пунктом 2 ст. 23.1 Федерального закона «Об ООС», в соответствии с которыми установление временно разрешенных выбросов и сбросов *допускается* при наличии плана мероприятий по ООС или программы повышения экологической эффективности. В случае отсутствия обозначенных документов действует запрет на установление временно разрешенных выбросов и сбросов.

2. Специфика правовых запретов и ограничений в обеспечении РП. Правовые запреты и ограничения лимитируют поведение природопользователей. Н. Б. Мухитдинов признавал, что, очерчивая рамки поведения субъектов по использованию объектов природы, государство устанавливает положительные и отрицательные последствия, к которым приводит соблюдение или нарушение обязанностей по их рациональному использованию³⁰. Природоохранительная функция государства состоит в целенаправленном преобразовании биосферы, в том числе в интересах рационального использования, улучшении природной среды, восстановлении нарушенного равновесия³¹. Запреты и ограничения использования природных объектов направлены на выработку рекомендаций по РП³². Следовательно, запреты и ограничения в сфере РП имеют направленность как на сохранение, так и на улучшение окружающей природной среды, восстановление ее нарушенного состояния, повышение устойчивости экологических систем.

Правовые запреты и ограничения в сфере РП выполняют следующие специальные функции: 1) обеспечение права на благоприятную окру-

жающую среду (как часть ООС); 2) повышение устойчивости экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. При этом обе функции взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку повышение устойчивости экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов способствует снижению эколого-правовых рисков, и наоборот, обеспечение права на благоприятную окружающую среду позволяет достичь первой стадии РП — неистощительного природопользования.

Лимитирующие правовые средства, с одной стороны, гарантируют самую первую стадию РП — неистощительное природопользование. Правовые запреты и ограничения направлены на обеспечение устойчивости экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов (сохранение природных ресурсов, недопущение их нецелевого использования и т.д.). Основная цель правового регулирования при установлении запретов и ограничений в области РП — сдерживание деятельности хозяйствующих субъектов в рамках ассимиляционной емкости окружающей природной среды.

С другой стороны, максимум (эффективность) в запрещающем или ограничивающем правовом регулировании достигается тогда, когда запреты и ограничения приводят к увеличению устойчивости экологических систем. Такой максимум наблюдается при выделении заповедных зон в различных категориях и значениях особо охраняемых природных территорий (далее — ООПТ). Например, в заповедной зоне национальных парков запрещается осуществление любой хозяйственной деятельности (пп. «а» п. 1 ст. 15 Федерального закона «Об ООПТ»), что направлено не только на сохранение, но и на повышение устойчивости уникальных и редких экологических систем. Соответственно, дополнительная цель правового регулирования при установлении запретов и ограничений в области РП — улучшение окружающей природной среды, восстановление ее нарушенного состояния, повышение устойчивости экологических систем.

Правовые ограничения и запреты в сфере РП касаются субъектного состава, прав и обязанностей лиц, использующих природные ресурсы.

³⁰ Мухитдинов Н. Б. К вопросу о роли права в обеспечении рационального и комплексного использования природных ресурсов // Мухитдинов Н. Б. Избранные труды : в 9 т. Т. 2 : Основы горного права: некоторые важные положения теории и практики. Алматы, 2010. С. 201.

³¹ Мухитдинов Н. Б. Указ. соч. С. 203.

³² Право природопользования в СССР / отв. ред. И. А. Иконичкая. М. : Наука, 1990. С. 10.

Лимитирующие правовые средства в сфере РП многообразны и представлены не только непосредственно запретами и ограничениями, но и дополнительными основаниями прекращения права, дополнительными предписаниями для получения права, дополнительной юридической процедурой и т.д.³³

3. Ограничения и запреты в модели уровней нормативного регулирования отношений в сфере РП. В каждой отрасли права запреты характеризуются собственным предназначением, целью и функциями³⁴. Не являются исключением экологическое право и природоресурсные отрасли права. Как работают ограничения и запреты в месте пересечения экологического и природоресурсных отраслей права, составляющие право РП?

Разрешительный тип правового регулирования общественных отношений по РП влияет на приоритет, соотношение и расположение ограничений и запретов в модели уровней нормативного регулирования. Теория уровней нормативного регулирования экологических отношений³⁵ находит свое подтверждение и приобретает некоторую специфику в сфере РП.

Общий запрет на любое негативное воздействие на окружающую среду составляет первый уровень нормативного регулирования экологических отношений³⁶. Исходя из этого, общий запрет позволяет обеспечить неистощительное природопользование как начальную стадию РП.

На втором уровне рассматриваемого регулирования действуют императивный и диспозитивный методы правового регулирования³⁷. В их рамках функционируют предписания и дозволения, в том числе с ограничивающими условиями (исключения из общего запрета)³⁸. Применительно к РП правовые средства здесь

также направлены на обеспечение использования окружающей природной среды в рамках ее ассимиляционной емкости (нормативы, квоты, разрешения, лицензии и т.д.). К дозволениям второго уровня нормативного регулирования отношений РП относится пункт 2 ст. 10 Федерального закона «Об ООПТ», позволяющий в целях апробирования и внедрения методов РП присоединять к государственным природным биосферным заповедникам территории биосферных полигонов. К рассматриваемой группе правовых средств относятся и различные дозволения-условия, разрешающие в определенных случаях застройку площадей залегания полезных ископаемых (ст. 25 Закона РФ «О недрах»³⁹).

На втором уровне нормативного регулирования действуют правовые стимулы, в том числе в виде дозволений, льгот, поощрений, которые побуждают и мотивируют природопользователей не просто исполнять обязанности, поддерживая неистощительное природопользование, а перейти к повышению устойчивости экологических систем. К сожалению, в действующем нормативном правовом регулировании РП льготы и поощрения развиты слабо. Целесообразно увеличить объем правовых средств, стимулирующих введение дополнительных природоохранных мероприятий при осуществлении хозяйственной деятельности, направленных на повышение устойчивости экологических систем. В научной литературе обоснованно говорится о значимости стимулирования предпринимателей к экологически рациональной деятельности⁴⁰.

Третий уровень нормативного регулирования представлен запретами — исключениями из дозволений второго уровня, выполняющими

³³ Лунева Е. В. Экологические императивы в системе правовых предписаний о рациональном природопользовании // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 157.

³⁴ Едкова Т. А. Обсуждение доктрины запретов в административном праве // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 138.

³⁵ Волков Г. А. Уровни нормативного регулирования экологических отношений // Экологическое право. 2018. № 6. С. 3.

³⁶ Волков Г. А. Указ. соч. С. 4.

³⁷ Волков Г. А. Указ. соч. С. 4.

³⁸ Волков Г. А. Указ. соч. С. 4.

³⁹ Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 16.04.1992. № 6. Ст. 834.

⁴⁰ Митякина Н. М., Туранин В. Ю. Субъекты сельскохозяйственной деятельности как адресаты правовых требований рационального природопользования в сельском хозяйстве // Экологическое право. 2019. № 4. С. 17.

⁴¹ Волков Г. А. Указ. соч. С. 5.

по отношению к ним специальные функции⁴¹. Например, в этом аспекте и в такой разновидности РП, как лесоразведение, предусмотрено использование лесов для создания и эксплуатации лесных питомников (п. 10.1 ст. 25 Лесного кодекса РФ, дозволение второго уровня). В то же время в качестве исключения из дозволения второго уровня запрещается использование лесов в этих же целях при невозможности охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения лесных растений, занесенных в красные книги РФ или ее субъекта (п. 12 Правил создания лесных питомников и их эксплуатации, утв. приказом Минприроды России от 12.10.2021 № 737). Кроме того, для соответствующего выращивания не допускается применение семян лесных растений, посевные и иные качества которых не проверены (п. 9).

4. Установление ограничений в сфере РП.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только *федеральными законами*. В силу этого не могут быть признаны законными ограничения прав и свобод человека и гражданина, установленные не федеральным законом, а иными нормативными правовыми актами⁴².

В то же время часть 3 ст. 15 Конституции РФ закрепляет, что *любые нормативные правовые акты*, затрагивающие права, свободы и обязанности, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. Суд не вправе основывать свое решение на таких неопубликованных нормативных правовых актах⁴³. Указанное конституционное положение получило развитие в п. 10 Указа Президента РФ № 763⁴⁴, согласно которому нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, не опубликованные в установленном порядке, не влекут правовых последствий, не могут использоваться при разрешении споров, служить основанием

для регулирования отношений и применения санкций.

Возникает вопрос о соотношении ч. 3 ст. 15 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ с позиции правового лимитирования и видов нормативных правовых актов. Имеют ли области пересечения формулировка «затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина» (ч. 3 ст. 15) и словосочетание «ограничения права» (ч. 3 ст. 55)? На поставленный вопрос необходимо ответить утвердительно.

Существуют случаи, когда федеральным законом предусмотрена возможность введения ограничений не только федеральными органами исполнительной власти, но и субъектами РФ и муниципальными образованиями, закрепляемых подзаконными нормативными правовыми актами. Кроме федеральных законов, законодатель допускает установление ограничений и иными нормативными правовыми актами⁴⁵. Показательным примером является установление ограничений нормативными правовыми актами субъектов РФ и органов местного самоуправления при создании ООПТ регионального и местного значения. В научной литературе обоснованно признается, что отдельные документы, определяющие правовой режим конкретных ООПТ (положение об ООПТ, паспорт памятника природы и др.), — это способ уточнения правового режима соответствующих земель⁴⁶.

Согласно п. 4 ст. 2 Федерального закона «Об ООПТ» ООПТ, помимо федерального, могут иметь региональное или местное значение и находиться в ведении органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления. В нормативных правовых актах субъектов РФ и муниципальных образований, которыми создаются ООПТ регионального и местного значения, содержатся ограничения хозяйственной и иной деятельности, распро-

⁴² Абз. 3 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»» // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8.

⁴³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень ВС РФ. 1996. № 1.

⁴⁴ Указ Президента РФ от 23.05.1996 № 763 (ред. от 03.03.2022) «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2663.

⁴⁵ См.: определение «требования в области ООС», закрепленное в ст. 1 Федерального закона «Об ООС».

⁴⁶ *Александрова А. Ю.* Правовое регулирование использования земель поселений для застройки в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 5, 116, 118–120, 123.

страняющиеся на земельные участки в их составе. Например, в отношении земельных участков в ООПТ местного значения города Казани «Парк Победы» и «Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького» установлены следующие запреты: движение транспорта вне дорог общего пользования; сбор цветов и лекарственных трав; пребывание с пневматическим и иным оружием, рогатками, сачками и др.⁴⁷ В отношении земельных участков, входящих в заповедную зону ООПТ местного значения — рекреационной местности «Парк “Савиново”», запрещено строительство любых объектов инфраструктуры, размещение спортивных и детских площадок и др.⁴⁸ (Любопытно, что постановление руководителя Исполкома г. Казани «Об утверждении границ особо охраняемых природных территорий местного значения “Парк Победы” и “Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького”» было принято в 2009 г., а опубликовано лишь в 2016 г. В период 2009–2016 гг. оно не подлежало применению как не опубликованное для всеобщего сведения.)

Таким образом, ограничения прав вводятся только федеральными законами, включая и сферу РП. При этом в законе может быть закреплено общее ограничение прав, а в иных нормативных правовых актах любого уровня осуществляется конкретизация, уточнение такого ограничения.

Выводы. В объективном смысле запреты и ограничения определяют объем и способы осуществления права — общие пределы дозволенного поведения участников отношений в конкретной части социальной действительности. При этом в объективном срезе пределы дозволенного поведения представляют собой общие правила правомерности поведения — всегда объективны, ибо устанавливаются законодателем. В субъективном смысле ограничение прав показывает, какие правомочия у конкретного участника правоотношений ограничены или отсутствуют. Под действием ограничений про-

исходит сужение возможности осуществления субъективного права, но его объем и содержание остаются неизменными.

«Природоохранные требования» являются правовым средством, значение которого шире, чем правовые «запреты» и «ограничения». Требования в сфере ООС, помимо обязательных условий и ограничений, включают в себя и иные правовые средства: 1) предписания (позитивные обязывания), 2) запреты и 3) дозволения с ограничивающими условиями.

Основная цель правового регулирования при установлении запретов и ограничений в области обеспечения РП — сдерживание деятельности хозяйствующих субъектов в рамках ассимиляционной емкости окружающей природной среды. Дополнительная цель правового регулирования — улучшение окружающей природной среды, восстановление ее нарушенного состояния, повышение устойчивости экологических систем.

Общий запрет как первый уровень нормативного регулирования позволяет обеспечить неистощительное природопользование как начальную стадию РП. Правовые средства второго уровня нормативного регулирования также направлены на обеспечение использования окружающей природной среды в рамках ее ассимиляционной емкости. В то же время на втором уровне действуют правовые стимулы, которые мотивируют природопользователей не просто исполнять обязанности, поддерживая неистощительное природопользование, а перейти к повышению устойчивости экологических систем. Третий уровень нормативного регулирования составляют запреты, направленные на повышение устойчивости экологических систем.

Только федеральными законами вводятся ограничения прав, включая и сферу РП. При этом в законе может быть закреплено общее ограничение прав, а в иных нормативных правовых актах любого уровня может быть осуществлена конкретизация такого ограничения.

⁴⁷ Постановление руководителя Исполкома муниципального образования г. Казани от 20.02.2009 № 826 (ред. от 04.04.2014) «Об утверждении границ особо охраняемых природных территорий местного значения “Парк Победы” и “Центральный парк культуры и отдыха имени М. Горького”» // Сборник документов и правовых актов муниципального образования г. Казани. 10.03.2016. № 8. С. 382.

⁴⁸ Постановление Исполкома муниципального образования г. Казани от 19.05.2021 № 1244 «О создании особо охраняемой природной территории местного значения — рекреационной местности “Парк “Савиново”» // Сборник документов и правовых актов муниципального образования г. Казани. 27.05.2021. № 19. С. 304.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абанина Е. Н. [и др.] Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / под ред. А. В. Малько. — М. : РИОР : Инфра-М, 2020. — 377 с.
2. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов [и др.] ; под общ. ред. А. П. Анисимова. — М. : Юстицинформ, 2020. — 800 с.
3. Александрова А. Ю. Правовое регулирование использования земель поселений для застройки в России : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 162 с.
4. Андреев Ю. Н. Ограничения в гражданском праве России. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2011. — 400 с.
5. Ашихмина А. В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 35 с.
6. Васильева М. И. О методах, средствах и способах правового регулирования экологических отношений // Экологическое право. — 2009. — № 2/3. Специальный выпуск. — С. 56–67.
7. Волков Г. А. Уровни нормативного регулирования экологических отношений // Экологическое право. — 2018. — № 6. — С. 3–7.
8. Гопия Г. О. Ограничения имущественных прав с целью обеспечения экологической безопасности (гражданско-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2011. — 210 с.
9. Едкова Т. А. Обсуждение доктрины запретов в административном праве // Журнал российского права. — 2013. — № 8 (200). — С. 137–144.
10. Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 35 с.
11. Корнилова У. В. Правовое регулирование ограничений оборотоспособности земельных участков : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 26 с.
12. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека с позиций либертарной концепции правоприменения // Журнал российского права. — 2006. — № 4. — С. 103–115.
13. Логунова М. В. Ограничения оборотоспособности земельных участков в публичных интересах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 30 с.
14. Лунева Е. В. Правовой режим земельных участков в особо охраняемых природных территориях. — М. : Статут, 2018. — 159 с.
15. Лунева Е. В. Экологические императивы в системе правовых предписаний о рациональном природопользовании // Журнал российского права. — 2020. — № 6. — С. 148–161.
16. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. — М. : Юрист, 2003. — 250 с.
17. Митякина Н. М., Туранин В. Ю. Субъекты сельскохозяйственной деятельности как адресаты правовых требований рационального природопользования в сельском хозяйстве // Экологическое право. — 2019. — № 4. — С. 17–20.
18. Михайлов В. В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека. — М., 2006. — 277 с.
19. Мухитдинов Н. Б. К вопросу о роли права в обеспечении рационального и комплексного использования природных ресурсов // Избранные труды : в 9 т. Т. 2 : Основы горного права: некоторые важные положения теории и практики. — Изд. 2-е, доп. — Алматы, 2010. — 420 с.
20. Право природопользования в СССР / отв. ред. И. А. Иконичкая. — М. : Наука, 1990. — 196 с.
21. Ревакин А. П. Ограничения прав на земельные участки в публичных интересах : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2019. — 213 с.
22. Ухлова Е. В. Экологические ограничения прав граждан на землю в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2011. — 27 с.
23. Хлуденева Н. И. Оценка эффективности применения эколого-правовых ограничений экономической деятельности в России // Журнал российского права. — 2021. — № 4. — С. 157–172.

Материал поступил в редакцию 31 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Abanina EN, et al. Malko AV, editor. Zaprety v prave i pravovoy politike: obshcheteoreticheskiy i otraslevoy aspekt [Prohibitions in law and legal policy: general theoretical and sectoral aspects]. Moscow: RIOR: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
2. Abanina EN, Averyanova NN, Anisimov AP, et al. Anisimov AP, editor. Aktualnye problemy teorii zemelnogo prava Rossii [Actual problems of the theory of land law in Russia]. Moscow: Justicinform Publ.; 2020. (In Russ.).
3. Alexandrova AY. Pravovoe regulirovanie ispolzovaniya zemel poseleniy dlya zastroyki v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation of the use of settlement lands for development in Russia: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2008. (In Russ.).
4. Andreev YuN. Ogranicheniya v grazhdanskom prave Rossii [Restrictions in the civil law of Russia]. St. Petersburg: Law Center-Press; 2011. (In Russ.).
5. Ashikhmina AV. Konstitutsionno-pravovoy mekhanizm ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional and legal mechanism of restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: abstract. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2009. (In Russ.).
6. Vasilyeva MI. O metodakh, sredstvakh i sposobakh pravovogo regulirovaniya ekologicheskikh otnosheniy [On methods, means and methods of legal regulation of environmental relations]. *Environmental Law*. 2009;2(3):56-65. (In Russ.).
7. Volkov GA. Urovni normativnogo regulirovaniya ekologicheskikh otnosheniy [Levels of the statutory regulation of environmental relationships]. *Environmental Law*. 2018;6:3-7. (In Russ.).
8. Gopiya GO. Ogranicheniya imushchestvennykh prav s tselyu obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti (grazhdansko-pravovoy aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. [Restrictions of property rights in order to ensure environmental safety (civil law aspect): Cand. Sci. (Law) Thesis]. Krasnodar; 2011. (In Russ.).
9. Edkova TA. Obsuzhdenie doktriny zapretov v administrativnom prave [Discussion of the doctrine of prohibitions in administrative law]. *Journal of Russian Law*. 2013;8(200):137-144. (In Russ.).
10. Kvitko AF. Konstitutsionno-pravovye osnovy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Constitutional and legal foundations of the restriction of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: abstract. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2007. (In Russ.).
11. Kornilova UV. Pravovoe regulirovanie ogranicheniy oborotospособности zemelnykh uchastkov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Legal regulation of restrictions on the turnover of land plots: abstract. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2016. (In Russ.).
12. Lapaeva VV. Kriterii ogranicheniya prav cheloveka s pozitsiy libertarnoy kontseptsii pravoprimeneniya [Criteria for the restriction of human rights from the standpoint of the libertarian concept of law enforcement]. *Journal of Russian Law*. 2006;4:103-115. (In Russ.).
13. Logunova MV. Ogranicheniya oborotospособности zemelnykh uchastkov v publichnykh interesakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Restrictions on the turnover of land plots in the public interest: abstract. Author's Abstract]. Moscow; 2016. (In Russ.).
14. Luneva EV. Pravovoy rezhim zemelnykh uchastkov v osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh [Legal regime of land plots in specially protected natural territories]. Moscow: Statute Publ.; 2018. (In Russ.).
15. Luneva EV. Ekologicheskie imperativy v sisteme pravovykh predpisaniy o ratsionalnom prirodopolzovanii [Environmental imperatives in the system of legal regulations on rational use of natural resources]. *Journal of Russian Law*. 2020;6:148-161. (In Russ.).
16. Malko AV. Stimuly i ogranicheniya v prave [Incentives and restrictions in law]. Moscow: Jurist Publ.; 2003. (In Russ.).
17. Mityakina NM, Turanin VYu. Subekty selskokhozyaystvennoy deyatel'nosti kak adresaty pravovykh trebovaniy ratsionalnogo prirodopolzovaniya v selskom khozyaystve [Subjects of agricultural activities as addressees of legal claims for the rational use of natural resources in agriculture]. *Environmental Law*. 2019;4:17-20.
18. Mikhailov VV. Socialnye ogranicheniya: struktura i mehanika podavleniya cheloveka [Social constraints: the structure and mechanics of human suppression]. Moscow; 2006. (In Russ.).
19. Mukhitdinov NB. K voprosu o roli prava v obespechenii racionalnogo i kompleksnogo ispolzovaniya prirodnykh resursov [On the question of the role of law in ensuring rational and integrated use of natural resources].

- Selected works: in 9 vols. Vol. 2: Fundamentals of Mining Law: some important provisions of theory and practice. 2nd ed. Almaty; 2010. (In Russ.).
20. Ikonitskaya IA, editor. Pravo prirodopolzovaniya v SSSR [The law of nature management in the USSR]. Moscow: Nauka Publ.; 1990. (In Russ.).
 21. Revyakin AP. Ogranicheniya prav na zemelnye uchastki v publichnykh interesakh: dis. ... kand. yurid. nauk [Restrictions of rights to land plots in the public interest: Cand. Sci. (Law) Thesis]. St. Petersburg; 2019. (In Russ.).
 22. Ukhlova EV. Ekologicheskie ogranicheniya prav grazhdan na zemlyu v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Environmental restrictions of citizens' rights to land in the Russian Federation: abstract. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2011. (In Russ.).
 23. Khludeneva NI. Otsenka effektivnosti primeneniya ekologo-pravovykh ogranicheniy ekonomicheskoy deyatel'nosti v Rossii [Assessment of the effectiveness of the application of environmental and legal restrictions on economic activity in Russia]. *Journal of Russian Law*. 2021;4:157-172. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.079-089

П. Е. Спиридонов*

Публичное управление в период правового постмодернизма

Аннотация. Предметом исследования в данной работе являются особенности публичного управления в Российской Федерации. Цель исследования заключается в анализе сущностных характеристик управленческих отношений, складывающихся в современной системе публичного управления, а также особенностей ее построения. Констатируется наличие серьезных изменений в сфере управления государственными делами, в экономической и юридической сферах, которые привели к эволюции управления государством, а именно: переход от государственного к публичному управлению, когда к управлению государством и обществом привлекаются не только органы государственной власти, но и различные виды государственных и негосударственных органов и организаций, а также использование новых технологий. При этом делается предположение, что современное состояние права и государства можно назвать эпохой правового постмодернизма, которой свойственно возрастание роли дестабилизирующих факторов в обществе и государстве, что влечет за собой изменения в подходах к управлению государственными делами и механизму правового регулирования. Обращается внимание на то, что выстраивание только одного вида системы управления может повлечь за собой снижение эффективности поступательного развития государства, поэтому на разных временных промежутках или в кризисных условиях система публичного управления должна эффективно перестраиваться от иерархической (централизованной) к гетерархической (децентрализованной) и обратно, в том числе совмещая в себе в процессе перестроения элементы обеих систем публичного управления. Делается вывод о том, что система публичного управления в Российской Федерации должна иметь способность в короткий срок перестраиваться под резко меняющиеся внутренние и внешние факторы, поэтому она должна иметь сферический характер, а не пирамидальный. Автор также делает попытку уточнить виды управленческих отношений, входящих в предмет административно-правового регулирования.

Ключевые слова: правовой постмодернизм; публичное управление; государственное управление; субъекты публичного управления; централизация; децентрализация; управленческая пирамида; сферическая форма управления; управленческие отношения; предмет административно-правового регулирования.

Для цитирования: Спиридонов П. Е. Публичное управление в период правового постмодернизма // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 79–89. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.079-089.

Public Administration in the Time of Legal Postmodernism

Pavel E. Spiridonov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia Moskovskiy prosp., d. 149, St. Petersburg, Russia, 196105
pavelspiridonov@rambler.ru

Abstract. The subject matter of this research is the peculiarities of public administration in the Russian Federation. The purpose of the study is to analyze the essential characteristics of managerial relations that develop in the modern system of public administration, as well as the features of its construction. It is stated that there are serious changes in government control, in the economic and legal spheres, which have led to the evolution of

© Спиридонов П. Е., 2022

* Спиридонов Павел Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
Московский пр., д. 149, г. Санкт-Петербург, Россия, 196105
pavelspiridonov@rambler.ru

state governance, namely: the transition from state to public administration, when not only state authorities, but also various types of state and non-state bodies and organizations are involved in the administration of the state and society, as well as the use of new technologies. At the same time, it is assumed that the current state of law and the state can be called the era of legal postmodernism, which is characterized by an increasing role of destabilizing factors in society and the state, which entails changes in approaches to the government control and the mechanism of legal regulation. The author draws attention to the fact that building only one type of management system can lead to a decrease in the effectiveness of the progressive development of the state. Therefore, at different periods or in crisis conditions, the public administration system should be rebuilt from hierarchical (centralized) to heterarchical (decentralized) and vice versa, including combining elements in the process of restructuring both systems of public administration. It is concluded that the system of public administration in the Russian Federation should have the ability to adapt to rapidly changing internal and external factors in a short time, therefore it should have a spherical character, not a pyramidal one. The author attempts to clarify the types of managerial relations included in the subject of administrative and legal regulation.

Keywords: legal postmodernism; public administration; government control; subjects of public administration; centralization; decentralization; management pyramid; spherical form of management; managerial relations; subject of administrative and legal regulation.

Cite as: Spiridonov PE. Publichnoe upravlenie v period pravovogo postmodernizma [Public Administration in the Time of Legal Postmodernism]. *Lex russica*. 2022;75(11):79-89. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.079-089. (In Russ., abstract in Eng.).

Первая четверть XXI в. предоставляет государствам большое количество вызовов — это и экономические кризисы, и ухудшение противоэпидемической ситуации, и различные внутригосударственные конфликты, и борьба за ресурсы. Все это оказывает влияние на развитие государства как в экономической, социальной, так и юридической сферах, а также на сохранение устойчивости государственных институтов в этих условиях. Такую устойчивость позволяет обеспечить качественное публичное управление государственными делами и разного рода общественными институтами. При этом субъекты публичного управления не могут не обращать внимание на системные и структурные изменения в различных областях и сферах публичного управления, происходящие в последнее время.

В 2017 г. была опубликована работа К. Шваба «Четвертая промышленная революция», в которой он попытался сделать прогноз развития человечества в результате воздействия на него четвертой промышленной революции, происходящей в настоящее время. Так, он отмечает: «Четвертая промышленная революция окажет фундаментальное воздействие на мировую экономику, которое будет иметь настолько далекоидущий и многогранный характер, что отделить один конкретный эффект от другого будет практически невозможно. Действительно, это затронет все крупные макро-

переменные: ВВП, инвестиции, потребление, занятость, торговлю, инфляцию и так далее»¹. В условиях четвертой промышленной революции, по мнению К. Шваба, использование цифровых технологий может помочь «государственным администрациям» модернизировать свои структуры и функции, чтобы улучшить общую результативность, начиная от укрепления процессов электронного управления и вовлеченности в отношениях между правительством и гражданами. Власть под воздействием этой промышленной революции зачастую переходит от государства к негосударственным субъектам, а также от организованных учреждений к сетям с более свободным устройством. Особенность современного публичного управления заключается в том, что новые технологии, социальные группы и взаимодействия, которые ими обеспечиваются, позволяют практически кому угодно оказывать влияние на ситуацию и при этом такими способами, о которых невозможно было бы подумать еще несколько лет назад. Для обеспечения качественного управления в государстве, по мнению К. Шваба, следует создать нормативную и законодательную экосистему, которая позволит вырабатывать более устойчивые юридические структуры².

Конечно, функционирование такого рода структур осуществляется на основании права и в соответствии с правом, которое тоже вынуждено меняться под воздействием вышепере-

¹ См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017. С. 43.

² См.: Шваб К. Указ. соч. С. 85–89.

численных факторов. В связи с этим профессор В. Н. Синюков отмечает, что в XXI в. новое право возникает не в крупных законодательных формах, а в системе и макроструктуре человеческих связей, так как любая инфраструктура становится нормативной, если в ней возникают элементы упорядоченности. При этом, в отличие от нормативных правовых актов, эти элементы находятся в самих правовых отношениях (например, реестр как технологическое и как правовое понятие). По мнению В. Н. Синюкова, правовой канон XXI в. — сложный комплекс организующих технико-социальных структур (платформ), которые стягивают социальное пространство: экономическое поведение, культурные образы и даже политическую практику. В. Н. Синюков делает интересный вывод о том, что такое право — явное отклонение от предыдущей истории и одновременно — ее снятие на высшем уровне развития, когда странность и необычность становятся нормой. В новом праве юридическая энергия продуцируется горизонтальными отношениями и ими же артикулируется, создавая грандиозную перспективу демократизации правообразования³. Полностью согласиться с таким утверждением профессора В. Н. Синюкова сложно, поскольку полагаем, что «такое право», которое в том числе «обслуживает» изменения, происходящие в настоящее время в сфере публичного управления, есть не отклонение, а его эволюционное развитие на новом историческом этапе. Конечно, развитие новых технологий оказывает сильное влияние не только на общество, но и на особенности управления им, но такие технологии не изменяют суть права или государства, а позволяют усовершенствовать, видоизменить различного рода правовые связи. Однако нельзя пройти мимо тех изменений, которые происходят в системе государственного управления, а именно перехода от государственного управления к публичному.

Если рассматривать состояние современного права и государства с постмодернистских позиций, то для них сейчас характерно повышение уровня дезорганизации, обусловленной дестабилизацией, происходящей в мире. Это ведет к тому, что и право, и государство могут

не успевать за изменениями, которые происходят в экономической, социально-культурной и административно-политической сферах. В связи с этим встает вопрос об изменении подходов как к управлению государственными делами, так и в вопросах его правового регулирования. Государственное управление именно потому эволюционировало в публичное управление, что в сферу управления вынужденно вовлекаются не только государственные институты, но и общественные, ряд полномочий передается от государства органам местного самоуправления, создаются территории с особым статусом и системой управления.

Современная децентрализованная система публичного управления позволяет изменить систему прямых и обратных связей в Российской Федерации таким образом, чтобы команды, «доклады» об их выполнении, реакции граждан на эффективность принимаемых решений могли проходить разными путями. Например, они могут идти через посредников в виде органов публичной власти или напрямую, как это происходит при встречах главы государства со средствами массовой информации или населением.

Об изменении характеристик современного государственного управления пишет и Э. В. Талапина, указывая на множественность его субъектов, когда к управляющей стороне, помимо государственных органов, относятся и различные негосударственные субъекты, а к управляемой стороне — «не просто объекты воздействия», но и участники государственного управления (граждане, институты гражданского общества, бизнес-структуры). При этом между сторонами современных управленческих отношений возникают достаточные сложные взаимосвязи⁴.

Следует согласиться с профессором Б. В. Россинским, который, анализируя подходы к пониманию государственного управления, констатирует, что «старый узкий подход к системе государственного управления, когда она отождествлялась лишь с системой исполнительных и распорядительных органов, и присущая этому подходу терминология постепенно уходит в прошлое»⁵. Б. В. Россинский справедливо

³ См.: Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. № 2. С. 19.

⁴ См.: Талапина Э. В. Государственное управление в условиях цифровой экономики: правовой аспект // Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы : монография. М. : Юстиция, 2018. С. 41.

⁵ См.: Россинский Б. В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2020. С. 35.

отмечает, что в различных системах государственного управления задействованы различные управленческие структуры (органы государственной власти, прокуратуры, банковская система, иные государственные органы). Наличие таких структур в системе государственного управления способствует сохранению устойчивости всей системы и противодействует возможности ее разрушения, превращения в другую систему. Б. В. Россинский указывает также на то, что степень централизации и децентрализации государственного управления зависит от задач государства в конкретной ситуации, сложившейся экономической, социальной и политической обстановки, менталитета народа, исторического опыта и других обстоятельств, а насколько положительно или отрицательно централизация или децентрализация влияет на государственное управление — зависит от соответствующих характеристик системы управления и времени⁶.

В. П. Уманская отмечает, что сущность государственного управления характеризуется кругом субъектов, осуществляющих управление, и содержанием управляющего воздействия, а определение видов управляющего воздействия зависит от конкретных субъектов управления. Кроме того, работа органов судебной власти, как и деятельность органов исполнительной и законодательной власти, направлена на упорядочение и поддержание функционирования системы общественных отношений, которое реализуется благодаря целенаправленному управленческому воздействию, оформленному в виде управленческих решений⁷. Помимо этого, В. П. Уманская, комментируя поправки к Конституции Российской Федерации, отметила, что они показывают закономерную эволюцию развития государства, а основной блок поправок, имеющий наибольшее значение, касается сферы государственного управления и государственной власти (в том числе речь идет и о введении термина «публичная власть»), которые

создают предпосылки для дальнейшего развития Российской Федерации⁸.

Для эффективного публичного управления недостаточно поставить реальные и достижимые цели, правильно разработать программу действий по реализации плана, определить все необходимые для достижения целей средства и ресурсы, так как в случае совершения ошибки при постановке целей, разработки ошибочного плана действий, наличия непредвиденных обстоятельств и т.п. эффективность управленческой деятельности ее субъектов может быть сильно снижена⁹. Дело в том, что особенности управления государственными делами достигли такого состояния, что субъекты публичного управления не могут осуществлять его эффективно в условиях централизации. Связано это в первую очередь с большим потоком информации, который необходимо не просто переработать, но и правильно использовать, а также передать на другой уровень принятия административных решений. Причем время, затрачиваемое на эти действия, делает дальнейшую деятельность по осуществлению публичного управления в быстро меняющихся условиях бесполезной¹⁰.

В современном, постоянно меняющемся мире надо оперативно отслеживать изменения как внутренней, так и внешнеполитической обстановки, а для этого недостаточно быстро получать и обрабатывать информацию — очень важна скорость принятия административных решений, зависящая от скорости изменения обстановки. Скорость принятия конечного решения должна в целом соответствовать условиям, в которых функционируют все элементы государства. Очень быстрое принятие управленческого решения может иметь отрицательный эффект, как и медленное его принятие.

Таким образом, приведенные положения, касающиеся государственного управления, экономики, права, свидетельствуют о серьезных изменениях в разных сферах общественных

⁶ См.: Россинский Б. В. Административно-правовые аспекты государственного управления в России... С. 31, 64.

⁷ См.: Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России : монография. М. : Норма, 2020. С. 19.

⁸ См.: Уманская В. П. Закономерная эволюция государства // URL: <https://iz.ru/1028488/viktoriiia-umanskaia/zakonomernaia-evoliutciia-gosudarstva> (дата обращения: 13.06.2022).

⁹ См.: Мадера А. Г. Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка. М. : Красанд, 2014. С. 127.

¹⁰ См.: Варшавский В. И., Поспелов Д. А. Оркестр играет без дирижера: размышления об эволюции некоторых технических систем и управлении ими. М. : Либроком, 2009. С. 22.

отношений, в том числе и в сфере государственного (публичного) управления. Активное употребление в научной среде и в практической сфере терминов «публичная власть» «публичное управление» есть результат не только тех изменений, которые произошли в Конституции Российской Федерации, но и эволюции в сфере государственного управления, а также происходящей четвертой промышленной революции, когда к управлению государством и обществом привлекаются не только органы государственной власти, но и различные виды государственных и негосударственных органов и организаций, а также используются новые технологии. Таким образом, изменяется вся система государственного управления, и она становится системой публичного управления.

При этом управление системами общественного порядка остается, как и прежде, управлением людьми, коллективами людей, которое включает в себя подготовку и расстановку людей, координацию их функций, т.е. организацию их деятельности. Организация в этом случае как функция управления социальными процессами предполагает воздействие на сознание и поведение людей со стороны управленческих органов, а внешнее воздействие дополняется и сочетается с саморегулированием, управлением человеком самим собой¹¹.

В публичном управлении можно выделить две противоположные системы управления. Одна является иерархической (рис. 1), другая — гетерархической (рис. 2). Напомним, что

в иерархической системе управления происходит вертикальное распределение подчиненности, когда нижестоящие звенья находятся в ведении или подчиняются вышестоящим звеньям. Все прямые и обратные связи между этими элементами проходят от одного звена к другому. Такая система достаточно устойчива в стабильных условиях, является «консервативной», число связей между участниками такой системы минимально¹².

В случае, когда происходит усложнение управленческих функций, вызванное совершенствованием системы публичного управления, возникает необходимость частичного отказа от жесткой централизованной системы управления и выстраивания децентрализованных управленческих структур. Так создаются отдельные государственные органы, наделенные функциями по координации деятельности разных субъектов публичного управления (например, Государственный Совет Российской Федерации или Национальный антитеррористический комитет). Таким образом, система публичного управления начинает приобретать гетерархическую структуру, в которой присутствует большое количество горизонтальных связей между звеньями, где у участников больше автономности.

Выстраивание только одного вида системы управления рано или поздно повлечет за собой снижение эффективности поступательного развития государства. Полагаем, что на разных временных промежутках или в кризисных условиях

Рис. 1. Иерархическая система публичного управления

¹¹ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество М. : Ленанд, 2018. С. 234–235.

¹² См.: Хиценко В. Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. М. : Комкнига, 2005. С. 117.

Рис. 2. Гетерархическая система публичного управления

система публичного управления должна эффективно перестраиваться от иерархической (централизованной) к гетерархической (децентрализованной) и обратно, в том числе совмещая в себе в процессе перестроения элементы обеих систем публичного управления. Исходя из этого такая система будет обладать более высокой адаптивностью к внешним и внутренним факторам, а следовательно, гибкостью.

В связи с этим следует привести высказывание Б. Джессопа: «Возможности реорганизации конкретных структур и стратегической переориентации сами зависят от структурно вписанной исторической избирательности... Со временем рефлексивно избираемые стратегии и тактики, совместно эволюционируя, порождают относительно стабильный порядок, но это также вполне может зависеть от некоторого ансамбля институциональных и пространственно-временных состояний, обеспечивающего стабильность ценой вытеснения проблем в другие места или откладывания их на будущее. Баланс сил также меняется вместе со сдвигами в стратегических областях экономики, государства и более широких социальных структур, а также с переменами в организации, стратегии и тактики конкретных сил»¹³.

Как справедливо отмечает Б. В. Россинский, для повышения эффективности управленческой деятельности таких сложных систем, как государство, используются централизованные и децентрализованные принципы управления либо их комбинации, когда выбранные принципы управления обуславливают «архитектонику» информационных каналов между центрами системы, ее подсистемами и элементами применительно к конкретной ситуации. Профессор Б. В. Россинский, ссылаясь в том числе и на мнение А. А. Богданова, отмечает такой недостаток полицентрической системы, как наличие дисфункции процессов координации, дезорганизованности и неустойчивости, а у централизации управления негативной стороной является невозможность центральных органов управления напрямую обмениваться информацией со всеми элементами системы, поэтому централизованные системы медленнее приспосабливаются к изменениям среды и слабее реагируют на новые потребности самой системы. В связи с наличием указанных недостатков Б. В. Россинский закономерно делает вывод о необходимости иного вида публичного управления — интегрального, в котором должны реализовываться концепции как централизации, так и децентрали-

¹³ См.: Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М.: Дело РАНХиГС, 2019. С. 124.

зации¹⁴. В таком случае элементы системы будут обладать определенной автономностью в своей деятельности, а сама система публичного управления государством будет устойчива к неблагоприятным воздействиям, поскольку для системы публичного управления как вида мультиагентных систем характерна следующая структура:

- 1) операционный уровень, на котором осуществляется реализация действий (например, стабилизация движений по заданной траектории);
- 2) тактический уровень — осуществляется выбор действий (например, планирование действий как выбор траекторий или решение задач распределенной оптимизации), в том числе с учетом взаимодействия с другими агентами;
- 3) стратегический уровень отвечает за принятие решений, обучение и адаптивность поведения агентов, а также за кооперативность управления — согласованного решения набором агентов единой задачи;
- 4) концептуальный уровень, который соответствует принципам целеполагания¹⁵.

Исходя из вышеизложенного, необходимо уточнить управленческую модель государства, изображенную на рис. 2. По нашему мнению, в системе публичного управления необходимо отказаться от построения управленческой модели по принципу пирамиды в пользу реализации построения по принципу сферы (сфери-

ческая форма управления), когда такая система и элементы, составляющие такую сферическую форму, будут иметь структуру фрактала¹⁶. При этом фрактальная система публичного управления не является ризомой¹⁷. Более того, наоборот, будет ее противоположностью, поскольку она предполагает наличие элементов и связей между ними, а в некоторых случаях — структурированность и иерархичность элементов. Однако система публичного управления может обладать признаками ризоморфности посредством выстраивания многочисленных и разнообразных прямых и обратных управленческих связей между самими органами публичного управления, между органами публичного управления и гражданами и другими адресатами публичного управления.

Таким образом, система органов публичного управления должна состоять из самоподобных элементов (т.е. здесь используем фрактальную структуру) в сферической системе публичного управления. Тогда причинение вреда или уничтожение одного из элементов не несет какой-либо угрозы для всей системы публичного управления, поскольку она может вовремя перестроиться под новые условия, заменить недостающий элемент или наладить новые управленческие связи. При этом существующие элементы при отделении от основной системы могут функционировать самостоятельно. Система самоподобна. Сферическая система управления позволяет высшие органы публичного

¹⁴ См. подробнее: *Россинский Б. В.* Проблемы государственного управления с позиций теории систем : монография. М. : Норма: Инфра-М, 2021. С. 57 ; *Он же.* Формирование публичной власти как реализация системного принципа ингрессии // *Административное право и процесс.* 2022. № 7. С. 6.

¹⁵ См.: *Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г.* Рефлексия и управление: математические модели. М. : Ленанд, 2022. С. 14–15.

¹⁶ Под фракталом понимается естественный объект, обладающий свойством самоподобия, т.е. в точности или приближенно совпадающий со своей частью (см.: *Большая российская энциклопедия* : в 35 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2017. Т. 33. С. 530).

¹⁷ Идею ризомы предложили в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Ж. Делёз и Ф. Гваттари. Характеризуя ризому, Ф. Делёз и Ф. Гваттари отмечают, что она является множеством, сделана из линий — из линий сегментарности, стратификации как ее максимального измерения. В противоположность дереву ризома не объект воспроизводства: ни внешнего воспроизводства в качестве дерева-образа, ни внутреннего воспроизводства в качестве структуры-дерева. Ризома — это антигенеалогия. Это кратковременная память, или анти-память. Ризома действует благодаря вариации, экспансии, завоеванию, захвату, уколу. В противоположность графическому изображению, рисунку или фотографии, в противоположность калькам, ризома имеет дело с картой, которая должна быть произведена, сконструирована, всегда демонтируема, связуема, пересматриваема, модифицируема — в множественных входах и выходах со своими линиями ускользания. Если сравнивать ризому с центрированными (даже полицентрированными) системами с иерархической коммуникацией и предустановленными связями, то она является системой без руководящего органа, без организаторской памяти или центрального автомата (см.: *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М. : Астрель, 2010. С. 11–21).

управления перенести с вершины пирамиды в центр сферы. Управленческие связи в таком случае будут идти не сверху вниз и обратно, а в разные стороны и будут иметь разные формы и виды. Следовательно, такая система будет более адаптивна, ведь ее элементы достаточно легко могут перестраиваться в любую форму организации: от жесткой централизованной управленческой пирамиды, где превалируют вертикальные связи, до сферической формы, где такие связи могут перестраиваться больше в горизонтальные и диагональные с высоким уровнем координационных отношений. На наш взгляд, система управления государством в современных условиях должна быть трансформером, который в разных условиях позволяет принять в короткий промежуток времени ту структуру, которая наиболее эффективна в сложившихся, но быстро меняющихся условиях (например, в одних условиях быть жестко централизованной или, наоборот, децентрализованной, а в других — принимать промежуточные варианты, сочетая в себе элементы обеих структур).

В связи с вышеизложенным полагаем, что *публичное управление*, как вид социального, представляет собой *основанное на законе и обязательное для исполнения организационно-властное влияние органов публичной власти и управления государства, адресованное государственным и негосударственным организациям, их должностным лицам, а также гражданам, предназначенное для достижения соответствующих публично значимых целей и задач*.

В свою очередь, административные отрасли права (административное право, административно-процессуальное право, административно-деликтное право) осуществляют, по сути, правовое обеспечение этих процессов, поэтому изменение одних факторов должно влечь за собой и изменение подходов к административно-правовому, административно-процессуальному, административно-деликтному регулированию. Современные публично-управленческие отношения еще более разнообразны и тем отличаются от управленческих отношений, которые исследовались в административном праве в XX в. Дело в том, что ранее в административном праве обращали внимание в основном на управленческие отношения, где основным субъектом были органы исполнительной власти и их органы, подразделения.

Сейчас, как уже отмечалось, система управления видоизменилась и в состав органов, осуществляющих публичное управление, включены не только органы исполнительной власти, но и государственные органы, не относящиеся к каким-либо ветвям государственной власти, некоммерческие организации (государственные и негосударственные), органы законодательной и судебной властей и другие, поэтому уже известные виды управленческих отношений, которые лежат в основе административно-правовых, административно-процессуальных и административно-деликтных отношений будут складываться:

- 1) между государственными органами, находящимися на различных организационно-правовых уровнях (например, между Координационным центром Правительства РФ и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации; между федеральным министерством и находящейся в его ведении федеральной службой — Министерством финансов РФ и Федеральной налоговой службой, Федеральной таможенной службой);
- 2) между государственными органами и их структурными подразделениями;
- 3) между государственными органами, находящимися на одинаковом организационно-правовом уровне;
- 4) между государственными органами и не находящимися в их организационном подчинении (ведении) государственными и негосударственными организациями;
- 5) между государственными органами и гражданами;
- 6) между органами публичной власти и управления, относящимися к разным видам (например, между органами исполнительной власти и органами местного самоуправления; между органами публичной власти субъекта Российской Федерации и органами публичной власти федеральной территории; между судом и органом исполнительной власти при рассмотрении административных дел, вытекающих из административных и иных публичных правоотношений, и др.);
- 7) между организациями, которым делегированы публично-властные полномочия (например, некоммерческие организации), и иными участниками публично-властных отношений.

Как и раньше в государственном управлении, так и сейчас в публичном управлении — во

всех видах таких управленческих отношений — основным участником будет субъект, наделенный публично-властными полномочиями. Таким субъектом может быть как государственный, так и негосударственный орган (например, орган местного самоуправления), как государственные (например, государственная корпорация), так и негосударственные организации (например, саморегулируемая организация). Обратим внимание, что остается такой признак управленческих отношений, как отношения власти-подчинения. Даже при возникновении координационных, горизонтальных управленческих связей отношения власти-подчинения не исчезают. Они становятся более гибкими (такие отношения могут возникать между, например, Координационным центром Правительства РФ и федеральными органами исполнительной власти).

На основе изложенных позиций возможно скорректировать характеристику предмета административного права. Да, он остается достаточно разнообразным и охватывает следующие управленческие отношения:

- а) публично-властные отношения, в рамках которых непосредственно реализуются задачи, функции и полномочия органов исполнительной власти;
- б) публично-властные отношения внутриорганизационного характера, возникающие в процессе деятельности органов публичной власти и управления¹⁸;
- в) публично-властные отношения, в рамках которых реализуются задачи, функции и полномочия государственных органов, не входящих в систему органов государственной власти;
- г) публично-властные отношения, возникающие с участием органов публичной власти на федеральных территориях;
- д) публично-властные отношения, возникающие с участием органов местного самоуправления;
- е) публично-властные отношения, возникающие в процессе деятельности государственных и негосударственных организаций.

При этом следует подчеркнуть, что предмет административного права является основой понимания предметов правового регулирова-

ния административно-процессуального и административно-деликтного права, поскольку эти отрасли права «обслуживают» административное право. Например, административно-процессуальное право обеспечивает нормальное функционирование управленческих отношений между участниками публичного управления (по сути, это и есть прямые и обратные связи) и процессуализацию перечисленных выше управленческих отношений. Государство несет ответственность не только за результаты воздействия на различные виды общественных отношений в экономике, финансах, промышленной сфере, но и за нормальное функционирование связей, которые и обеспечивают не только такой результат, но и соблюдение прав и законных интересов граждан, общества, организаций, а также удовлетворение их потребностей. Отсюда следует, что разнообразие управленческих отношений, относящихся к предмету правового регулирования административного права, автоматически ведет к многообразию административно-процессуальных правоотношений (то же самое можно отметить в отношении административно-деликтных отношений, которые выходят за границы только лишь административной ответственности).

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, современное состояние права и государства можно назвать эпохой правового постмодернизма, которой будет свойственно возрастание роли дестабилизирующих факторов в обществе и государстве, которые влекут за собой изменения в подходах к управлению государственными делами и механизму правового регулирования. Появляются новые формы упорядочения общественных отношений, в том числе посредством норм, вырабатываемых не государством, а, например, некоммерческими организациями, следовательно, в будущем может возрасти роль корпоративных норм, которые могут отражать публичный интерес.

Во-вторых, система государственного управления эволюционировала в систему публичного управления, где субъектами управления являются не только органы государственной власти, но и иные государственные и негосударствен-

¹⁸ Такие отношения возникают не только во внутриорганизационной деятельности органов судебной власти, прокуратуры, Центрального банка РФ и др., но и органов законодательной власти (например, внутриорганизационная деятельность аппаратов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации).

ные органы, некоммерческие организации; создаются территории со специальной системой органов публичного управления. В системе публичного управления включаются также элементы искусственного интеллекта, которые способствуют увеличению скорости прохождения сигналов прямой и обратной связи между элементами системы публичного управления.

В-третьих, система публичного управления должна быть способна в короткий срок переорганизовываться, подстраиваться под резко меняющиеся внутренние и внешние факторы, поэтому она должна иметь сферический характер, а не

пирамидальный. В такой системе органы, отвечающие за стратегические и концептуальные управленческие решения, находятся в центре сферической системы управления.

В-четвертых, управленческие отношения, возникающие при осуществлении публичного управления, приобретают еще более разнообразный характер, что не может не отразиться на общественных отношениях, входящих в предмет правового регулирования как административного права, так и административно-процессуального и административно-деликтного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Афанасьев В. Г.* Системность и общество. — М. : Ленанд, 2018. — 368 с.
2. Большая российская энциклопедия : в 35 т. Т. 33. — М. : Большая российская энциклопедия, 2017. — 799 с.
3. *Варшавский В. И., Поспелов Д. А.* Оркестр играет без дирижера: размышления об эволюции некоторых технических систем и управлении ими. — М. : Либроком, 2009. — 224 с.
4. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато : Капитализм и шизофрения. — М. : Астрель, 2010. — 895 с.
5. *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее. — М. : Дело РАНХиГС, 2019. — 594 с.
6. *Мадера А. Г.* Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка. — М. : Красанд, 2014. — 448 с.
7. *Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г.* Рефлексия и управление: математические модели. — М. : Ленанд, 2022. — 416 с.
8. Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы : монография. — М. : Юстиция, 2018. — 306 с.
9. *Россинский Б. В.* Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2020. — 168 с.
10. *Россинский Б. В.* Проблемы государственного управления с позиций теории систем : монография. — М. : Норма: Инфра-М, 2021. — 264 с.
11. *Россинский Б. В.* Формирование публичной власти как реализация системного принципа ингрессии // Административное право и процесс. — 2022. — № 7. — С. 4–8.
12. *Синюков В. Н.* Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. — 2021. — № 2. — С. 9–20.
13. *Уманская В. П., Малеванова Ю. В.* Государственное управление и государственная служба в современной России : монография. — М. : Норма, 2020. — 176 с.
14. *Уманская В. П.* Закономерная эволюция государства // URL: <https://iz.ru/1028488/viktoriiia-umanskaia/zakonomenaia-evoliutiicia-gosudarstva> (дата обращения: 13.06.2022).
15. *Хищенко В. Е.* Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. — М. : Комкнига, 2005. — 224 с.
16. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. — М. : Э, 2017. — 208 с.

Материал поступил в редакцию 18 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Afanasev VG. Sistemnost i obshchestvo [Consistency and society]. Moscow: Lenand Publ., 2018. (In Russ.).
2. Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya: v 35 t. [The Great Russian Encyclopedia: in 35 vols.]. Vol. 33. Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya Publ.; 2017. (In Russ.).
3. Varshavskiy VI, Pospelov DA. [Orkestr igraet bez dirizhera: razmyshleniya ob evolyutsii nekotorykh tekhnicheskikh sistem i upravlenii imi [The orchestra plays without a conductor: Reflections on the evolution of some technical systems and their administration]. Moscow: Librocom Publ.; 2009. (In Russ.).

4. Deleuze G, Guattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand of Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Moscow: Astrel Publ.; 2010. (In Russ.).
5. Jessop B. Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee [State: Past, present and future]. Moscow: Delo RNKHiGS; 2019. (In Russ.).
6. Madera AG. Riski i shansy: neopredelennost, prognozirovaniye i otsenka [Risks and chances: Uncertainty, forecasting and evaluation]. Moscow: Krasand Publ.; 2014. (In Russ.).
7. Novikov DA, Chkhartishvili AG. Refleksiya i upravlenie: matematicheskie modeli [Reflection and management: Mathematical models]. Moscow: Lenand Publ.; 2022. (In Russ.).
8. Pravovoe administrirovaniye v ekonomike. Aktualnyye problemy: monografiya [Legal administration in the economy. Current issues: A monograph]. Moscow: Yustitsiya Publ.; 2018. (In Russ.).
9. Rossinskiy BV. Administrativno-pravovyye aspekty gosudarstvennogo upravleniya v Rossii. Sistemnyye podkhody: monografiya [Administrative and legal aspects of public administration in Russia. System approaches: A monograph]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).
10. Rossinskiy BV. Problemy gosudarstvennogo upravleniya s pozitsiy teorii sistem: monografiya [Problems of public administration from the standpoint of systems theory: A monograph]. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).
11. Rossinskiy BV. Formirovaniye publichnoy vlasti kak realizatsiya sistemnogo printsipa ingressii [The formation of public power as the implementation of the systemic principle of ingression]. *Administrativnoye pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2022;7:4-6. (In Russ.).
12. Sinyukov VN. Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost i novizna [Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty]. *Lex Russica*. 2021;74(2):9-20. (In Russ.).
13. Umanskaya VP, Malevanova YuV. Gosudarstvennoye upravleniye i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoy Rossii: monografiya. [Public administration and public service in modern Russia: A monograph]. Moscow: Norma Publ.; 2020. (In Russ.).
14. Umanskaya VP. Zakonomernaya evolyutsiya gosudarstva [The natural evolution of the state]. Available at: <https://iz.ru/1028488/viktoria-umanskaia/zakonomernaia-evoliutcia-gosudarstva> [cited June 13, 2022]. (In Russ.).
15. Khitsenko VE. Samoorganizatsiya: elementy teorii i sotsialnye prilozheniya [Self-organization: Elements of theory and social applications]. Moscow: Komniga Publ.; 2005. (In Russ.).
16. Schwab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The fourth industrial revolution]. Moscow: E Publ.; 2017. (In Russ.).

Экономический суверенитет в контексте современных моделей экономики¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме суверенитета. В своем изначальном значении это слово обозначало свойство власти. По истечении определенного времени суверенитет стали всё больше интерпретировать как признак государства. Такой подход сложился в общей теории права и государства и в государствоведении в целом. Суверенитет обычно понимают как независимость государства во внутренних делах и применительно к международным отношениям. Предпринята попытка объяснения причин формирования и развития так называемой концепции «ограниченного суверенитета». Раскрываются глубинные основания критики национального государства в качестве самостоятельного политического игрока как продукта «вестфальской системы», якобы устаревшей в современный период. Иллюстрация различных подходов к проблеме суверенитета увязывается с противоречивыми процессами глобализации-деглобализации, которые приобрели очевидный характер.

В статье делается акцент на политической, юридической, а главным образом — экономической составляющей суверенитета. Показывается степень политической независимости государства, которая во многом определяется экономическим потенциалом страны. Критикуется узкое понимание экономического суверенитета, который нередко сводят исключительно к проблеме импортозамещения. В статье доказывается, что экономический суверенитет предопределяется той моделью экономики, которую выбирает для себя государство. В свою очередь, под моделями экономики понимается соответствующее экономическое целеполагание, а не просто дилемма: рынок — план. Так, одни государства предпочитают производить максимальное количество товаров на внутреннем рынке, а другие ориентируются на международное «разделение» труда. Этот фактор в конечном счете является определяющим в обеспечении экономического суверенитета.

Ключевые слова: включенность; государство; глобализация; деглобализация; законодательство; план; рынок; протекционизм; санкции; суверенитет; экономика; экономический суверенитет.

Для цитирования: Корнев А. В., Королева Е. В. Экономический суверенитет в контексте современных моделей экономики // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 90–99. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.090-099.

¹ Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Корнев А. В., Королева Е. В., 2022

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kornev_av@rambler.ru

** Королева Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права Академии труда и социальных отношений

ул. Лобачевского, д. 90, г. Москва, Россия, 119454

kuiigr@atiso.ru

Economic Sovereignty in the Context of Modern Economic Models²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Elena V. Koroleva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory, History of State and Law, Labor and Social Relations Academy
ul. Lobachevskogo, d. 90, Moscow, Russia, 119454
kuiigp@atiso.ru

Abstract. The paper is devoted to the problem of sovereignty. In its original meaning, this word denoted the property of power. After a certain time, they started to interpret sovereignty more as an element of the state. This approach has developed in the general theory of law and the state and in political studies in general. Sovereignty is usually understood as the independence of the state in internal affairs and in connection to international relations. An attempt is made to explain the reasons for the formation and development of the so-called concept of «limited sovereignty». The deep grounds of criticism of the national state as an independent political player as a product of the «Westphalian system», allegedly outdated in the modern period, are revealed. The illustration of different approaches to the problem of sovereignty is linked to the contradictory processes of globalization-deglobalization, which have become obvious.

The paper focuses on the political, legal, and mainly economic component of sovereignty. The degree of political independence of the state is shown, which is largely determined by the economic potential of the country. A narrow understanding of economic sovereignty is criticized, which is often reduced exclusively to the problem of import substitution. The paper proves that economic sovereignty is predetermined by the economic model that the state chooses for itself. In turn, economic models are understood as appropriate economic goal-setting, and not just a dilemma: the market vs. a plan. Thus, some states prefer to produce the maximum amount of goods on the domestic market, while others focus on the international «division» of labor. This factor is ultimately decisive in ensuring economic sovereignty.

Keywords: inclusiveness; state; globalization; deglobalization; legislation; plan; market; protectionism; sanctions; sovereignty; economy; economic sovereignty.

Cite as: Kornev AV, Koroleva EV. Ekonomicheskiy suverenitet v kontekste sovremennykh modeley ekonomiki [Economic Sovereignty in the Context of Modern Economic Models]. *Lex russica*. 2022;75(11):90-99. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.090-099. (In Russ., abstract in Eng.)

Кто живет в мире слов, тот не ладит с вещами.

С. Довлатов

Эпиграф хорош для рецензирования книги, посвященной проблемам языка в самом широком смысле этого слова. В юридической науке в последнее время появилось много работ, выполненных в «постмодернистском» духе. Авторы ссылаются в том числе на некий «лингвистический поворот» и смену «парадигм в философии языка», которые, по их мнению, кардинальным образом меняют категориально-понятийный аппарат науки, включая юридическую. Или должны поменять. Однако не будем торопиться. Реальность сегодня нередко пытаются заменить пред-

ставлениями о ней. В настоящее время мир политики, экономики, права и пр. пытаются представить как мир слов. Во всяком случае, эту мысль мы находим у П. Бурдьё, которого много цитируют авторы, работающие на поле социальных наук. Юридическая наука сегодня — одна из них.

Тем не менее не стоит упрощать. Сам П. Бурдьё констатирует, что «социальная наука — антропология, социология или история — колеблется между двумя с виду несовместимыми точками зрения: объективизмом и субъективизмом...»³.

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

³ Бурдьё П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. С. 77.

В социальных науках язык используется для отражения реального мира, который они отражают. В каком-то смысле это один из элементов когнитивной (познавательной) структуры. В этом значении придавать ему свойство главного инструмента социального конструирования не сто́ит.

Особенность настоящего момента состоит в явном увлечении словами, моделями, теоретическими конструкциями, которое было свойственно практически всем социальным наукам. Не стала исключением и экономическая наука. Очень надеемся, что такой подход останется в прошлом.

Сколько было затрачено усилий на то, чтобы не оставить буквально камня на камне от социализма как политико-экономического проекта и якобы свойственной ему неэффективной экономической системы. Была запущена в широкий оборот малопонятная, но хлесткая конструкция — «командно-административная система». На излете советской власти ученые-экономисты были популярнее звезд эстрады. Без них фактически не обходилась ни одна общественно-политическая программа. Рынок был объявлен панацеей и гарантом экономического процветания. Стали формировать различного рода экономические программы. Самая известная из них — программа «500 дней», предполагавшая переход от плановой экономики к рыночной. Вспоминается зарождающийся в Севастополе писатель Л. Толстой: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Жизнь — это не только слова, пусть и умные.

Очень кстати в рамках проблематики статьи отметим преждевременные поминки по якобы почившему социализму. Для этого обратимся к опыту наших ближайших соседей. С именем Си Цзиньпина связана концепция «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Согласно этой концепции, движущей силой великого возрождения китайской нации является Коммунистическая партия, а единственный путь достижения этой цели — построение социализма с китайской спецификой. Как сказал Си Цзиньпин, «мы преисполнены уверенности в том, что преимущества социалистического строя в нашей стране будут всё бо-

лее наглядными, а наш путь будет становиться всё шире и шире»⁴.

Каждая успешная в экономическом отношении страна движется к нему по-своему. К примеру, революция Мэйдзи, длившаяся в Японии без малого 44 года, ознаменовалась тем, что отсталая, феодальная страна превратилась в одну из самых развитых стран мира. Некоторые японские историки, характеризуя правление императора Муцухито, говорят так: «Не надо произносить никаких слов. Достаточно посмотреть в окно».

Это еще раз доказывает, что дела говорят сами за себя лучше всяких слов. А уже в XX в. у «японского экономического чуда» было три предпосылки — инвестиции, передовые технологии и ставка на перманентное увеличение экспорта⁵.

Историко-материалистический подход критикуют за редуцирование всех сфер жизни к экономике. Это справедливо и несправедливо одновременно. К экономическому фактору всё сводится в конечном счете, а не абсолютно. Об этом часто критики забывают. А между тем в данной позиции заложена глубокая мысль.

Суверенитет государства обычно интерпретируют как политико-юридическую категорию. Авторы — составители справочного издания поступили очень правильно, когда суверенитет (фр. *souverainete* — верховная власть) охарактеризовали как верховенство и независимость власти. В науке конституционного права различают несколько видов суверенитета: 1) государственный — верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере, то есть полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории; 2) национальный — полномочия нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни; 3) народный — полномочия народа, то есть обладание народом социально-экономическими и политическими средствами для реального участия в управлении делами общества и государства⁶.

Таким образом, мы видим, что понятие «суверенитет» по меньшей мере явление слож-

⁴ Цит. по: Лю Чжан. Китай. Полная история страны. М. : Аст, 2021. С. 293–294.

⁵ Танака Т. Япония. Полная история страны. М. : АСТ, 2021. С. 316.

⁶ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М. : Инфра-М, 1999. С. 663–664.

ное, комплексное. В нем выделяют три составляющих — государственный, национальный и народный суверенитет. В юридической литературе можно встретить и такое выражение, как «суверенитет личности». По всей видимости, это можно отнести к разряду юридической экзотики. Звучит пафосно, красиво, но как-то бессодержательно.

Обращает на себя внимание тот факт, что суверенитет, прежде всего, — это верховенство государственной власти. Из этого и нужно исходить. Во всяком случае, так поступал отец-основатель данной политико-правовой категории французский юрист — адвокат и профессор университета в Тулузе — Ж. Боден. Сегодня уже практически никто не вспоминает, какие факторы вызвали к жизни эту теоретическую конструкцию.

Итак, вторая половина XVI в. Идет многовековая борьба между Римским престолом в лице Папы Римского и отдельными светскими правителями Европы за первенство. Борьба с переменным успехом. Но чаще победа остается за католическими мыслителями. Они используют различные теории для обоснования господства Папы. Таковы «Теория луны и солнца», а также «Теория двух мечей». Кроме того, Франция, и не только, но она в особенности, втянута в пучину религиозных войн, которые длились без малого почти 40 лет. Своеобразным апофеозом религиозной войны между гугенотами (протестантами) и католиками стала вошедшая в историю ночь 24 августа 1572 г., в день святого Варфоломея, когда католики, коих было большинство, безжалостно вырезали гугенотов. Причем не только в Париже, но и в других, преимущественно провинциальных городах. В столице резали, не щадив даже детей. Трупы сбрасывали в Сену. Папа Римский был очень рад этому факту и вознаграждал гонца, сообщившего ему об этой бойне. За «добрую» весть из папских рук он получил 100 крон. Американский историк Ричард Данн констатирует: «Главным уроком религиозных войн во Франции стал политический: что сильное правительство было единственным способом прекращения хаоса бунтов и восстаний. На этой основе в XVII в. и будет воздвигнута сильная абсолютная монархия Людовика XIV»⁷.

Если подытожить, то суверенитет можно и нужно расценивать как ответ за запрос «силь-

ной руки», то есть государства, способного установить мир в стране. Слабая власть это сделать не в состоянии. Именно по этой причине К. Шмидт подлинным сувереном называл лишь того, кто способен ввести чрезвычайное положение в стране. Это только на первый взгляд сделать легко. В действительности всё гораздо сложнее. На постсоветском пространстве не раз происходили драматические события. В. Янукович на Украине потерял власть, несмотря на западные «гарантии». А вот А. Лукашенко толпы не испугался, на поводу у нее, ведомой зарубежными кураторами, не пошел. В итоге не дал свергнуть страну в хаос. И дело здесь не только в стремлении сохранить личную власть. Власти предержащие выполняют важнейшие социальные функции по управлению обществом, и, кроме властных полномочий, они еще обременены грузом социальной ответственности.

Таким образом, абсолютная монархия стала ответом на запрос времени, а сам автор — Жан Боден — стал не просто теоретиком суверенитета, но сторонником жесткого монархического правления.

Слово «государство» ввел в политический оборот Н. Макиавелли — основатель ранней буржуазной политической науки. С этого момента стали четко различать государство (политический институт) и общество (юридический институт). У Ж. Бодена государство есть основанное на праве управление суверенной властью многими семьями и их имуществом.

Сразу привлекает внимание акцент на праве. Это не просто управление, а управление, основанное на законе. Иначе, считает Боден, государство будет мало отличаться от шайки разбойников.

Согласно Бодену «суверенитет есть абсолютная и постоянная власть государства, которую латиняне называют *Majestatem* (величием); греки — (...); итальянцы — *signoria* (сеньорией), — слово, которое они употребляют как по отношению к частным лицам, так и к тем, кто управляет государственными делами; евреи ее называют (...), то есть наивысшей властью распоряжаться»⁸.

В науке, не только в юридической, в отношении суверенитета в последнее время наблюдался некий разброс мнений. Во многом тому послужил распад СССР, который стал катализатором многих деструктивных процес-

⁷ Данн Р. Эпоха религиозных войн. 1559–1689. М.: Центрполиграф, 2011. С. 43.

⁸ Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 692–693 (текст местами утерян).

сов, не только на постсоветском пространстве. Власть президента Б. Н. Ельцина была чисто номинальной, не легитимной (это если верить опросам общественного мнения), поэтому он заигрывал с региональными элитами, предлагая «взять им суверенитета столько, сколько они могут нести». Те раздумывать особенно не стали. И взяли. Началась «война законов». Некоторые субъекты объявили приоритет своих законов над федеральными. Губернатор Э. Россель и вовсе вознамерился создать Уральскую республику. К слову сказать, его предложение, которое выглядело как не совсем политически и психически здоровое, пользовалось некоторой поддержкой населения. Центр стремительно терял волю и авторитет. Только невероятными, продуманными усилиями удалось удержать от развала уже Россию. А расчет был именно на это. Приходилось многократно писать о том, что под эти цели и формировалась Конституция 1993 г. Несмотря на серьезные изменения, которые были внесены в нее в 2020 г., поддержанные на референдуме, некоторые статьи там все-таки остались в неизменной редакции. Это статьи 5 (п. 2) и 13. И не только. Россия в 90-е гг., как и теперешняя Украина, находилась под внешним управлением. Иначе нельзя объяснить просто самоубийственную политику государства, которое планомерно уничтожает науку, образование, экономику, здравоохранение, обороноспособность. И не где-нибудь, а у себя дома. «Коллективный запад» не протестовал против расстрела танковыми орудиями здания Верховного Совета. Скорее, даже наоборот — приветствовал. Россия ведь выбрала путь демократических преобразований, «реформ».

На этом фоне стала бурно развиваться теория «ограниченного суверенитета». Планомерно внушалась мысль о том, что в современном глобальном мире с международным разделением труда и стандартизацией практически всех сфер жизни общества понимание суверенитета как чего-то абсолютного выглядит откровенным анахронизмом. Сложилась довольно устойчивая группа «конституционалистов-глобалистов», которые настойчиво продвигали идею ограниченного суверенитета. Строго говоря, была объявлена настоящая теоретическая война национальному государству как таковому.

Объектом атаки стала так называемая Вестфальская система, которая держалась на идее национального суверенного государства и недопустимости вмешательства в его дела. Евро-

па пережила период внутренних войн и хаоса, устала от всего этого и решила передохнуть. Данная система сносно обеспечивала хотя бы какой-то миропорядок. Причем почти три века.

Глобализация как новая изощренная форма господства западной цивилизации над всем остальным миром объективно подтачивала сам институт национального государства и его суверенитета. Последний объявлялся просто... рудиментом отжившей свое прежней политической модели. Был запущен лозунг «В современном мире ни одно государство уже не может быть суверенным». Самое удивительное, что в эту откровенную приманку стали постепенно верить. «Как вдруг...» В мировой истории так часто бывает, когда всё идет своим чередом, и вдруг!..

В 1990-е гг. заметно активизировалась и другая, в какой-то степени прямо противоположная первой группа конституционалистов. Они не отрицали влияния глобализации, но стали настаивать на том, что субъекты Российской Федерации, особенно республики, коль скоро они названы государствами, непременно должны обладать независимостью. Аргументы сводились примерно к следующему: «Если республика — государство, то она должна быть наделена суверенитетом». Появились кандидатские и докторские диссертации, в которых эта мысль была выражена прямо или завуалировано. В некоторых из них «аргументировалось» даже создание собственных вооруженных сил. Органы правопорядка должны были иметь исключительно региональное подчинение. Это подавалось как само собой разумеющееся. Чего данные авторы только не нафантазировали.

Но и здесь их ожидало пресловутое «вдруг», но уже внутри страны. Появился лидер, который сумел предотвратить сползание страны в пропасть. Мы стесняемся признать фактор откровенного национализма, формирование этнократических политических режимов в отдельных субъектах Российской Федерации. Ушло ли это в прошлое? Вот в чем вопрос, вспоминая шекспировского героя.

Идея регионального суверенитета, если так можно сказать, подпитывалась двумя главными факторами — националистическим и... экономическим. Иногда они составляли нечто единое. Тем не менее в некоторых субъектах все-таки понимали завышенный характер претензий на суверенность. Если регион находится на дотациях, то о каком суверенитете можно говорить? Однако говорили.

Определенные «козыри» были у тех региональных руководителей, которые свои националистические амбиции строили на экономических аргументах. Примерно так: «У нас нефть, газ, лес, алмазы... Если мы “кормим” других, то дайте нам побольше власти». К счастью, не все так думали. М. Рахимов и М. Шаймиев, как принято говорить, «небо и земля». Мудреца Шаймиева будут помнить все и всегда. Ему удалось удержать регион, сделав ставку на объединяющее всех развитие. Казань сегодня — один из самых красивых городов страны. Да и республика в целом на подъеме. А вот первого... Трудно сказать. Уж слишком разными были они руководителями, хотя и близкие соседи.

Есть и еще одно соображение. Суверенитет как свойство власти как-то постепенно стали воспринимать в качестве признака государства. Так, во всяком случае, принято в общей теории права и государства. В действительности мы имеем дело с некоторой метаморфозой.

Власть суверенна потому, считал Ж. Боден, что никто, кроме нее, не может чеканить монету, устанавливать налоги, решать вопросы войны и мира и пр. Никто, кроме суверенной, *центральной* власти. По большому счету, Ж. Боден — теоретик абсолютизма. И когда к нему обращаются те, кто неумело старается обосновать «суверенитет внутри суверенитета», они выглядят юридическими невеждами. Можно привести много примеров.

Свойство власти и признак государства — совсем не одно и то же. Хотя государство и имеет двойственную сущность, тем не менее это всегда власть. Если она не абсолютна, то это не власть. Вопрос ее ограничения — проблема внутренняя, а не внешняя.

Приходится констатировать, что значительное количество современных государств или союзов не могут «похвастаться» своей суверенностью. К примеру, Европейский Союз. В любом союзе — политическом, военном, экономическом — имеет место неравенство участников. Иными словами, одни государства-члены выигрывают от этих союзнических отношений больше других. Англия вышла из ЕС, во всяком случае официально, из-за того, что ей пришлось вкладывать в общую «копилку» больше, чем она приобрела. Речь идет только об Англии. Вторая причина, публично не обсуждаемая, — миграция. Существующая в рамках союза «квота» на индивидуальный прием мигрантов не всех устраивает. Свобода передвижений, то есть одно из основополагающих

условий западной концепции прав человека, сталкивается с ощутимыми трудностями. К примеру, более 3 млн поляков постоянно работают за пределами своей страны, поскольку такого количества рабочих мест в Польше просто нет. Однако именно эта страна более всего противится миграции. Она категорически не хочет принимать на своей территории беженцев из стран Африки и некоторых восточных государств. Причина понятна. Мигранты по своему ментальному, культурному и религиозному коду не соответствуют польским «стандартам». В действительности же лейтмотив польской политики — это ярко выраженный национализм, а вовсе не «общеевропейские ценности» при всей их неопределенности. Любопытно будет посмотреть, как намерены сосуществовать две модели национализма — польского и украинского — на фоне происходящих событий.

Так вот, в рамках Европейского Союза говорить о суверенитете довольно сложно. В том числе об экономическом. Понятно, что пятая экономика мира и первая в Европе — немецкая, в какой-то степени является «становым хребтом» ЕС. Без нее европейская экономическая «солидарность» будет испытывать очевидные трудности. Да, немцы, особенно в современные непростые времена, несут на себе повышенные обязательства. Нельзя сказать, что немецкие налогоплательщики в восторге от экономического лидерства. Как только разразился кризис, а это случилось еще в далеком 2008 г., когда о пандемии и санкциях никто не говорил, был создан общеевропейский стабилизационный фонд. Так вот, более 50 % всех средств составили немецкие деньги. В дальнейшем федеральный канцлер Ангела Меркель выдвинула лозунг «Европа на разных скоростях». На деле это означает, что развитие экономики Европейского Союза не должны «тащить» на себе другие. Сколько откровенных оскорблений вынуждена была стерпеть та же Греция — колыбель европейской цивилизации, если говорить об Античности, что она не в состоянии себя содержать. Об этом стоило бы помнить претендентам на вступление в Европейский Союз. Паспорт еще не гарантия благополучия. Как правило, трудовые мигранты, даже из стран ЕС, внутри данного Союза заняты преимущественно на малооплачиваемых, сезонных и совсем не престижных, мягко говоря, работах. Да и потом, если в Болгарии продают овощи и фрукты из... Турции, то это о многом говорит. А всё потому, что в рамках ЕС существует квотирование на

производство и реализацию продукции. В данном случае сельскохозяйственной. В прежние времена прилавки советских магазинов были завалены с/х товарами из Болгарии. Как будто своих консервированных помидоров и огурцов не хватало. Помогали «братской» республике. Сегодня болгарские производители вынуждены искать пути реализации своей продукции в силу квотирования в рамках европейского экономического «сотрудничества». Такова проза жизни. Тем не менее правительство Болгарии четко следует указаниям из Вашингтона и Брюсселя в части санкций против нашей страны. А кое-что иницирует и сама. По мелочи, но тем не менее. И никакая история наших отношений в данном случае роли не играет. Сколько жизней положено за Болгарию, не счесть.

Так сложилось, что в рамках Европейского Союза национальные парламенты примерно 70–75 % законопроектов получают из Европарламента. Иногда национальные законодательные органы вынуждены принимать акты, противоречащие экономическим интересам страны. В некотором роде данным союзом руководит бюрократия, которая подчас никак не связана национальными интересами, прежде всего экономическими. Уже достаточно давно раздаются голоса о кризисе так называемой представительной демократии. Естественно, евробюрократы полагают, что ничего серьезного не происходит. Даже на примере Европейского Союза мы наблюдаем существенное умаление экономического суверенитета стран, входящих в него. У кого-то это менее ярко проявляется, а у некоторых довольно ощутимо. Европейский Союз некоторые политологи называют неокolonией (С. Караганов). Понятно чьей.

Очевидно, что у суверенитета как свойства власти (признака государства) много составляющих. Прежде всего это политическая составляющая. В этой связи о суверенитете говорят тогда, когда подразумевают независимость государства в международных отношениях. Государство суверенно, когда никто не вмешивается и в его внутренние дела. Конечно, мы живем в глобальном мире и совершенно отделиться от него невозможно. К примеру, в средствах массовой информации могут по-разному интерпретировать те или иные события в отдельной взятой стране. Практически всегда это происходит в оценочной тональности. Иногда очень нелюбимой, а порой и предвзятой. Что же, недаром говорят, «кто владеет информацией, тот владеет миром». Сегодня в производство

«нужной» информации вкладывают значительные средства, тратятся огромные интеллектуальные усилия. В последние годы всё чаще говорят об информационной войне. И для этого есть все основания. Если «горячая» фаза войны когда-нибудь прекращается, то информационная — никогда.

Наиболее типичный пример вмешательства во внутренние дела — выборы. Все «цветные» революции проходят практически по одному и тому же сценарию. Если победивший кандидат или партия не устраивают оппонентов, как внутренних, так и внешних (а они, главным образом, руководят процессом), то результаты выборов объявляются «неправильными», т.е. сфальсифицированными. Специальные технологии сегодня позволяют мобилизовать улицу, и, оседлав протестные настроения, контролируемая оппозиция добивается их пересмотра или объявляются новые выборы с заранее прогнозируемым результатом. А далее всё по законам политической драматургии.

Самая «демократичная» страна в мире — США дважды обвиняла нашу страну во вмешательстве в президентский избирательный процесс — Д. Трампа и Дж. Байдена. Избирательная кампания последнего представляет собой тему для отдельного разговора. Это просто позор. Однако американские политики предпочитают искать соринку в чужом глазу, не замечая бревна в своем собственном.

В мировой практике имеют место случаи прямого вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Особенно если в них созрела конфликтная ситуация или он перешел в свою активную фазу. Порой доходит до прямого военного вмешательства с многочисленными жертвами: Югославия, Ливия, Афганистан, Ирак. Причем с грубейшими нарушениями норм международного права. Коалиция из некоторых западных стран вообще решила, что международное право им не указ. Они поступают так, как пожелают. Во главе этого процесса стоят США. Все другие фактически марионетки в их руках. Можно еще понять младоевропейские государства, которые еще относительно недавно по историческим меркам входили в советский блок. Но старая Европа? Где Франция с ее бунтарским, революционным духом? Или уже никогда не будет реинкарнации генерала де Голля или хотя бы Ж. Ширака? На примере некоторых европейских государств мы наблюдаем полный паралич политической воли. Их лидеры выглядят политическими карликами.

Политика — искусство возможного. Основатель политической науки древнегреческий философ Аристотель недаром считал политику высшим из искусств. И это не случайно. Плохая режиссура, отвратительная игра актеров или негодная драматургия еще не трагедия. Да, какая-то часть зрителей уйдет после спектакля с травмированным эстетическим чувством. Совсем иное дело, когда мы имеем дело с политической драматургией. Здесь цена ошибки может касаться судеб миллионов.

Суверенитет — категория юридическая. Правовые аспекты суверенитета чрезвычайно важны. Речь идет о том, что территория любого государства находится в пределах его юрисдикции. Иными словами, государство, принимая законы, добивается того, чтобы они безоговорочно соблюдались. Конституция Российской Федерации⁹ в ст. 4 устанавливает следующее положение: «1. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. 2. Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. 3. Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории».

Никакие иностранные юрисдикции не распространяются на территорию государства, за исключением отдельных случаев, которые закреплены в международных договорах, соглашениях, а также конституции страны.

Суверенное государство лишь то, которое с помощью исключительно национального законодательства управляет своей территорией.

Ну, и наконец, экономическая составляющая суверенитета государства. Обычно суверенитет понимают как независимость внутри, так и в рамках международных отношений. И здесь зачастую упускается как раз экономическая составляющая.

Об экономическом суверенитете стали говорить только в последнее время и в связи с так называемой санкционной политикой в отношении нашего государства. О чем идет речь? Если называть вещи своими именами, то во многом мы сегодня расплачиваемся за ту экономическую политику, которую проводили в последние 30 лет. При прямом участии зарубежных экономических советников, среди которых было много действующих сотрудников западных спецслужб, о чем не раз говорил прези-

дент Российской Федерации В. В. Путин, проводилась экономическая «реформа». Многие стратегические предприятия были отданы либо в частные руки, либо вовсе прекратили свое существование. Достаточно обратиться к мнению Дж. Сакса, который возглавлял группу экономических советников из США. Кстати, российские налогоплательщики очень щедро оплатили консалтинговые услуги западных консультантов. Любопытно, но у многих из них возникли проблемы, связанные с неуплатой налогов. В некоторых государствах существует система двойного налогообложения. Укрывательство доходов практически во всех странах с развитой рыночной системой является серьезным правонарушением.

Некоторые из ныне действующих российских предпринимателей и финансистов прямо говорили о том, что России не нужны ни станки, ни самолеты, ни компьютеры, ни автомобили. Всё это можно купить в других странах на средства, вырученные от продажи углеводородов.

Ущербность данной экономической политики очевидна. К слову сказать, до пандемии не только в нашей стране активно продвигали экономическую парадигму, которую лучше других выразил П. Ханна: «Связанность — основная причина комплексного характера глобализации. Обычно о глобализации говорят в контексте ее действия в рамках *существующего* порядка, а не создания *нового*. Но связанность — это трансформация, зарождающаяся внутри системы и в конечном счете изменяющая ее. Связующие нас сети, пронизывающие все сферы жизни, — это не просто каналы взаимодействия, их полезность экспоненциально возрастает по мере увеличения количества узлов (по закону Меткалфа)»¹⁰.

Суть данной концепции сводится к тому, что все страны так или иначе будут включены в мировую систему поставок исходя из сложившегося «мирового разделения труда». П. Ханна предрек гибель, как он выражается, «юридической мантры “Эта земля — моя”». Якобы в грядущем мире цепи поставок возникает другая формула: «Используй территорию или потеряешь ее».

Если называть вещи своими именами, *то это есть не что иное, как призыв к отказу от экономического суверенитета. «Производи то, что тебе предписано. Остальное покупай*

⁹ Конституция Российской Федерации. М. : Проспект, 2020. С. 4.

¹⁰ Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. С. 51.

у других» — вот и вся незамысловатая «концепция».

Нет ничего удивительного в том, что данный автор, успевший стать популярным у некоторых экономистов и юристов в нашей стране, довольно агрессивно обрушивается на вестфальскую систему. Понятно, что она не устраивает архитекторов глобального мира.

По всей видимости, никто бы не ставил так остро вопрос об экономическом суверенитете, если бы не санкции. Увы, мы находимся в очень уязвимом положении. Всё потому, что не уделяли должного внимания собственному производству. Что ж, за все в этом мире приходится расплачиваться. Сырьевая составляющая российской экономики не может быть преодолена в самое ближайшее время. Есть, правда, и положительный момент. Больше нет иллюзий в части «партнерских» отношений. Сегодня коалиция западных государств во главе с США прямо ставит задачу удушения России, ее экономики. Ее, правда, не удалось порвать в клочья, как хотелось бы (Б. Обама), но всё же санкции больно ударили по экономической системе. Падают доходы населения, малый и средний, а то и крупный бизнес ощутимо страдают, растет нагрузка на бюджет.

Если рассматривать мировую историю через призму экономики, то мы обнаружим жесточайшую войну за ресурсы. Мировые войны, да и не только они, связаны именно с этим.

Сегодня на повестке дня стоит проблема импортозамещения. Однако необходимо смотреть шире. Предстоит самым серьезным образом пересмотреть экономическую политику нашего государства. Нельзя быть суверенным государством, не имея для этого достаточных экономических оснований. Мы довольно часто слишком категорично подходим к проблеме. Причем к любой. Нельзя более мыслить в антагонистических категориях.

Политически и экономически можно быть независимым только тогда, когда страна производит максимально возможное количество продукции, необходимой для удовлетворения

потребностей внутреннего рынка. Буквально: от иголки до авианесущего крейсера, ледокола, космического корабля. Может быть, что-то выгоднее и купить у других. Но это все равно означает зависимость. Причем в любом случае.

И в заключение хотелось бы акцентировать внимание на правовом обеспечении экономического суверенитета. В данном случае роль права (закона) трудно переоценить. Во-первых, не все международные акты, касающиеся развития национальной экономики, необходимо ратифицировать. К примеру, Европейская энергетическая хартия 1991 г. представляет собой политическую декларацию, устанавливающую принципы сотрудничества между Востоком и Западом. Россия присоединилась к этой Хартии в 1994 г., но не ратифицировала ее. В течение нескольких лет велись переговоры по снятию спорных положений, но они так и остались. Россия рисковала связать себя болезненными для нашей экономики обременениями. Во-вторых, российское законодательство должно создать максимально благоприятные условия для отечественного производителя. Так называемая политика протекционизма в целом оправдывает себя. Вольно или невольно, но по факту она реализуется ведущими экономическими игроками. Национальные интересы должны быть лейтмотивом экономической политики современного российского государства. Иначе в очередной раз нас будет ожидать разочарование.

Сколько существует историческая Россия, столько она находится под санкциями. Вспомним историю. Не в первый раз наша страна сталкивается с политикой изоляции. В этом проявляется одна из закономерностей. Как только Россия заявляла курс на отстаивание собственных интересов, тут же сталкивалась с агрессивной политикой западных государств. Иногда им «помогали» их восточные друзья-соперники. Та же Турция, к примеру.

Экономический суверенитет является условием существования и развития России. Об этом стоит помнить всегда.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антология мировой правовой мысли : в 5 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1999. — 829 с.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. — М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. — 288 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. — М. : Инфра-М, 1999. — 790 с.

4. Данн Р. Эпоха религиозных войн. 1559–1689. — М. : Центрполиграф, 2011. — 287 с.
5. Лю Чжан. Китай. Полная история страны. — М. : АСТ, 2021. — 304 с.
6. Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 432 с.
7. Танака Т. Япония. Полная история страны. — М. : АСТ, 2021. — 336 с.

Материал поступил в редакцию 1 июля 2022 г.

REFERENCES

1. Antologiya mirovoy pravovoy mysli: v 5 t. [Anthology of world legal thought: in 5 vols.]. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1999. (In Russ.).
2. Bourdieu P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of social space]. Moscow: Institute of Experimental Sociology Publ.; St. Petersburg: Aletya Pbl.; 2005. (In Russ.).
3. Sukharev AYа, Zorkin VD, Krutskikh VE, editors. Bolshoy yuridicheskiy slovar [The Great Law Dictionary]. Moscow: Infra-M Publ.; 1999. (In Russ.).
4. Dann R. Epokha religioznykh voyn. 1559–1689 [The era of religious wars. 1559–1689]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2011. (In Russ.).
5. Liu Zhang. Kitay. Polnaya istoriya strany [China. The full history of the country]. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).
6. Khannah P. Konnektografiya. Budushchee globalnoy tsivilizatsii [Connectography. Mapping the Future of Global Civilization]. Moscow: Mann, Ivanov, Farber Publ.; 2019. (In Russ.).
7. Tanaka T. Yaponiya. Polnaya istoriya strany [Japan. The full history of the country]. Moscow: AST Publ.; 2021. (In Russ.).

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.100-111

А. М. Рабец*

Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы)

Аннотация. В статье предпринята попытка определить место семьи в социальном и правовом поле, обосновывается необходимость определения способности семьи быть объектом правового воздействия; семья определяется не только как объект правовой охраны и защиты, но и как объект правового регулирования. Обоснована целесообразность расширения воздействия на семейные отношения как охранительной, так и регулятивной функции права. Раскрывается понятие юридической характеристики семьи, под которой автор подразумевает нормативное определение понятия семьи как социального института и как конкретного организационного образования, то есть малой социальной группы. По мнению автора, в понятие юридической характеристики семьи входят: понятие семьи, членов семьи, основания создания и правосубъектность. Это понятие сформулировано на основе анализа семейно-правовых актов ряда государств, прежде всего входивших в состав СССР, а также законодательных актов ряда субъектов РФ, содержащих нормы, определяющие правовой статус семьи. Особое внимание уделяется проблемам правосубъектности семьи как социального института и как конкретного союза физических лиц. Под правосубъектностью семьи понимается юридическая возможность иметь права и нести обязанности перед обществом и государством в пределах выполняемых семьей социальных функций. На основании обобщенных научных данных, законопроектных работ в РФ в начале 1990-х гг. и нормотворческого опыта отдельных зарубежных стран сделан вывод о том, что в настоящее время российское общество не готово признать семью субъектом права, однако в дальнейшем такая необходимость возникнет в связи с принятием мер государственной охраны, защиты и поддержки семьи, чтобы отличить семьи от иных союзов лиц, проживающих совместно. Предлагается закрепить определение понятия и другие элементы юридической характеристики семьи в специальной главе СК РФ с учетом нормотворческого опыта сопредельных государств и субъектов РФ.

Ключевые слова: семья; государство; понятие семьи; члены семьи; права; обязанности; законодательство; нормотворческий опыт; юридическая характеристика; правовой статус.

Для цитирования: Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 100–111. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.100-111.

© Рабец А. М., 2022

* Рабец Анна Максимовна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ведущий аналитик Лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
4-й корпус ТГУ, Московский тракт, д. 8, г. Томск, Россия, 634050
rabecjur@mail.ru

The Place of Family in the Legal Space: Legal Characteristics of Family in the Russian Federation and in Some Foreign Countries. Rule-Making Experience and Problems

Anna M. Rabets, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Leading Analyst, Social and Legal Research Laboratory, Law Institute, Tomsk State University
4 korpus TGU, Moskovskiy trakt, d. 8, Tomsk, Russia, 634050
rabecjur@mail.ru

Abstract. The paper attempts to determine the place of the family in the social and legal field, justifies the need to determine the ability of the family to be the object of legal influence. Family is defined not only as an object of legal protection and protection, but also as an object of legal regulation. The author substantiates the feasibility for expanding the impact on family relations of both the protective and regulatory functions of law. The author defines the concept of legal characteristics of the family, which is a normative definition of the concept of a family as a social institution and as a specific organizational formation, that is, a small social group. According to the author, legal characteristics of the family include the concept of family, family members, grounds for creation and legal personality. This concept is formulated on the basis of an analysis of family legal acts of a number of states, primarily those that were part of the USSR, as well as legislative acts of a number of subjects of the Russian Federation containing norms defining the legal status of the family. Special attention is given to the problems of the legal personality of the family as a social institution and as a specific union of individuals. The legal personality of the family is understood as the legal possibility to have rights and bear obligations to society and the state within the social functions performed by the family. Based on generalized scientific data, legislative work in the Russian Federation in the early 1990s and the rule-making experience of certain foreign countries, it is concluded that at present Russian society is not ready to recognize the family as a subject of law, but in the future such a need will arise in connection with the adoption of measures of state protection, protection and support of the family in order to distinguish families from other unions of persons living together. It is proposed to consolidate the definition of the concept and other elements of the legal characteristics of family in a special chapter of the Family Code of the Russian Federation, taking into account the rule-making experience of neighboring states and constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: family; state; concept of family; family members; rights; duties; legislation; normative experience; legal characteristics; legal status.

Cite as: Rabets AM. Mesto semi v pravovom prostranstve: yuridicheskaya kharakteristika semi v Rossiyskoy Federatsii i v otdelnykh zarubezhnykh gosudarstvakh (normotvorcheskiy opyt i problemy) [The Place of Family in the Legal Space: Legal Characteristics of Family in the Russian Federation and in Some Foreign Countries. Rule-Making Experience and Problems]. *Lex russica*. 2022;75(11):100-111. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.100-111. (In Russ., abstract in Eng.).

В условиях трансформации общества не только в России, но и во всем мире невозможно переоценить степень значимости семьи как социального института и как конкретного союза, в котором закладываются основы формирования личности человека. В соответствии с п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека семья — это естественная и основная ячейка общества, имеющая право на защиту со стороны государства и общества¹.

Право на создание семьи гарантировано в ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод².

Характеристика семьи как основы общества и государства, принципы ее государственной охраны и защиты закреплены в целом ряде Конституций стран Европы, в ст. 7, 38 Конституции РФ, а также в Конституциях субъектов РФ³.

Поэтому человечество как минимум ради сохранения своего биологического вида долж-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной ассамблеей ООН 10.12.1948) // Международное публичное право : сборник документов. М. : Бек, 1996. С. 8.

² Конвенция по защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека). Принята 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

³ Подробно об этом см.: Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 69–75.

но быть кровно заинтересовано в сохранении семьи с ее социальными функциями, в выполнении которых семью не может заменить никакой другой социальный институт. Такую значимость институту семьи придает автономность, «замкнутость», т.е. завершенность как социальной структуры, самостоятельность, обособленность от других общественных и государственных институтов, а также ее способность как самоуправляющейся единицы осуществлять самостоятельное, самореферентное регулирование своих внутренних отношений без какого бы то ни было вмешательства извне, в том числе правового. Автономность семьи является ее базовым свойством, позволяющим семье существовать как самостоятельной ячейке со своей внутренней саморегулируемой системой. Автономность семьи детерминирует саморегулирование семейных отношений на основе и с учетом цивилизационных, ценностных, культурных, религиозных, национальных, этнических, исторических, социальных, духовных и нравственных особенностей.

В то же время автономность семьи в случае ее расширения под влиянием различных внутренних и внешних социальных процессов может оказаться опасной для самой семьи. Дело в том, что содержанием автономности семьи является, как отмечают ученые, господствующая идея, лежащая в основе идеала личной автономии, которое состоит в том, что люди сами должны строить свои собственные жизни, иметь возможность принимать свои собственные решения о том, как им жить, до тех пор, пока, поступая так, они не причиняют вред другим⁴. Степень же автономности семьи определяется не только и, скорее всего, не столько императивными установлениями, хотя этот фактор, несомненно, является весьма значимым, но также нормами морали, нравственными началами и иными неправовыми социальными регуляторами, которые в обществе воспринимаются весьма неоднозначно. Так, Джонатан Херринг отмечает, что в настоящее время имеет место расширение личной автономии внутри семьи, преобладание частноправовых начал, так называемая приватизация семейного права, о чем свидетельствует редуцирование (снижение) оценки моральных аспектов поведения в правоприменительной практике⁵.

Современное состояние института семьи, согласно наблюдению социологов, характеризуется как кризисное. Кризис семьи связывают с ценностным конфликтом личности и общества относительно рождения и социализации детей, выливающимся в невыполнение репродуктивной и социализационной функций семьи. Данный конфликт сопровождается ослаблением семьи как союза родственников (процесс нуклеаризации), союза родителей и детей (процесс конъюгализации и девальвации семьи, детей, родительства), союза супругов (процесс индивидуализации, автономизации), ослаблением триединства супружества-родительства-родства из-за исчезновения семейного производства, совместной деятельности родителей и детей (процесс замены семьецентризма эгоцентризмом). Ввиду невозможности возвращения к прежнему семейному устройству, современная наука должна выработать систему мер по укреплению семьи на базе существующих общественных отношений⁶.

Опасность нарушения оптимального соотношения частных и публичных интересов в структуре семейных отношений, вне всяких сомнений, исходит также от идеи либерализма, которая приобрела во всем мировом сообществе уродливые формы, в том числе правовые, примером чего может служить легитимация однополых союзов, объявление педофилии, зоофилии и т.п. естественными процессами жизнедеятельности человека, и постепенно сказывается, хотя еще не столь агрессивно, и на правовом регулировании семейных отношений. Можно согласиться с В. А. Ширяевым, который указывает на опасность для семьи идей либерализма, проникших в семейное право РФ из стран Европы, где они получили широкое распространение. Как отмечает автор, эти идеи предоставляют человеку свободу от обязанности работать над собой, духовно развиваться, в какой-то мере — свободу «от себя самого». В. А. Ширяев в известной мере справедливо считает воплощением идей либерализма в семейном праве РФ, к примеру, упрощенный порядок заключения и расторжения брака. Заслуживает самого пристального внимания суждение автора о том, что необходимо проанализировать семейное законодательство с новых позиций. Либерализму противостоит консерватизм, придающий общественным отноше-

⁴ См.: Якушев П. А. Указ. соч. С. 84.

⁵ Привод. по: Якушев П. А. Указ. соч. С. 85.

⁶ Черняк И. М. Семейведение : учебное пособие. М. : Дашков и Ко, 2009. С. 64.

ниям, прежде всего семейным, необходимую устойчивость, поэтому разумный консерватизм необходим именно в семейном праве. В частности, на основе законодательных признаков брака автор предлагает легальное определение брака. Регистрации брака, по его мнению, необходимо придать более серьезный характер, порождающий особую ответственность мужчины и женщины друг перед другом, перед семьей, в которой должны появиться дети⁷.

Нельзя сбрасывать со счетов также неблагоприятные экономические условия, в которых долгое время находилась, да и теперь продолжает находиться, российская семья в связи с переходом российского общества к рыночной экономике, тем более что переход семьи от коллективного потребителя материальных благ, в которого она превратилась в связи с утратой роли хозяйственной единицы, к практически полностью самообеспечиваемой системе своего существования осуществляется в жестких условиях, не путем эволюции, по которому шло развитие семьи в дореволюционной России, а путем трансформации, сопровождающейся быстрыми и радикальными переменами. Хотя современная наука не признает экономический фактор решающим в функционировании и развитии общественных институтов, в том числе семьи, однако приходится признать, что именно он во многом определяет характер осуществления семьей ее социальных функций. К примеру, несмотря на принимаемые государством меры стимулирования рождаемости, в значительной части семей, причем именно детородного возраста, преобладает идея прагматизма, понимание того, что жизнь семьи без детей экономически более выгодна, чем их рождение и воспитание, мешающие карьерному росту личности, снижающие уровень благосостояния семьи, длительность и возможности досуга и т.п.

Конечно, автономность семьи и семейных отношений предполагает также способность к самосохранению, к известного рода «самозащите» от влияния всевозможных деструктивных факторов на жизнедеятельность семьи. К примеру, семья сама способна руководствоваться в

регулировании семейных отношений не только неправовыми социальными регуляторами, в том числе нормативными, но и правовыми нормами. Однако автономность семьи не должна быть беспредельной, поскольку ее расширение ведет к саморазрушению семьи путем преобладания эгоцентризма. Поэтому, осознавая негативное влияние на семью «зарегулированности» семейных отношений за счет чрезмерного сужения автономности семейных отношений, общество и государство должны исходить из необходимости расширения и углубления правового воздействия не только и даже не столько на отдельные семейные отношения, сколько на семью в целом как на социальный институт путем федерального и регионального нормотворчества и правоприменения, что будет транслироваться семьям как конкретным союзам физических лиц через правосознание и путем толкования, как профессионального, так и обыденного. Такая установка в отношении государственной семейной политики и семейного законодательства РФ вытекает из смысла Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁸, в соответствии с которым традиционные семейные ценности на конституционном уровне включены в сферу правового регулирования (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Концепцией государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года⁹ поставлена задача реформирования семейного законодательства на первом этапе ее реализации. Семейное право не только может, но и должно способствовать сведению к минимуму действия всякого рода процессов, способных принять характер необратимых для российской семьи, а значит, и для всего российского общества.

Итак, семья как социальный институт, несмотря на ее способность к саморегулированию, должна быть и фактически является объектом правового воздействия. Данное суждение основано на том, что в соответствии со ст. 1 Конституции РФ¹⁰ Российская Федерация является

⁷ Ширяев В. А. Либерализм в российском семейном праве // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 21–24.

⁸ СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-Р (СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811).

¹⁰ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 25.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 18.09.2022).

правовым государством, одним из признаков которого, как известно, является верховенство права; следовательно, все государственные и общественные институты, включая семью, должны находиться в правовом пространстве, т.е. быть под воздействием права.

Несомненный научный и практический интерес и в то же время определенную сложность представляет вопрос: каким должно быть правовое воздействие на семью по своему характеру и по степени интенсивности? Как известно, правовое воздействие на соответствующие общественные отношения может осуществляться в виде правового регулирования в узком его значении, т.е. в упорядочении поведения субъектов соответствующих отношений, а также в виде их охраны и защиты. Прямой ответ на данный вопрос мы находим в ст. 7 и 38 Конституции РФ и в ст. 1 СК РФ; согласно указанным нормам семья находится под защитой государства. Очевидно, законодатель не без основания счел именно этот вид правового воздействия наиболее важным. Однако означает ли это, что семья не нуждается в других видах правового воздействия: в правовом регулировании и в правовой охране? Представляется, что ответ на данный вопрос может быть только отрицательным. Имеются все основания утверждать, что семья является объектом как государственной защиты, так и государственной охраны и правового регулирования, так сказать, «в чистом виде», т.е. урегулирования, упорядочения семейных отношений с использованием диспозитивного метода регулирования и таких правовых средств, как договоры, соглашения и т.п. Думается, что современная российская семья по вышеуказанным причинам больше нуждается в защите и охране, исходя из необходимости не только восстановления уже нарушенных прав и интересов тех или иных членов семьи, но и предотвращения правонарушений в семейной сфере. О необходимости законодательного закрепления принципа государственной охраны семьи представители науки семейного права ставили вопрос сразу же после принятия СК РФ¹¹.

При этом нелишне обратить внимание на ст. 5 СК Украины под названием «Государственная охрана семьи», в соответствии с которой

«государство охраняет семью, детство, материнство, отцовство, создает условия для укрепления семьи...создает человеку условия для материнства и отцовства, обеспечивает охрану прав матери и отца, материально и морально поощряет и поддерживает материнство и отцовство. ...обеспечивает приоритет семейного воспитания ребенка. ...берет под свою охрану каждого ребенка-сироту и ребенка, лишённого родительской опеки. ...Никто не может подвергаться вмешательству в его семейную жизнь, кроме случаев, установленных Конституцией Украины»¹². Думается, что в (далее в данной статье совмещены сразу несколько принципов семейного права, имеющих, как представляется, самостоятельное значение: принцип государственной защиты детства, материнства и отцовства, принцип государственной поддержки семьи, а также принцип невмешательства в семейную жизнь. В статье 1 СК РФ мы обнаруживаем четко сформулированные принципы государственной защиты семьи, материнства и детства, воспроизводящие положения Конституции РФ, а также принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Представляется весьма желательным прямое законодательное закрепление принципа государственной охраны семьи, что способствовало бы выполнению семейным правом в полной мере регулятивной, охранительной и превентивной функций.

Итак, объектом правового воздействия в широком значении данного понятия выступает семья как социальный институт. Однако в различные общественные отношения вступают в обычной жизни отдельные семьи как малые социальные группы, что вызывает необходимость законодательного закрепления правового положения семьи как малой, но целостной социальной группы, как своеобразного субъекта частных и особенно публичных правоотношений. В настоящее время в РФ, как известно, не существует норм, которые раскрывали бы понятие семьи, ее состав, понятие «член семьи», основания ее создания, т.е. семейные связи, признаваемые законом, а также признаки семьи, по которым ее можно было бы отличить от других групп, заведомо неспособных к выполнению свойственных только семье специфиче-

¹¹ См., например: *Нечаева А. М.* Семья как самостоятельный объект правовой охраны // Государство и право. 1996. № 12. С. 99–108.

¹² Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2944-III // Ведомости Верховной Рады Украины. 31.05.2002. № 21. Ст. 135.

ских функций, но претендующих именоваться семьей, чтобы получить признание со стороны общества и государственную материальную и иную поддержку, оказываемую для нормального выполнения семьей ее социальных функций. Весьма желательно также предоставить семье реальную возможность участия в правоотношениях, в которых требуется выражение мнения семьи в целом или защита интересов семьи, а не отдельных ее членов, могущих выдать за общесемейные интересы свой собственный интерес.

В аспекте сказанного стоит обратить внимание на то, что в целом ряде зарубежных стран, прежде всего в сопредельных, имеется вполне заслуживающий внимания нормотворческий опыт законодательного закрепления основных понятий и категорий, составивший, как представляется, довольно полноценную юридическую характеристику семьи как социального института и как конкретного союза, являющуюся предметом дальнейшего исследования в настоящей работе. Имеются в виду: КоБС Беларуси¹³ и в какой-то мере — КоБС Казахстана¹⁴, СК Кыргызстана¹⁵, ГК Литвы¹⁶, СК Молдовы¹⁷, СК Украины. Правда, не во всех указанных семейно-правовых актах с одинаковой степенью полноты раскрыты все указанные выше параметры, характеризующие семью; однако ценна уже сама попытка обозначить хотя бы отдельные их элементы.

Итак, вся совокупность правовых норм, закрепляющих понятие, состав, признаки семьи, основания ее создания и правосубъектность, должны, как представляется, составить юридическую характеристику семьи, а в СК РФ — специальную главу. Вполне достойным примером для заимствования является глава 9 КоБС Беларуси, в которой не только дано нормативное определение понятия семьи, но и пред-

ставлена ее краткая, но в принципе достаточно емкая юридическая характеристика: основные признаки семьи, т.е. общность, связывающая ее членов, круг членов семьи, основания ее создания, типы семьи, основные ее права и обязанности перед обществом. Примерно такая схема могла бы быть использована в новой редакции СК РФ.

Прежде всего, речь идет о проблеме нормативного определения понятия семьи, о возможности и целесообразности его законодательного закрепления, по поводу чего позиция специалистов в области семейного права далеко не однозначна, хотя против определения данного понятия исключительно для нужд науки никто не возражает; более того, в литературе по семейному праву можно найти несколько вариантов научных дефиниций¹⁸.

К сожалению, в науке семейного права до сих пор сохраняется довольно устойчивое мнение о нецелесообразности нормативного определения понятия семьи ввиду невозможности совмещения в одном универсальном определении всех ее признаков, а следовательно, ввиду его изначальной неполноты. Исходным моментом для такого вывода является то, что дефиниция — это идеал (модель), называющая критерии идентификации, позволяющая оценивать на соответствие с ее содержанием конкретные жизненные ситуации. Дефиниция должна вобрать в себя все существенные элементы и быть при этом эластичной. Считается, что первый фактор исполняемости права заключается в удобоваримости определений. Нормы права, использующие недостаточно конкретные определения, не будут исполнимы в том смысле, что в процессе их применения будут возникать сомнения и споры, порождающие юридическую необеспеченность. До сих пор принято учитывать предостережение рим-

¹³ Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278-З // Ведомости национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 23. Ст. 419.

¹⁴ Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26.12.2011 № 518-IV ЗРК // Казахская правда. 07.01.2012. № 6–7 (26825–26826).

¹⁵ Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30.08.2003 № 201 // Эркин Тоо. 05.09.2003. № 68–69.

¹⁶ Гражданский кодекс Литовской Республики. Утвержден Законом № VIII1964 от 08.07.2000, регулирующим вопросы семейного права (третья книга. Семейное право) // Ведомости Литовской Республики. 2000. № 74 2262.

¹⁷ Семейный кодекс Республики Молдова. От. 26.10.2000 № 1316-XIV // Monitorul Oficial. Nr. 47–48. Ст. № 210.

¹⁸ Ср., например: Мананкова Р. П. Правовой статус членов семьи. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 17 ; Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. А. М. Нечаевой. М. : Юрайт, 2009. С. 20 (автор главы — А. М. Нечаева.)

ских юристов по поводу того, что любое юридическое определение несет в себе опасность, поэтому дефиниция семьи должна содержать только существенные ее признаки, то есть имеющие правовое значение, быть полной, отражать суть этой юридической категории, не включать противоречивые суждения, не иметь других, подлежащих объяснению терминов¹⁹.

Однако сама жизнь подвергла сомнению справедливость этих выводов. Как уже отмечалось, семья как социальный институт в целом, а не только отдельные внутрисемейные отношения, провозглашена на уровне конституционного принципа в качестве объекта государственной защиты, а потому общество и государство должны иметь четкую характеристику защищаемого объекта, содержащую конкретные признаки, отличающие семью от сходных социальных групп. В текущем столетии предостережение римских юристов об опасности законодательного закрепления юридических дефиниций и в РФ уже не оказывает былого магического действия на мнения ученых как в области общей теории права, так и в области семейного права. Например, Т. В. Кашанина отмечает, что правовые дефиниции относятся к средствам выражения содержания права²⁰. По мнению автора, неприменение в правотворческой деятельности такого инструмента, как нормативное определение многих базовых правовых понятий, объясняется тем, что законодательство рассчитано не на граждан, а на власть, именно употребление в правотворчестве доступных дефиниций обращает право к обычным людям.

Можно также констатировать, что и в семейно-правовой доктрине постепенно осознается необходимость закрепления в семейном законодательстве юридической характеристики семьи как социального института²¹.

Имеется также нормотворческий опыт законодательного определения понятия семьи. Так, в соответствии со ст. 59 КоБС Беларуси, «семья — это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства,

правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления». Согласно ч. 2 ст. 3 СК Украины «семью составляют лица, которые совместно проживают, связаны общим бытом, имеют взаимные права и обязанности». В пункте 29 ст. 1 КоБС Казахстана содержится следующее определение понятия семьи: «Семья — круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака (супружества), родства, свойства, усыновления (удочерения) или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений». Аналогичным образом семья определяется в ст. 2 СК Кыргызстана.

Следует обратить внимание на то, что некоторые субъекты РФ, независимо от федерального законодательства, в котором нормативное определение понятия семьи до сих пор отсутствует, сами закрепляют его в законах о защите семьи, материнства, отцовства и детства, реализуя таким образом положения, предусмотренные в ст. 7, 38 и 71 Конституции РФ; примечательно, что некоторые из них были приняты еще до Конституции РФ. Так, в ст. 12 Закона Республики Башкортостан от 05.11.1993 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан»²² говорится, что «семья — это объединение двух и более лиц, основанное на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на воспитание, связанное общностью жизни (совместным проживанием, ведением общего хозяйства, заботой друг о друге, воспитанием детей), а также неимущественными и имущественными правами и обязанностями, предусмотренными нормами семейного права».

Имеет смысл остановиться на некоторых, как представляется, довольно принципиальных различиях между приведенными определениями. Так, например, в КоБС Казахстана и в СК Кыргызстана нет указания на общность быта, совместное проживание, моральную и материальную поддержку лиц, составляющих семью. Такие формулировки дают возможность

¹⁹ См., например: *Нечаева А. М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007. С. 6–11.

²⁰ *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М., 2007. С. 170.

²¹ *Рабец А. М.* Проблемы нормативного определения понятия семьи в Российской Федерации и на постсоветском пространстве // Вестник Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Серия «Право». 2017. № 1 (50). С. 91–95.

²² Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1994. № 2 (20). Ст. 75.

для расширенного толкования понятия семьи как общности лиц, связанных взаимными правами и обязанностями независимо от совместного проживания, общей заботы и взаимной поддержки. Вряд ли такое размытое понятие семьи будет способствовать нормальному осуществлению государственной охраны и защиты семьи.

В определении, сформулированном в СК Украины, имеется оговорка, согласно которой в предусмотренных законом случаях семья сохраняется и при раздельном проживании членов семьи: «Супруги считаются семьей и тогда, когда жена и муж в связи с учебой, работой, лечением, необходимостью ухода за родителями, детьми и по другим уважительным причинам не проживают совместно. Ребенок принадлежит семье своих родителей и тогда, когда совместно с ними не проживает».

Интересен, хотя и не бесспорен, подход к пониманию семьи, характеризующим ее признакам, назначению и ценности А. Ю. Касаткиной²³. Семья, по мнению автора, — это сложное устойчивое социально-правовое, нравственное, экономическое, организационное образование, представляющее собой основу российского общества и государства и выполняющее важнейшие социальные и иные функции, свойственные ее жизнедеятельности. К признакам, характеризующим семью, отнесены: наличие социально-правовой связи между ее членами; специальные основания ее образования; особые условия жизнедеятельности; назначение; ценность; высокая социальная зрелость и ответственность ее членов и др. Думается, что в данной характеристике юридические признаки семьи практически отсутствуют, хотя ее социальная характеристика упреков не вызывает. Во всяком случае, такое определение понятия семьи не рассчитано на возможность законодательного закрепления.

Довольно разнообразна характеристика оснований создания семьи. Как известно, основанием возникновения, изменения и прекращения семейных отношений являются не любые жизненные обстоятельства, а биосоциальные или социальные связи между физическими лицами, прямо признаваемые законом. Например, в соответствии со ст. 59 КоБС Беларуси основаниями возникновения семейных правоотношений, т.е. основаниями создания семьи,

являются брак, близкое родство, усыновление, иные формы принятия детей на воспитание. Таким образом, членами семьи безусловно считаются только супруги, родители, дети, в том числе усыновители и усыновленные, «дед, бабушка», внуки и внучки, родные братья и сестры. «Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях иные лица могут быть признаны в судебном порядке членами семьи, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство». Таким образом, из смысла данной нормы следует, что для членов семьи, связанных близким родством, совместное проживание не является обязательным признаком членства в семье. Помимо традиционных юридических фактов (брак, родство, усыновление (удочерение) и принятие детей на воспитание в иной форме) основаниями создания семьи, т.е. основаниями возникновения семейных правоотношений являются установление материнства и отцовства, свойство (ст. 64 КоБС Беларуси), а также другие основания, не запрещенные законом, и такие, «которые не противоречат моральным основам общества» (ч. 4 ст. 3 СК Украины); «другие социальные отношения, аналогичные семейным» (ст. 3 СК Молдовы); внебрачное сожитие мужчины и женщины, зарегистрировавших свое партнерство в установленном законом порядке (ст. 3.229 ГК Литвы). Думается, что формулировки, содержащиеся в СК Украины и Молдовы, позволяют считать семейными связи со всякого рода отклонениями, пропагандируемые в настоящее время в западном мире, во всяком случае — между лицами одного пола, не говоря уже о возможности создания семьи между мужчиной и женщиной, не состоящими в браке.

Достаточно интересным в научном и практическом отношении является такое основание создания семьи, как установление материнства и отцовства. Дело в том, что, как правило, данный юридический факт сам по себе еще не создает семью, а лишь подтверждает наличие кровного родства между определенными мужчиной или женщиной и ребенком, например, если отцовство установлено по совместному заявлению родителей или по заявлению отца в случаях, установленных законом. Однако именно установление отцовства является основанием возникновения семейных правоотноше-

²³ Касаткина А. Ю. Семья в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 3–5.

ний тогда, когда мужчина подает совместное с матерью ребенка заявление об установлении отцовства, зная, что не является отцом. Точно так же родство не является основанием создания семьи при рождении ребенка суррогатной матерью, если она записала себя матерью рожденного ею ребенка. Правда, в подобных случаях следует говорить не об установлении материнства, а о записи материнства как о самостоятельном основании создания семьи.

В главе 9 КоБС Беларуси содержатся нормы, характеризующие типы семьи. В ней названо лишь два типа семьи: многодетные и неполные семьи. Многодетной является семья, в которой на иждивении и воспитании находятся трое и более детей (ст. 62). Неполной считается семья, в которой дети находятся на иждивении и воспитании одного родителя. К неполным относятся семьи: женщин, родивших детей вне брака и не состоящих в браке; вдов (вдовцов), не вступивших в новый брак, на воспитании которых находятся несовершеннолетние дети; родителя, расторгнувшего брак и воспитывающего несовершеннолетних детей; родителя, не заключившего новый брак, если второй из них признан безвестно отсутствующим; одиноких граждан, усыновивших детей. Неполным семьям, воспитывающим несовершеннолетних детей, государство предоставляет дополнительные социальные гарантии.

Обсуждения заслуживает вопрос о целесообразности включения в семейно-правовой кодифицированный акт норм о типах семьи. Во-первых, в случае включения данного нормативного массива необходимо прежде всего отразить роль традиционной семьи. Состоящей из родителей-супругов и совместно проживающих с ними детей, как совершеннолетних, так и несовершеннолетних. Именно такие семьи заслуживают особого внимания, всяческой моральной поддержки и пропаганды, поскольку сам семейный образ жизни предполагает сохранение традиционных семейных ценностей и нормальное выполнение семьей ее социальных функций.

Во-вторых, помимо многодетной и неполной семей в особой характеристике нуждаются другие типы семей, в частности семьи, воспитывающие детей-инвалидов, семьи с ро-

дителями-инвалидами, молодые семьи, в том числе семьи, в которых несовершеннолетние родители воспитывают малолетних детей, все виды замещающих семей. Каждый из указанных типов семей нуждается в применении специфических средств государственной охраны, защиты и поддержки. Типы семей и средства их охраны, защиты и поддержки государством могут дополняться, изменяться, в связи с чем представляется целесообразным закрепление характеристики семей по их типам в специальном законе, например «О государственной защите семьи, материнства, отцовства и детства».

Особую сложность представляет вопрос о правосубъектности семьи. После принятия Концепции государственной семейной политики, согласно которой одним из основных направлений семейной политики РФ является партнерство семьи и государства, а также сотрудничество с общественными объединениями, благотворительными организациями и предпринимателями, утверждение, что семья в Российской Федерации является самостоятельным субъектом государственной семейной политики, стало практически постулатом. Но в таком случае возникает вопрос, может ли она быть самостоятельным субъектом права, чтобы осуществлять и партнерство с государством, и сотрудничество с указанными субъектами? Для ответа на вопрос о наличии объективной возможности и о целесообразности законодательного решения данной проблемы обратимся к научным выводам и к нормотворческому опыту.

В советской доктрине семья была упомянута в качестве субъекта права на жилплощадь еще в 1949 г.²⁴ Позднее социолог С. В. Дармодехин предлагал считать семью субъектом права²⁵. Эта концепция была подвергнута критике со стороны А. М. Нечаевой²⁶.

В России первый нормотворческий опыт правового регулирования отношений между семьей и органами публичной власти возник в виде проекта Закона РСФСР «О государственной защите семьи, материнства, отцовства и детства», который был отклонен Верховным Советом РСФСР как не соответствующий правовым стандартам, главным образом, потому что семья не может быть признана юридиче-

²⁴ Луцев О. П. Семья как субъект права на жилплощадь в СССР. Алма-Ата, 1949. С. 17.

²⁵ Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: принципы формирования и реализации // Семья в России. 2000. № 3–4.

²⁶ Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. С. 17.

ским лицом, следовательно, не может обладать правосубъектностью, т.е. иметь права и обязанности²⁷. В данном законопроекте предлагалось установить между семьей и государством двусторонние правоотношения, предусмотреть взаимные права и обязанности семьи и государства.

После столь неудачного опыта вопрос о правосубъектности семьи стал для науки семейного права нечто вроде «идефикс». Однако, как уже отмечалось, уже в 1993 г. в ряде субъектов РФ были приняты законы с таким же названием, как и законопроект, в которых были изложены основные положения о государственной защите и поддержке семьи. В конце 1990-х гг. аналогичные идеи воплотились в виде норм о правах и обязанностях семьи (ст. 65), помещенной в гл. 9 КоБС Беларуси под названием «Права и обязанности семьи в обществе». Согласно данной статье семья обязана содействовать реализации прав и законных интересов членов семьи, на нее возлагается ответственность за воспитание и содержание детей, их защиту. За семьей признаются преимущественное право и обязанность определять формы, средства и методы воспитания детей. Обязанности семьи по отношению к детям определяются правами детей, установленными данным Кодексом и другими актами законодательства Республики Беларусь. В соответствии со ст. 66 семья является естественной средой ребенка. Воспитание детей в семье охраняется и поощряется государством. Особой поддержкой, вниманием и заботой пользуются многодетные семьи, семьи, принявшие на воспитание детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, семьи, воспитывающие детей-инвалидов. В статьях 66.1 и 67 подробно описаны способы защиты законных интересов ребенка и ответственность семьи за ненадлежащее его воспитание и содержание, в том числе если ребенок оказался в социально опасном положении.

Иные семейно-правовые акты, действующие на постсоветском пространстве, не решают вопроса о правосубъектности семьи, за исключением, пожалуй, СК Украины, в котором содержатся нормы, признающие право человека на семью (ст. 4), что относится скорее к правосубъектности личности, а не семьи.

Трудность решения вопроса о правосубъектности семьи состоит в том, что, будучи автономной социальной структурой, семья в то же время не может быть, по мнению абсолютного большинства правоведов, субъектом права, а потому не может вступать с государством в непосредственные правоотношения, поскольку не может быть признана юридическим лицом. По этому поводу Ю. А. Королев, высказавший (кстати, одним из первых) суждение о семье как о субъекте права, тем не менее отмечал, что среди юридических лиц семья как самостоятельный субъект права не упоминается. Семейный кодекс РФ, который деятельно регулирует все многообразие отношений между членами семьи, не рассматривает семью в целом как субъект правоотношений и относит все виды семейных отношений, главным образом, к кругу членов семьи (супругам, родителям, детям, другим родственникам (ст. 7)). Поэтому, по мнению автора, семья в целом не может быть объектом «взыскания или поощрения» в правовом отношении, поскольку нет четкого ее определения в праве. Такие действия возможны лишь в отношении отдельных членов семьи, обладающих правоспособностью и дееспособностью²⁸. С другой стороны, в различных государственных программах, призванных оказывать поддержку семье в целом, семья как субъект права «растворяется» и проходит как некий «семейный коллектив», состоящий из нескольких ее членов, значение которых в каждой программе определяется по-разному.

В силу указанных причин вопрос о том, в каком качестве выступает семья, когда речь идет о ее охране, поддержке и защите, является в правовой науке своеобразным камнем преткновения. По мнению В. В. Соловьева, семья может быть самостоятельным субъектом права, так же как и общественные объединения, не зарегистрированные в качестве юридических лиц. Точно так же, как и эти структуры, семья является объединением физических лиц, поэтому могла бы быть субъектом тех правоотношений, в которых она выступает как целостная социальная структура.

По мнению автора, структура, форма и содержание Федерального закона «Об общественных объединениях» вполне реально мо-

²⁷ Изложение содержания законопроекта см.: Семья только в рамках закона. Редакционная статья // Советская юстиция. 1992. № 5. С. 3–6.

²⁸ Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 55–61.

жет стать будущей моделью для создания одного из законодательных актов, позволяющих решить вопрос о правосубъектности семьи в целом²⁹. Однако данный вывод не нашел среди научной общественности ощутимой поддержки.

Таким образом, хотя современная доктрина высказывается по данному вопросу неоднозначно и научный поиск его решения продолжается³⁰, приходится констатировать, что на современном уровне юридического мышления общество не готово к постановке и решению проблемы правосубъектности семьи ни как социального института, что вполне понятно, ни как коллектива физических лиц, не имеющего четко выраженной организационной структуры. Однако не исключена возможность преобладания нового взгляда на проблемы правосубъектности семьи, поскольку рано или поздно перед обществом и государством встанет вопрос: какими рамками следует ограничить применение приоритетных мер государственной семейной

политики, любые ли семейные и подобные им группы могут претендовать на защиту, поддержку и охрану со стороны государства?

Итак, обобщение опыта законодательного закрепления юридической характеристики семьи как социального института именно в семейно-правовых актах дает все основания полагать, что такая нормотворческая практика заслуживает заимствования при реформировании семейного законодательства в соответствии с задачами, поставленными в Концепции государственной семейной политики РФ. Подобные нормы органически связаны с последующими нормами, регулирующими конкретные внутрисемейные отношения. Проблема правосубъектности семьи также не канет в Лету, а будет и далее волновать умы ученых, с тем чтобы семья не растворилась в гуще всякого рода гражданских партнерств, в том числе сексуальных, не имеющих с ней ничего общего, но претендующих на роль семей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беспалов Ю. Ф. Российская семья и российская женщина: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 6. — С. 3–7.
2. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: принципы формирования и реализации // Семья в России. — 2000. — № 3–4. — С. 6–20.
3. Касаткина А. Ю. Семья в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 3. — С. 3–5.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника. — М., 2007. — 376 с.
5. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. А. М. Нечаевой. — М.: Юрайт, 2009. — 569 с.
6. Королев Ю. А. Семья как субъект права // Журнал российского права. — 2000. — № 10. — С. 55–61.
7. Луцев О. П. Семья как субъект права на жилплощадь в СССР. — Алма-Ата, 1949. — 112 с.
8. Мананкова Р. П. Правовой статус членов семьи. — Томск: Издательство Томского университета, 1990. — 229 с.
9. Нечаева А. М. Семья как самостоятельный объект правовой охраны // Государство и право. — 1996. — № 12. — С. 99–108.
10. Нечаева А. М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. — М., 2007. — 328 с.
11. Рабец А. М. Проблемы нормативного определения понятия семьи в Российской Федерации и на постсоветском пространстве // Вестник Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Серия «Право». — 2017. — № 1 (50). — С. 91–95.
12. Семья только в рамках закона. Редакционная статья // Советская юстиция. — 1992. — С. 3–6.
13. Соловьев В. В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 218 с.
14. Тарусина Н. Н. Многодетная семья как феномен социально-правового пространства // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 2. — С. 24–28.
15. Черняк И. М. Семейное право: учебное пособие. — М.: Дашков и Ко, 2009. — 320 с.

²⁹ Соловьев В. В. Правовое положение семьи военнослужащего в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 42–43.

³⁰ См., например: Тарусина Н. Н. Многодетная семья как феномен социально-правового пространства // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 24–28.

16. Ширяев В. А. Либерализм в российском семейном праве // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 2. — С. 21–24.
17. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 527 с.
18. Bainham A. Men and Women Behaving Badly: is Fault Dead in English Family Law? // Oxford Journal of Legal Studies. — 2001.
19. Herring J. Family Law. — Harlow : Pearson Education Limited, 2015. — 842 p.
20. Raz J. The Morality of Freedom. — Oxford : OUP, 1986. — 448 p.

Материал поступил в редакцию 3 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Bepalov YuF. Rossiyskaya semya i rossiyskaya zhenshchina: sotsialno-pravovoy aspekt [The Russian family and the Russian woman: Socio-legal aspect]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo [Family and housing law]*. 2019;6:3-7. (In Russ.).
2. Darmodekhin SV. Gosudarstvennaya semeynaya politika: printsipy formirovaniya i realizatsii [State family policy: Principles of formation and implementation]. *Semya v Rissii [Family in Russia]*. 2000;3-4:6-22. (In Russ.).
3. Kasatkina AYU. Semya v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktik [Family in the Russian Federation: Problems of theory and practice]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo [Family and housing law]*. 2022;3:3-5. (In Russ.).
4. Kashanina TV. Yuridicheskaya tekhnika [Legal technique]. Moscow, 2007. (In Russ.).
5. Nechaeva AM, editor. Kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Family Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurayt Pub.; 2009. (In Russ.).
6. Korolev YuA. Semya kak subekt prava [Family as a subject of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2000;10:55-61. (In Russ.).
7. Lutsev OP. Semya kak subekt prava na zhilploshchad v SSSR [Family as a subject of the right to accomodation in the USSR]. Alma-Ata; 1949. (In Russ.).
8. Manankova RP. Pravovoy status chlenov semi [Legal status of family members. Tomsk: Tomsk University Press; 1990. (In Russ.).
9. Nechaeva AM. Semya kak samostoyatelnyy obekt pravovoy okhrany [Family as an independent object of legal protection]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 1996;12:99-108. (In Russ.).
10. Nechaeva AM. Semeynoe pravo: aktualnye problemy teorii i praktiki [Family law: Topical problems of theory and practice]. Moscow; 2007.
11. Rabets AM. Problemy normativnogo opredeleniya ponyatiya semi v Rossiyskoy Federatsii i na postsovetском prostranstve [Problems of the normative definition of the concept of family in the Russian Federation and in the post-Soviet space]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» [Herald of Omsk University. Series: Law]*. 2017;1(50):91-95. (In Russ.).
12. Semya tolko v ramkakh zakona. Redaktsionnaya statya [The family is only within the law. Editorial]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet justice]*. 1992:3-6. (In Russ.).
13. Solovov VV. Pravovoe polozhenie semi voennosluhashchego v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [The legal status of the family of a serviceman in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2007. (In Russ.).
14. Tarusina NN. Mnogodetnaya semya kak fenomen sotsialno-pravovogo prostranstva [A large family as a phenomenon of social and legal space]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo [Family and housing law]*. 2022;2:24-27. (In Russ.).
15. Chernyak IM. Semevedenie: uchebnoe posobie [Family studies: A textbook]. Moscow: Dashkov and Ko Publ.; 2009. (In Russ.).
16. Shiryaev VA. Liberalizm v rossiyskom semeynom prave [Liberalism in Russian Family Law]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo [Family and housing law]*. 2022;2:21-24. (In Russ.).
17. Yakushev PA. Traditsionnye tsennosti v mekhanizme pravovogo regulirovaniya semeynykh otnosheniy v Rossii i stranakh Evropy: dis. ... d-ra yurid. nauk [Traditional values in the mechanism of legal regulation of family relations in Russia and European countries. Dr. Sci. (Law) Dissertation]. Moscow; 2021. (In Russ.).
18. Bainham A. Men and Women Behaving Badly: is Fault Dead in English Family Law? *Oxford Journal of Legal Studies*. 2001.
19. Herring J. Family Law. Harlow: Pearson Education Limited; 2015.
20. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: OUP; 1986.

Дипфейки как угроза правам человека¹

Аннотация. Статья посвящена такой новой угрозе правам человека в условиях цифровизации, как дипфейк-технологии. Автор показывает, что применение таких технологий является инструментом, который может иметь как положительный, так и отрицательный эффект. В частности, применение дипфейков влечет угрозу неприкосновенности частной жизни, нарушения чести и достоинства граждан. В связи с этим перед законодателем стоит задача разработать и внедрить комплекс мер, применение которых позволит минимизировать возможность нарушения прав граждан дипфейк-технологиями. Предлагается направить усилия государства: на создание автоматизированных инструментов для обнаружения дипфейков с возможностью определения даты, времени и физического происхождения их содержимого, а при наличии признаков потенциальной опасности — способных остановить размещение и распространение дипфейков; развитие сервисов и инструментов фактчекинга; нормативное закрепление требований, в соответствии с которыми в социальных сетях и мессенджерах должна проводиться обязательная маркировка дипфейк-контента; формирование нормативной базы, предусматривающей ответственность за создание и распространение дипфейк-материалов, способных нанести ущерб деловой репутации, унижить честь и достоинство человека. С позиции авторского права дипфейки предложено рассматривать через призму производного произведения, при котором использование исходного произведения без согласия его правообладателя будет незаконно. Учитывая угрозы дипфейк-технологий для прав человека, предложен комплекс мер, применение которых позволит минимизировать возможность нарушения прав граждан данными технологиями: внедрение механизма фактчекинга, развитие его сервисов и инструментов; обязательная маркировка дипфейк-контента в социальных сетях и мессенджерах; создание нормативной базы, предусматривающей ответственность за создание и распространение дипфейк-материалов, способных нанести ущерб деловой репутации, унижить честь и достоинство человека.

Ключевые слова: цифровые технологии; дипфейк-технологии; дипфейки; права человека; угроза; неприкосновенность частной жизни; честь; достоинство; репутация; авторское право; персональные данные; фактчекинг.

Для цитирования: Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 112–119. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119.

¹ Статья выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Добробаба М. Б., 2022

* Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mbdobrobaba@msal.ru

Deepfakes as a Threat to Human Rights²

Marina B. Dobrobaba, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
mbdobrobaba@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to such a new threat to human rights arising amid digitalization as deepfake technologies. The author shows that the use of such technologies is a tool that can have both positive and negative effects. In particular, the use of deepfakes entails a threat to privacy, violations of the honor and dignity of citizens. In this regard, the legislator is faced with the task of developing and implementing a set of measures, the application of which will minimize the possibility of violation of citizens' rights by deepfake technologies. It is proposed to direct the efforts of the state: to create automated tools for detecting deepfakes with the ability to determine the date, time and physical origin of their contents, and, if there are signs of potential danger, capable of stopping the placement and distribution of deepfakes; development of fact-checking services and tools; regulatory consolidation of requirements according to which mandatory marking of deepfake content should be carried out in social networks and messengers; formation of a regulatory framework providing for responsibility for the creation and distribution of deepfake materials that can damage business reputation, humiliate the honor and dignity of a person. From the standpoint of copyright, it is proposed to consider deepfakes through the prism of a derivative work, in which the use of the original work without the consent of its copyright holder will be illegal. Taking into account the threats of deepfake technologies to human rights, a set of measures has been proposed. Its use will minimize the possibility of violating citizens' rights by means of these technologies. These measures are: the introduction of a fact-checking mechanism, the development of its services and tools; mandatory labeling of deepfake content in social networks and messengers; the creation of a regulatory framework providing for responsibility for the creation and distribution of deepfake materials capable of damage the business reputation, humiliate the honor and dignity of a person.

Keywords: digital technologies; deepfake technologies; deepfakes; human rights; threat; privacy; honor; dignity; reputation; copyright; personal data; fact-checking.

Cite as: Dobrobaba MB. Dipfeyki kak ugroza pravam cheloveka [Deepfakes as a Threat to Human Rights]. *Lex russica*. 2022;75(11):112-119. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.112-119. (In Russ., abstract in Eng.)

Стремительное развитие цифровых технологий актуализирует вопрос о защите прав человека в условиях цифровизации, поскольку даже полезные, созданные для конкретной цели цифровые технологии могут создавать угрозу правам человека. Так, в свое время популярность получил платный сервис DeepNude, разработчики которого использовали искусственный интеллект и нейросетевой анализ для того, чтобы «раздевать женщин». Сервис оказался настолько популярным, что сами авторы вынуждены были закрыть его, опасаясь многочисленных судебных исков, связанных с нарушением как ст. 12 Всеобщей декларации прав человека³, так и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴, в соответствии с кото-

рыми признаются незаконными посяательства на честь и репутацию человека.

В последние годы широкое распространение получили технологии изготовления поддельных фото и видео, которые, используя методику компьютерного синтеза изображения, основанную на искусственном интеллекте, переносят черты лица с изображения человека на целевое фото (видеозапись) с высокой степенью правдоподобия. Несмотря на то что эти изображения (видео) фиктивные, они могут быть выложены в сеть «Интернет» в качестве якобы реальных. Речь идет о технологиях, получивших название дипфейк (deepfake), данный термин происходит от deep learning (англ. — глубинное обучение) и fake (англ. — фейк, подделка).

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

³ Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

Несмотря на то что в 2019 г. в Российской Федерации был принят закон, устанавливающий ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений⁵, проблема нарушения личных прав с использованием дипфейк-технологий, всё еще не до конца осознана и разработана.

Сам по себе синтез изображений, видео или аудио при применении дипфейк-технологий может не иметь социально опасных целей и не затрагивать права других граждан, более того их польза очевидна в кино, искусстве, рекламе. Так, в киноиндустрии с помощью дипфейк-технологий можно искусственно омолодить или состарить актеров, придать дублерам большее сходство с актерами, синхронизировать движения губ при дубляже перевода или даже доснять фильм с изображением внезапно умершего или переставшего участвовать в съемках актера⁶. Известно, что Музей Сальвадора Дали во Флориде «оживил» художника, который стал экспонатом в собственном музее. В настоящее время применение данной технологии позволяет с помощью наложения нескольких фрагментов изображений на одно создать качественный снимок космического объекта в детальных подробностях. В то же время при манипулировании средствами массовой информации с использованием изображений, видео или голосов реальных людей возникает целый комплекс моральных, юридических и управленческих проблем, требующих своего решения⁷.

Наряду с угрозой для прав человека, в научной литературе обращается внимание на потенциальную опасность дипфейк-технологий для государства и общества в целом, более того отмечается, что они в скором времени могут представлять угрозу национальной безопасности⁸. Подобные опасения объясняются широкими возможностями дипфейк-технологий

синтезировать не только внешность человека, но и его голос, а значит, при наличии целей, представляющих социальную опасность, их применение может стать инструментом в руках преступных организаций и виртуальных мошенников. Именно по этой причине уже сейчас в США дипфейки признаны угрозой национальной безопасности на государственном уровне, одновременно ведется активная работа над проектом федерального закона, регулирующего данную сферу⁹.

На сегодняшний день можно привести многочисленные примеры противоправного использования дипфейк-технологий в России. Так, в сентябре 2021 г. пользователей Интернета удивил нелепый дипфейк — мошенники прорекламировали фейковые «Тинькофф Инвестиции», наложив на человека в кадре лицо основателя TCS Group Олега Тинькова. По голосу он не был похож на российского предпринимателя, да и визуально легко было понять, что это фейк.

Другим примером может служить скандал, разгоревшийся вокруг главного исполнительного директора компании Dbrain Дмитрия Мацкевича¹⁰. Мошенники сделали дипфейк-копию видео с рекламой Мацкевича, в котором он рассказывает об инвестициях с доходом в 360 % годовых, при этом ссылка под роликом вела на сайт, к которому Мацкевич не имел никакого отношения. Очевидно, что в результате подобных действий могли пострадать не только лица, попавшиеся на мошенническую уловку, но и сам Дмитрий Мацкевич, чья внешность и голос были использованы преступниками.

Стоит признать наличие и более совершенных подделок. Так, в феврале 2021 г. в популярном сервисе TikTok было размещено видео Тома Круза, собравшее по состоянию на март 2021 г. более 11 млн просмотров. То, что данное видео — дипфейк, стало понятно только по-

⁵ Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1217.

⁶ URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5fc688fe9a79473e6ff9b82a> (дата обращения: 01.10.2022).

⁷ Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2020. № 4. С. 381.

⁸ См.: Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2021. № 3. С. 54–64.

⁹ Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Указ. соч. С. 383.

¹⁰ Мошенники придумали, как использовать deepfake-копии людей для обмана // URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244067201> (дата обращения: 01.10.2022).

сле признания самого актера. Данный пример с поддельным аккаунтом Круза продемонстрировал, что, благодаря дипфейк-технологиям, мошенники могут манипулировать общественностью. Одновременно использование дипфейк-технологий позволяет заинтересованным лицам вторгаться в частную жизнь как известных людей, например политиков, подрывая их репутацию¹¹, так и обычных граждан.

Более серьезной проблемой, способной нести угрозу правам человека, является способность дипфейк-технологий с невероятной точностью имитировать интонацию, характерные паузы между словами, акцент, корректировать эмоции при произношении слов (голосовые дипфейки).

В цифровую эпоху многие открыто делятся в Интернете видео своих близких, в том числе детей, чем пользуются антисоциальные элементы. Так, известны примеры, когда жертвы, которых мошенники отбирали через социальные сети, получали телефонные звонки с синтезированной речью от мошенников, имитирующих похищение родственников жертв, или с просьбой о срочной помощи, для чего требовалось перевести определенную денежную сумму. Нередко мошенники синтезируют речь для махинаций с банковскими счетами.

Дипфейк-технологии часто применяются при изготовлении фальсифицированных фотографий и видеороликов интимного содержания. Развитие цифровых технологий привело к тому, что появилось даже специальное приложение для смартфона FakeApp, позволяющее любому пользователю создать фейковые порнографические изображения любого человека. В результате любой из миллионов людей, выкладывающих свои фото в сети «Интернет», может против своей воли стать жертвой дипфейка.

Правовая оценка создания и распространения дипфейков в рамках российского законодательства весьма затруднительна. Преобладает мнение, что подобные действия не могут быть оценены как нарушение неприкосновенности частной жизни, поскольку не происходит сбора и распространения реальных сведений,

а данное деяние может быть квалифицировано по ст. 242 Уголовного кодекса РФ (незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов)¹². Однако при подобном подходе к квалификации деяния не учитываются психологические страдания потерпевшего, честь и достоинство которого пытались опорочить посредством выложенных на всеобщее обозрение фиктивных материалов.

Способом решения данной проблемы могло бы стать использование правоприменительной практики ряда государств, квалифицирующих использование соответствующих технологий как клевету — при условии, что будет доказано, что поддельные изображения распространялись со злым умыслом. Представляется правильным квалифицировать подобные деяния по ч. 2 ст. 128.1 «Клевета» УК РФ, предусматривающей ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего, совершенное в Интернете. В гражданском законодательстве вопросы, связанные с защитой чести и достоинства, регулируются статьей 152 Гражданского кодекса РФ.

Еще одной областью прав граждан, требующей научного изучения и нормативного регулирования, серьезно подверженной трансформации под воздействием цифровых технологий, является авторское право¹³. Так, применение дипфейк-технологий делает актуальным решение вопроса, не является ли использование голоса или внешности другого человека нарушением авторского права. Остается открытой также проблема защиты прав умерших (например, киноактеров) в отношении использования их голоса и образа.

Поскольку российское законодательство об авторском праве не охраняет голос или образ человека, перед законодателем также встанут вопросы: относится ли голос человека и его внешность к персональным данным? Кто обладает правом на синтезированный голос: владелец оригинала или тот, кто воссоздал этот голос?

Стоит отметить, что внешность и голос человека относятся к его биометрическим данным,

¹¹ Видео станет невозможно смотреть? Дипфейки Олега Тинькова и Тома Круза атаковали Интернет, и это не предел // URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/55975-video-stanet-nevozmozhno-smotret-dipfeyki-olega-tinkova-i-toma-kruza-atakovali-i/> (дата обращения: 01.10.2022).

¹² Капитонова Е. А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6. С. 19–27.

¹³ Дипфейки: как трансформируется авторское право на контент // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5fc688fe9a79473e6ff9b82a> (дата обращения: 01.10.2022).

которыми в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О персональных данных»¹⁴ являются сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность.

В разъяснениях Роскомнадзора от 02.09.2013 «О вопросах отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки» указано, что к биометрическим персональным данным относятся физиологические данные (дактилоскопические данные, радужная оболочка глаз, анализы ДНК, рост, вес и др.), а также иные физиологические или биологические характеристики человека, в том числе изображение человека (фотография и видеозапись), которые позволяют установить его личность и используются оператором для определения личности субъекта.

В соответствии с приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 10.09.2021 № 930¹⁵ к биометрическим персональным данным физического лица относится не только изображение лица, но и данные его голоса, собранные текстозависимым методом.

Как отмечается в научной литературе, в случае неправомерного использования в дипфейке информации, относящейся к какой-либо личности, характеризующей физиологические и биологические особенности этой личности, можно говорить о нарушении режима использования персональных данных¹⁶.

Следует признать, что авторское право защищает произведения, которые создаются с применением дипфейк-технологий. При их создании может быть нарушено авторское право на фотографию или видео, на основании которых создается подобное произведение. Что касается голосовых дипфейков, их

создание представляет собой самую большую проблему, потому что на голос человека не распространяется право собственности. В России использование чужой речи для создания похожего голоса в явном виде не запрещено законодательством. Имитация голоса, например телефонными пранкерами, тоже не является нарушением и зависит скорее от содержания шутки, которая может подпасть под уголовную ответственность. А использование дипфейк-технологий в рекламе не должно вводить потребителей в заблуждение — например, о том, что известная личность якобы рекомендует какой-либо товар.

Представляется, что дипфейки сто́ит рассматривать через призму производного произведения, при котором использование исходного произведения без согласия его правообладателя будет незаконно.

Согласно российскому гражданскому законодательству (ч. 3 ст. 1228 ГК РФ) исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. Это право может быть передано автором другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по иным основаниям, установленным законом. При этом для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрации или соблюдения каких-либо формальностей.

Если рассматривать право авторства на дипфейк как результат интеллектуальной деятельности, созданный программой, то по российскому законодательству автором может быть только гражданин, творческим трудом которого создан этот результат (ст. 1228 ГК РФ). А правообладателем может быть лишь человек или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (ст. 1229 ГК РФ).

¹⁴ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

¹⁵ Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 10.09.2021 № 930 «Об утверждении порядка обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных, порядка размещения и обновления биометрических персональных данных в единой биометрической системе и в иных информационных системах, обеспечивающих идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц, а также требований к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации».

¹⁶ Масликова Я. А. Дипфейки как угроза персональным данным // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ногинск, 2021. С. 397.

Отдельные социальные сети попытались самостоятельно урегулировать распространение дипфейков. Так, новые правила китайского сервиса TikTok запрещают размещение любого синтетического или манипулирующего контента, способного ввести пользователей в заблуждение и причинить вред. Политика TikTok направлена преимущественно на недопущение очернения политических оппонентов в Интернете.

Правила американской социальной сети Twitter предусматривают пометку твитов и предупреждение пользователей об измененных новостях, а не их удаление. Удаление же недостоверных материалов осуществляется лишь в случае, если они могут причинить вред, в том числе когда они представляют угрозу конфиденциальности, или праву человека, или группы лиц свободно выражать свое мнение.

Есть и положительные примеры, позволяющие социальным сетям сделать направление дипфейк-технологий одним из ключевых в работе с инструментами для умной обработки пользовательского мультимедийного контента (видео, фото, анимация). Так, российская социальная сеть «Одноклассники» запустила дипфейк-сервис «Новый образ» для создания новогодних открыток. Социальная сеть планирует и дальше развивать собственные дипфейк-технологии: расширить возможности «Нового образа» и интегрировать его в разные механики и продукты, включая стикеры со своим лицом, фото профиля, рамки и др. Кроме того, в сервисе можно будет примерить одежду, прическу или аксессуары.

Представляется, что полностью запретить создание поддельных фото и видео людей не только крайне сложно, но и нецелесообразно, учитывая, что они широко применяются в кино, рекламе, реконструкции, юмористических шоу и т.д. Однако под запрет однозначно должны подпадать действия, связанные с обнародованием и распространением таких подделок. Отметим, что такой подход закреплен в национальном законодательстве (ст. 152.1 ГК РФ).

Закон не запрещает создание того или иного произведения с чьим-либо изображением, а формально-юридически внесение изменений в фото другого лица должно трактоваться как создание произведения¹⁷. Вместе с тем, как

отмечают Р. Амелин и С. Чаннов, установление ограничений на создание программ, систем и технологий, позволяющих вносить изменения в фото- и видеоизображения, является допустимым при условии, что такие ограничения не должны носить общий характер, в каждом конкретном случае должны учитываться цели создания программы и ее функционал¹⁸.

Несмотря на реальные угрозы дипфейк-технологий для прав человека, представляется, что данная технология является всего лишь одним из технических инструментов, имеющих как положительный, так и отрицательный эффект. В связи с этим перед законодателем стоит задача разработать и внедрить комплекс мер, применение которых позволит минимизировать возможность нарушения прав граждан дипфейк-технологиями.

Действенным способом борьбы с противоправными дипфейк-материалами, нарушающими права граждан, может стать разработка технологий искусственного интеллекта, способных выявлять следы применения дипфейк-технологий. Речь идет о механизме фактчекинга (англ. fact checking — проверка сообщений и выявления фейков), призванном сдерживать распространение дипфейков посредством инструментов оперативного тестирования информационных сообщений, аудио и видеозаписей на предмет их подделки, доступных не только медиаплатформам, но и частным лицам, просматривающим ту или иную информацию, а также пересылающим ее другим пользователям.

Представляется необходимым развитие сервисов и инструментов фактчекинга, применение которых должно быть бесплатным, простым, не требующим специального образования и серьезных IT-навыков. Наряду с фактчекингом, необходимо создание автоматизированных инструментов для обнаружения дипфейков, способных определить дату, время и физическое происхождение содержимого дипфейка, а в случае наличия признаков потенциальной опасности — остановить их размещение.

Целесообразно в социальных сетях и мессенджерах ввести обязательное упоминание создателями программного обеспечения о применении искусственного интеллекта при создании определенного рода материалов,

¹⁷ Нохрина М. Л. Субъективное гражданское право на собственное изображение в Российской Федерации // Петербургский юрист. 2017. № 1. С. 118.

¹⁸ Amelin R., Channov S. On the Legal Issues of Face Processing Technologies // Communications in Computer and Information Science. Vol. 1242. Springer Cham, 2020. P. 223–236.

введя обязательную маркировку дипфейк-контента, направленную на повышение осведомленности пользователей о таких материалах¹⁹.

Одновременно требуется создание нормативной базы, предусматривающей ответ-

ственность за создание и распространение дипфейк-материалов, которые могут нанести ущерб деловой репутации, унижить честь и достоинство человека, или материалов, распространяемых с другими преступными целями²⁰.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». — 2020. — № 4. — С. 379–386.
2. Капитонова Е. А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. — 2021. — № 6. — С. 19–27.
3. Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2021. — № 3. — С. 54–64.
4. Ключева А. А., Белов Д. А. Актуальное правовое исследование deepfake-технологий и новые вызовы для российской правовой системы // Вопросы российской юстиции. — 2021. — № 14. — С. 601–609.
5. Масликова Я. А. Дипфейки как угроза персональным данным // Грядущим поколениям завещаем: творить добро в защиту права : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Ногинск, 2021. — С. 396–400.
6. Нохрина М. Л. Субъективное гражданское право на собственное изображение в Российской Федерации // Петербургский юрист. — 2017. — № 1. — С. 115–120.
7. Amelin R., Channov S. On the Legal Issues of Face Processing Technologies // Communications in Computer and Information Science. Volume 1242. — Springer Cham, 2020. — P. 223–236.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Ivanov VG, Ignatovskiy YaR. Deepfakes: perspektivy primeneniya v politike i ugrozy dlya lichnosti i natsionalnoy bezopasnosti [Deepfakes: Prospects of application in politics and threats to personality and national security]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie» [RUDN Journal of Law. Series: State and municipal government]*. 2020;4:79-386. (In Russ.).
2. Kapitonova EA. Shantazh «nyudsami» i smezhnye deyaniya: problemy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii [Blackmail with «nudes» and related acts: Problems of criminal legal qualification]. *Ugolovnoe pravo [Criminal Law]*. 2021;6:19-27. (In Russ.).
3. Kiselev AS. O neobkhodimosti pravovogo regulirovaniya v sfere iskusstvennogo intellekta: dipfeyk kak ugroza natsionalnoy bezopasnosti [On the need for legal regulation in the field of artificial intelligence: Deepfake as a threat to national security]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya» [Bulletin of the Moscow State Region University. Serie: Jurisprudence]*. 2021;3:54-57. (In Russ.).
4. Klyueva AA, Belov DA. Aktualnoe pravovoe issledovanie deepfake-tekhnologiy i novye vyzovy dlya rossiyskoy pravovoy sistemy [Current legal research of deepfake technologies and new challenges for the Russian legal system]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii [Issues of Russian Justice]*. 2021;14:601-609. (In Russ.).

¹⁹ Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Указ. соч. С. 384.

²⁰ Ключева А. А., Белов Д. А. Актуальное правовое исследование deepfake-технологий и новые вызовы для российской правовой системы // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 607.

5. Maslikova YaA. Dipfeyki kak ugroza personalnym dannym [Deepfakes as a threat to personal data]. In: Gryadushchim pokoleniyam zaveshchaem: tvorit dobro v zashchitu prava: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [We bequeath to future generations: To do good in defense of the law. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation]. Noginsk; 2021. Pp. 396–400. (In Russ.).
6. Nokhrina ML. Subektivnoe grazhdanskoe pravo na sobstvennoe izobrazhenie v Rossiyskoy Federatsii [Subjective civil right to your own Image in the Russian Federation]. *Peterburgskiy yurist [St. Petersburg Lawyer]*. 2017;1:115-120. (In Russ.).
7. Amelin R, Channov S. On the Legal Issues of Face Processing Technologies. *Communications in Computer and Information Science*. Volume 1242. Springer, Cham; 2019. Pp. 223–236.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.120-130

К. С. Евсиков*

Цифровая трансформация альтернативного разрешения споров¹

Аннотация. Сегодня в России и в мире растет нагрузка на судей, что сказывается на качестве судопроизводства. Решению данной проблемы не уделяется должное внимание, хотя ее последствия могут негативно сказаться и на становлении информационного общества и развитии цифровой экономики. Нагрузка на одного сотрудника в некоторых региональных судах не позволяет надеяться на качество отправления правосудия. Пока проблема имеет локальный характер, но проведенное исследование позволило сделать прогноз, что в ближайшее время нагрузка на всех судей может начать расти более существенными темпами. Этому будет способствовать развитие системы электронного правосудия и эволюция LawTech. Сегодня на рассмотрение суда попадает не более половины социальных споров. Развитие информационных технологий в судопроизводстве может мотивировать ранее избегавших судов лиц обратиться за разрешением спора к государству. Этот процесс уже наблюдается в некоторых странах.

Выявление риска перегрузки судебной системы требует поиска вариантов его устранения. Одним из наиболее перспективных является цифровая трансформация системы альтернативного разрешения споров (АРС). Сегодня в России АРС не носит массовый характер, а значит, и помощь от него судебной власти незначительна. Внедрение «сквозных» цифровых технологий способно значительно повысить его эффективность. Анализ зарубежного опыта позволил выделить варианты цифровой эволюции АРС. На его основе предлагается сформировать отечественную систему цифрового разрешения споров, которая не заменит, а защитит от перегрузки существующую судебную систему. Для этого обосновано создание нескольких инновационных правовых конструкций: отказ от искусственного интеллекта в судопроизводстве, утверждение правила «сначала АРС», внедрение Process Mining как разновидности АРС, создание временных алгоритмов АРС, внедрение АРС в социальные медиа.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров; цифровое разрешение споров; цифровое государство; цифровое право; доступ к правосудию; нагрузка на судей; электронное правосудие; LawTech.

Для цитирования: Евсиков К. С. Цифровая трансформация альтернативного разрешения споров // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 120–130. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.120-130.

Digital Transformation of Alternative Dispute Resolution²

Kirill S. Evsikov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aid-ltd@yandex.ru

Abstract. Today, in Russia and in the world, the workload on judges is growing, which affects the quality of legal proceedings. Due attention is not given to solving this problem, although its consequences may negatively

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

© Евсиков К. С., 2022

* *Евсиков Кирилл Сергеевич*, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aid-ltd@yandex.ru

affect the formation of the information society and the development of the digital economy. The workload per employee in some regional courts does not allow us to expect the quality of the administration of justice. So far, the problem has been local in nature, but the study made it possible to predict that in the near future the workload on all judges may begin to grow at a more significant pace. This will be facilitated by the development of the electronic justice system and the evolution of LawTech. Today, no more than half of social disputes come before the court. The development of information technologies in legal proceedings may motivate persons who have previously avoided the courts to apply to the state for dispute resolution. This process is already being observed in some countries.

Identifying the risk of overloading the judicial system requires finding ways to eliminate it. One of the most promising is the digital transformation of the alternative dispute resolution system (ADR). Today in Russia, the ADR is not of a mass nature, which means that the assistance from it to the judiciary is insignificant. The introduction of «end-to-end» digital technologies can significantly increase its efficiency. The analysis of foreign experience allowed us to identify variants of the digital evolution of the ADR. On its basis, it is proposed to form a domestic system of digital dispute resolution, which will not replace, but will protect the existing judicial system from overload. For this purpose, the creation of several innovative legal structures is justified: the rejection of artificial intelligence in court proceedings, the approval of the rule «first ADR», the introduction of Process Mining as a kind of ADR, the creation of temporary ADR algorithms, the introduction of ADR in social media.

Keywords: alternative dispute resolution; digital dispute resolution; digital state; digital law; access to justice; workload on judges; electronic justice; LawTech.

Cite as: Evsikov KS. Tsifrovaya transformatsiya alternativnogo razresheniya sporov [Digital Transformation of Alternative Dispute Resolution]. *Lex russica*. 2022;75(11):120-130. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.120-130. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Одной из основных функций права является разрешение социальных конфликтов. В большинстве случаев этому способствуют органы публичной власти, которые принимают активное участие в их урегулировании или создают условия для их разрешения институтами гражданского общества. Эффективность разрешения социальных конфликтов обеспечивает взаимное доверие граждан, что оказывает прямое влияние на экономику. Согласно исследованиям, страны с низким уровнем взаимного доверия имеют более низкий ВВП на душу населения³.

Доступ к системе урегулирования споров оценивается разными показателями, среди которых важное место занимает «доступ к правосудию». Хотя в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации закреплено, что каж-

дому гарантируется судебная защита его прав и свобод⁴, механизм реализации данного права имеет серьезные недостатки. Исследования показывают, что на возможность реализации данного права влияет уровень нагрузки на судебную систему, который постоянно растет. При этом в некоторых судах он близок к критическому уровню. Например, средняя нагрузка на судью Арбитражного суда г. Москвы — более 100 дел в месяц, то есть на одно дело он может потратить не более 2 часов. За это время нужно принять дело к производству, провести предварительное и основное судебные заседания и написать решение⁵.

Всемирный банк, исследуя практику в области повышения доступа к правосудию, отмечает, что оказать значимое воздействие на реализацию данного права может альтернативное разрешение споров⁶ (далее — АРС). Под АРС в

³ Ramseyer J. M. Social capital and the formal legal system: Evidence from prefecture-level data in Japan // *Journal of Legal Analysis*. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 421–466. URL: <https://doi.org/10.1093/jlalav008>.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

⁵ Хвалей В. В арбитражных судах слишком много дел // *Ведомости*. 03.09.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/03/838644-arbitrazhnikh-sudah> (дата обращения: 01.10.2022).

⁶ Maru V. Access to Justice and Legal Empowerment: A Review of World Bank Practice. Justice and development working paper series. № 9 / World Bank. Washington, DC, 2009. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/18102> (дата обращения: 01.10.2022).

настоящей статье понимается метод выхода из социального конфликта путем создания алгоритма действий субъектов права, принимаемого ими как справедливое решение, без обращения в органы публичной власти. Зарубежные авторы выделяют следующие виды АРС: переговоры, арбитраж, посредничество, примирение⁷. Всемирный банк предлагает иную классификацию: арбитраж, примирение, медиация, советы по разрешению споров, в том числе омбудсмены, экспертные определения⁸.

Этот перечень не является исчерпывающим, так как АРС уже эффективно используют цифровые технологии. Широкое распространение получила система онлайн-разрешения споров (Online Dispute Resolution — ODR), а также начинает развиваться цифровое, или автоматизированное, разрешение споров (Digital Dispute Resolution — DDR). Указанные технологии пока недостаточно изучены отечественной юриспруденцией. Данная статья направлена на анализ их потенциала и формулирование рекомендаций по их внедрению в Российской Федерации.

Проблема доступа к правосудию в цифровом государстве

Органы публичной власти и международные организации признают наличие проблем с доступом к правосудию. Например, World Justice Project по результатам анализа, проведенного по 101 стране, установил, что примерно половина мирового населения (49 %) сталкивались хотя бы с одной юридической проблемой за последние два года. Из них 29 % обращались за советом к членам семьи или друзьям, 17 % обратились к властям или третьей стороне для

посредничества⁹. Столь низкий показатель доверия к судебной системе в разрешении споров обусловлен несколькими причинами: значительные судебные издержки, низкий уровень правовых компетенций граждан, длительные сроки рассмотрения дел, организационные барьеры для участия в отправлении правосудия.

Проблемы с доступом к правосудию существуют во всех странах и не зависят от уровня их благосостояния. Например, в США от подачи заявления до суда по гражданским делам может пройти 26,1 месяца (данные 2020–2021 гг.)¹⁰. В Европе время рассмотрения гражданских и коммерческих споров в первой инстанции составляет в среднем 250 дней, например в Литве — 97 дней, в Италии — 532 дня¹¹. Исследование доступа к правосудию в Европейском Союзе выявило следующие проблемы в отдельных странах:

1. Недостатки в организации национальной судебной системы, например отсутствие гарантий независимости судей.
2. Процессуальные препятствия, например сложность составления и подачи обращений в суд, сжатые сроки для обжалования.
3. Высокие размеры сборов за подачу документов в суд.
4. Высокая стоимость юридических услуг.
5. Длительные сроки судебных разбирательств.
6. Неисполнение судебных решений¹².

Это позволяет считать достоверными данные World Justice Project, которые указывают, что 1,4 млрд человек во всем мире не могут удовлетворять свои повседневные потребности в области гражданского и административного правосудия¹³. Например, в США 92 % граждан с низким доходом не могут получить

⁷ Kumari P. Alternative Dispute Resolution (ADR) (June 14, 2020) // URL: <https://ssrn.com/abstract=3626625> (дата обращения: 01.10.2022).

⁸ Alternative Dispute Resolution Center Manual A Guide for Practitioners on Establishing and Managing ADR Centers // The World Bank Group. 2011. 131 p. URL: https://web.worldbank.org/archive/website01553/archived/www.wbginvestmentclimate.org/uploads/15322_MGPEI_Web.pdf (дата обращения: 01.10.2022).

⁹ Global Insights on Access to Justice 2019 / World Justice Project. 2019. 128 p.

¹⁰ United States District Courts — National Judicial Caseload Profile // URL: https://www.uscourts.gov/sites/default/files/data_tables/fcms_na_distprofile0331.2021.pdf (дата обращения: 01.10.2022).

¹¹ Harley G., Said A. Fast-Tracking the Resolution of Minor Disputes : Experience from EU Member States / World Bank. Washington, DC, 2017. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/26100> (дата обращения: 01.10.2022).

¹² Effective Access To Justice. PE 596.818 // Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs European Parliament. B-1047. Brussels, 2017. 166 p.

¹³ Measuring the Justice Gap / The World Justice Project. 45 p. URL: <https://worldjusticeproject.org/our-work/research-and-data/access-justice/measuring-justice-gap>.

необходимой правовой помощи для разрешения гражданских конфликтов¹⁴. Это позволяет нам утверждать, что недостатки государственного управления сдерживают рост количества судебных споров. При снятии барьеров рост количества дел в судах может вырасти более чем в 2 раза.

Устранение барьеров для доступа к правосудию происходит достаточно успешно в рамках электронного государства, позволяющего получать государственные услуги онлайн без традиционных барьеров: сроки, стоимость, процедурная сложность¹⁵. Услуги в данном случае понимаются нами в широком значении: образование, здравоохранение, правосудие, регистрация актов гражданского состояния и др. В офлайн-государстве для подачи иска необходимо обратиться к юристу, который помог бы его составить, затем посетить банк, чтобы оплатить необходимые сборы, затем снять копии с документов, заверить их, сформировав комплект приложений. В электронном государстве для подачи иска не обязательно даже вставать со стула и обладать знаниями в области права. В большинстве случаев необходимо заполнить форму в приложении LawTech, загрузить ее на сайт суда, оплатить сбор банковской картой. Рост доступности услуги ведет к увеличению спроса на нее, а в случае с правосудием — и к росту нагрузки на судей.

Эти выводы подтверждаются статистикой по странам, активно внедряющим e-justice. Например, Эстония благодаря уникальной программе всеобщей цифровой идентификации граждан является лидером в развитии электронного государства в мире. Как результат, по состоянию на 2020 г. нагрузка на судью за последние годы выросла в два раза¹⁶.

Значимую лепту в рост нагрузки на судей вносят приложения LegalTech, которые работают по принципу «гонорар успеха». В данной экономической модели с гражданина взимается плата за юридические услуги только за успешное разрешение его спора. В Cambridge Handbook of Lawyering in the Digital Age отмечается, что значительная часть населения, ранее отказывавшаяся от реализации права на правосудие, уже пошла в суды с мелкими исками¹⁷. Развитие LegalTech снимет еще один барьер, препятствующий доступу граждан к правосудию, что может привести к повсеместному кризису судебной системы, аналогичному существующим сегодня проблемам в судопроизводстве г. Москва, где имеется беспрецедентный уровень нагрузки на одного судью. Это приводит к снижению времени, который судья может потратить на одно дело, и падению качества судопроизводства.

Это позволяет сделать вывод, что развитие электронного правосудия и LegalTech создает угрозу коллапса судопроизводства.

Ценность альтернативного разрешения споров для цифрового государства

Граждане во всем мире всё чаще прибегают к помощи судов. Например, рост числа исков за 2020 г. в США составил 5 %¹⁸, в 2021 г. роста не было, что обусловлено «локдауном», введенным из-за пандемии COVID-19¹⁹. В России рост судебных споров за 2021 г. составил 2,5 %²⁰. Нагрузка на суды растет по всему миру, и в некоторых странах это уже имеет катастрофические последствия. Например, в Индии несколько лет количество дел, поступающих в суды, выше

¹⁴ The Justice Gap // URL: <https://justicegap.isc.gov/> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁵ Евсиков К. С. Механизмы реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 36–49.

¹⁶ Artificial intelligence as the new reality of e-justice // URL: <https://e-estonia.com/artificial-intelligence-as-the-new-reality-of-e-justice/> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁷ De Elizalde F. LegalTech in Consumer Relations and Small-Value Claims: A Survey // The Cambridge Handbook of Lawyering in the Digital Age / L. DiMatteo, A. Janssen, P. Ortolani, F. De Elizalde, M. Cannarsa, M. Durovic (Eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 159–178. DOI: 10.1017/9781108936040.013.

¹⁸ Federal Judicial Caseload Statistics 2020 // URL: <https://www.uscourts.gov/statistics-reports/federal-judicial-caseload-statistics-2020> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁹ Federal Judicial Caseload Statistics 2021 // URL: <https://www.uscourts.gov/statistics-reports/federal-judicial-caseload-statistics-2021> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁰ Председатель ВС РФ подвел итоги работы судов за 2021 г. // URL: https://www.vsr.ru/press_center/mass_media/30781/ (дата обращения: 01.10.2022).

количества дел, рассматриваемых судами (проблема Docket Explosion)²¹.

Все это приводит государства к пониманию необходимости предоставить гражданам альтернативные инструменты для урегулирования социальных конфликтов. Такие механизмы уже существуют и активно используются в разных сферах общественной жизни. Они получили название «альтернативное разрешение споров». Условно их можно разделить на две группы:

1. Социальные методы альтернативного разрешения споров, которые включают в себя институты альтернативного разрешения споров, не урегулированные нормами права, к ним можно отнести обычаи, религиозные нормы и т.д. Примером подобных методов является обращение за разрешением споров к авторитету, не имеющему правового статуса, в том числе религиозному лидеру, лидеру социального сообщества.

Такой метод APC популярен в странах со слабой государственной властью, где формируется параллельная система разрешения конфликтов, например в Сомали²². Но и в странах с развитой системой государственного управления встречается подобный метод, например экспертные заключения, которые применяются при урегулировании правовых конфликтов в области строительства (Германия, Италия, США и др.). Эти экспертные заключения нормами права не регулируются, а для их применения стороны должны согласиться на их использование. В развитых странах использование подобного метода APC обусловлено уровнем взаимного доверия между субъектами права.

Социальные методы обеспечиваются обычаями, а их исполнение гарантируется силой общественного порицания. Институт социальной репутации в условиях информационного общества часто является достаточным средством принуждения, чтобы обеспечить выполнение субъектами конфликта решения социального арбитра. Например, системы рейтингов и отзывов на цифровых платформах могут нести для субъекта права более значимые негативные последствия, чем правовые средства принуждения к правомерному поведению.

2. Правовые методы альтернативного разрешения споров включают в себя институты

урегулирования конфликта, закрепленные нормами права. Условно их можно разделить на две группы по обязательности итогового решения для сторон:

2.1. Арбитраж — это процесс разрешения правовых споров путем назначения арбитра, независимого, нейтрального третьего лица, которое выслушивает и рассматривает особенности спора и выносит окончательное и обязательное решение, называемое арбитражным решением. Этот процесс аналогичен судебному процессу, поскольку он включает в себя вынесение решения, однако стороны выбирают своего арбитра и способ, которым будет проходить арбитраж. Например, если спор является довольно простым и не затрагивает никаких фактических вопросов, стороны могут договориться об отказе от формального слушания и предоставить арбитра только письменные заявления и документацию, что называется арбитражным разбирательством только с документами, тогда как в других случаях стороны могут желать полноценного разбирательства.

2.2. Посредничество — процесс разрешения споров, который фокусируется на навыках эффективного общения и ведения переговоров конкретного лица, выбранного сторонами. В обязанности посредника входит не вынесение решения по спорным вопросам, а лишь помощь в достижении согласия между участниками правового конфликта. Можно выделить несколько видов посредников:

- лица, осуществляющие посредническую деятельность на безвозмездной основе (представители НКО);
- лица, осуществляющие посредническую деятельность на профессиональной основе за плату, вносимую сторонами конфликта (нотариус, адвокаты, медиаторы и т.д.);
- лица, осуществляющие посредническую деятельность на профессиональной основе за плату, получаемую от государства (омбудсмен).

Перечень видов альтернативного разрешения споров не является исчерпывающим, т.к. на него влияют культурные особенности, правовая система страны и т.д. Например, в Новой Зеландии при разрешении споров с участием маори

²¹ Sirohi P., Chhachhar V. Docket Explosion of Courts in India (May 25, 2010). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1615385>.

²² Accessing Justice: Somalia's Alternative Dispute Resolution Centers by International Development Law Organization // URL: <https://www.idlo.int/publications/accessing-justice-somalias-alternative-dispute-resolution-centers> (дата обращения: 01.10.2022).

по закону *Te Ture Whenua Māori* модель посредничества определяется обычаями *Tikanga*²³. В общинах Ачех в Индонезии используются методы альтернативного разрешения споров, основанные на *Adat*²⁴, системе обычаев исламского права.

В странах прецедентного права используется метод «предварительной оценки дела» (*early neutral evaluation*), когда независимый эксперт, например судья Высокого суда в отставке, дает оценку позиции каждой стороны. Оценка является конфиденциальной и не имеет обязательной силы. Заключение по делу не может быть передано судье первой инстанции.

Польза от развития АРС признается во всех странах. Одновременно нет ни одного эталонного варианта системы АРС, способного значительно снизить нагрузку на суды. Следовательно, пока механизмы альтернативного разрешения споров не смогли предложить рецепт для обеспечения доступа к правосудию, ценность АРС для цифрового государства нельзя оценить как высокую.

DDR в цифровом государстве

В Европе действует Единая европейская платформа онлайн-разрешения споров (*European Online Dispute Resolution (ODR) platform*). Все представители интернет-коммерции, реализующие продукцию в ЕС, Исландии, Лихтенштейне или Норвегии, обязаны предоставить легкодоступную ссылку на указанную платформу и адрес электронной почты, чтобы платформа могла связаться с ними (ст. 14 Регламента (ЕС

№ 524/2013²⁵). Сегодня нельзя представить существование интернет-торговли без этого вида АРС. Однако его потенциал ограничен, а для повышения эффективности следует внедрять цифровые технологии.

Аналогичным путем идет и развитие электронного правосудия. Поскольку пик роста эффективности за счет институтов «электронного государства» во многих странах пройден, органы публичной власти начинают использовать сквозные цифровые технологии:

- аналитику больших данных;
- искусственный интеллект;
- виртуальную и дополненную реальность;
- квантовые технологии;
- распределенные реестры;
- облачные технологии;
- цифровые платформы.

Эти информационные технологии предоставляют большой потенциал для развития экономики, социальной сферы, государственного управления. Однако их применение требует новых правил и принципов правового регулирования²⁶. Важность развития данного направления отмечают Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН²⁷ и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)²⁸. Анализ существующей системы правосудия позволяет говорить, что вовлечение АРС в систему цифрового государства станет новым этапом ее развития, который сегодня получил наименование *Digital Dispute Resolution*.

О DDR уже активно говорят зарубежные ученые и практики на национальных и международных площадках. Например, в 2021 г. прошла конференция на площадке ООН²⁹, а Специализи-

²³ *Morris G. H., Alexander K.* Inclusiveness or Tokenism? Culture and Mediation in New Zealand's Dispute Resolution Statutory Regimes // 28 ADRJ. August 1, 2017. 170. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3258090>.

²⁴ *Kasim Fajri M., Abidin Nurdin.* Study of Sociological Law on Conflict Resolution Through Adat in Aceh Community According to Islamic Law // Samarah: Jurnal Hukum Keluarga dan Hukum Islam. 2020. Volume 4. № 2. P. 375–397. DOI: 10.22373/sjhk.v4i2.8231.

²⁵ Regulation (EU) No. 524/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No. 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Regulation on consumer ODR) // OJ L 165. 18.06.2013. P. 1–12. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1426859531321&uri=CELEX:32013R0524> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁶ *Минбалеев А. В., Берестнев М. А., Евсиков К. С.* Регулирование использования искусственного интеллекта в добывающей промышленности // Известия Тульского государственного университета. Науки о земле. 2022. № 2. С. 509–525.

²⁷ Digital Government // URL: <https://publicadministration.un.org/en/ict4d/Good-Practices-for-Digi-> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁸ Digital Government // URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁹ Conference UN. Dispute Resolution in the Digital Economy. March 2021 // URL: <https://uncitral.un.org/ru/disputeresolutiondigiteconomy> (дата обращения: 01.10.2022).

зированной комиссия Великобритании недавно опубликовала Правила DDR для отдельной категории споров³⁰. Эти правила в 2021 г. рекомендованы к использованию Правовой комиссией Англии и Уэльса³¹. Важность подобных мероприятий и документов нельзя переоценить. Несмотря на исследования, единое понимание сущности DDR не сформировалось. Предлагаемые некоторыми авторами точки зрения³² являются весьма спорными. Например, мнение о том, что программный алгоритм, созданный в рамках некой цифровой технологии (supervised learning, smart contracts и т.д.), является третьей стороной APC, а также гипотеза о том, что наступает новая эра разрешения споров без необходимости участия третьей стороны, на взгляд авторов, ошибочен. Подобная позиция может создать проблемы при определении лица, обязанного компенсировать ущерб, причиненный ошибочным решением алгоритма. С точки зрения права стороной, осуществляющей разрешение конфликта, целесообразно признать создателя или пользователя алгоритмом APC.

The Cambridge Handbook of Lawyering in the Digital Age указывает, что ученые-правоведы, ссылаясь на арбитраж или посредничество, часто считают само собой разумеющимся, что этих языковых ярлыков достаточно для обозначения определенной процедуры³³, что совершенно недопустимо. Ни один из указанных терминов не является монолитным, и каждый из них обозначает семейство феноменов, которые могут существенно различаться. Поэтому сложно установить четкие границы DDR.

Предлагаю понимать под ним все виды альтернативного разрешения споров, использующие сквозные цифровые технологии. Отличием, позволяющим выделить DDR среди иных APC, является использование алгоритма, формирующего итоговое решение или его часть

независимо от воли человека. При этом создание итогового решения может быть полностью автоматизировано, например смарт-контракты, или может предусматривать процедуру санкционирования человеком, например утверждение арбитром решения, созданного искусственным интеллектом. Хотя DDR находится в стадии становления и нуждается в апробации, уже есть системные исследования его принципов и моделей³⁴. Применительно к правовой системе Российской Федерации следует предложить применение следующих правовых конструкций.

1. Отказ от использования искусственного интеллекта в судопроизводстве

Во многих сферах общественной жизни рассматривают возможность применения искусственного интеллекта³⁵. Представляется, что будущим этапом развития правосудия станет использование искусственного интеллекта. Сегодня его применение, с учетом уровня развития технологий, сопряжено с рисками, которые неприемлемы для отправления правосудия.

Целесообразно ограничить использование систем искусственного интеллекта для отправления правосудия. Все алгоритмы, созданные для автоматизированного разрешения споров, необходимо рассматривать как DDR. В суде решение должен выносить только судья. В целях развития системы судопроизводства предлагаем допустить, что при урегулировании правового конфликта суд может обязать стороны использовать систему искусственного интеллекта. Вынесенное ею решение может быть принято сторонами, или они могут продолжить судебный процесс. Предлагаемая схема снижает риски неблагоприятных последствий от недостатков в работе алгоритма, сформированного методами машинного обучения, и сохраняет высокий общественный статус судьи.

³⁰ Digital Dispute Resolution Rules in UK Jurisdiction Taskforce // URL: https://35z8e83m1ih83drye280o9d1-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2021/04/Lawtech_DDRR_Final.pdf (дата обращения: 01.10.2022).

³¹ Smart Legal Contracts: advice to Government, Law Commission of England and Wales, 2021. Para 5.156 // URL: <https://perma.cc/4WFA-2JYP> (дата обращения: 01.10.2022).

³² Wagner G., Eidenmuelle Horst G. M. Digital Dispute Resolution (June 22, 2021). SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3871612>.

³³ Ortolani P. Digital Dispute Resolution: Blurring the Boundaries of ADR // The Cambridge Handbook of Lawyering in the Digital Age. P. 140–156.

³⁴ Minbaleev A. V., Evsikov K. S. Alternative dispute resolution in digital government // RBADR — Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution. 2022. Vol. 4(7). P. 119–146. DOI: 10.52028/rbadr.v4i7.8.

³⁵ Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.

Представляется, что использование искусственного интеллекта для вынесения судебного решения возможно только после создания сильного искусственного интеллекта, что в настоящее время — технически не решенная задача³⁶.

2. Утверждение правила «сначала APC» (ADR-first)

Для споров, решение которых может быть алгоритмизировано, государство должно установить правило «сначала APC». В разных странах дискутируется вопрос о том, можно ли закреплять обязательность APC для судебных споров. Многие государства пошли по этому пути и закрепили ADR-first в законодательстве. Авторам не удалось выявить примеры негативных последствий от подобного решения. APC следует рассматривать как неотъемлемую часть процесса разрешения споров, что позволяет не считать правило «сначала APC» барьером для доступа граждан к правосудию.

3. Process Mining как разновидность DDR

Центральное место в построении цифрового государства занимает адаптация публичных услуг под запросы населения. Одним из способов достижения этой задачи является переход к проактивному предоставлению государственных услуг. Государство на основании имеющейся у него информации анализирует, кому может быть предоставлена конкретная услуга, а затем либо информирует человека о возможности ее получения, либо предоставляет ее автоматически. При этом от гражданина не требуют сбора и дополнительных документов и оформления заявлений. Например, в России с 1 января 2022 г. граждане могут автоматически получать выплаты по временной нетрудоспособности либо по беременности и родам на основании электронного больничного листа, который все медицинские организации размещают в единой федеральной информационной системе «Соцстрах»³⁷.

Применение данного принципа в сфере DDR не лежит на поверхности. Действительно, разрешать спор человека, если он не заявляет об

этом, нецелесообразно. Однако в цифровом государстве органы власти должны сделать акцент на предотвращении споров. Таким образом, проактивное предоставление услуг по разрешению споров будет заключаться в анализе существующих или возникающих правовых коллизий и правовых пробелов с целью их оперативного устранения до появления массовых судебных дел.

Рассмотрим Process Mining на примере правовых конфликтов граждан с органами публичной власти. В цифровом государстве действия любого должностного лица оставляют цифровой след. При построении интегрированной системы государственного управления все эти следы фиксируются в едином «озере данных» (Data Lake). Принимая во внимание, что государство составляет алгоритмизированный процесс для каждой своей функции, в этом хранилище данных будет содержаться информация обо всех отклонениях конкретного должностного лица или органа власти от установленного процесса. Тогда информационная технология, используемая сегодня в коммерческих компаниях и называемая Process Mining, способна выявлять подобные несоответствия и анализировать их причины.

Представляется, что Process Mining может стать эффективным методом DDR. Управление этим цифровым инструментом, исходя из устоявшихся институтов APC, целесообразно передать Уполномоченному по защите прав человека в Российской Федерации.

4. Создание временных алгоритмов DDR

По данным World Justice Project, наиболее распространенными являются правовые конфликты в области потребительских споров, жилья, долгов, страховки и т.д.³⁸ Сходные типы споров присутствуют во всех странах мира. В разных странах правовая система имеет пробелы, порождающие массовые споры по определенной категории дел. Например, споры по оплате коммунальных услуг или взысканию задолженности по кредиту. В большинстве случаев подобные споры разрешаются судом

³⁶ Минбалеев А. В., Евсиков К. С. Информационные технологии противодействия коррупции // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2021. 14 (11). С. 1674–1689.

³⁷ Постановление Правительства РФ от 23.11.2021 № 2010 «Об утверждении Правил получения Фондом социального страхования Российской Федерации сведений и документов, необходимых для назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, единовременного пособия при рождении ребенка, ежемесячного пособия по уходу за ребенком» // URL: <http://pravo.gov.ru>.

³⁸ Global Insights on Access to Justice 2019 / World Justice Project. 2019. 128 p.

единообразно, а доводы сторон и доказательств являются типовыми. Опыт некоторых стран демонстрирует, что разрешению указанных споров может помочь специализированный механизм APC. Например, в России существовал массовый спор по кадастровой стоимости земельного участка³⁹. Количество судебных дел данной категории росло в геометрической прогрессии — до введения системы досудебного урегулирования споров. В рамках нее уполномоченные комиссии рассматривали обоснованность жалоб собственников земельных участков и выносили решения. После введения данного механизма количество судебных споров по данной категории дел в судах значительно снизилось.

Мы исходим из того, что массовые споры имеют временный характер, а их разрешение должно происходить путем изменения законодательства или правоприменительной практики. Однако до этого момента решить проблему может APC. Его механизмы особенно актуальны в условиях экономических и социальных кризисов, создающих значительное количество споров определенной категории.

5. APC в социальных медиа

Сегодня значительное число граждан России используют социальные платформы для реализации своих естественных прав, включая право на обмен информацией, культурные права, право на саморазвитие. Социальные медиа являются источником большого числа социальных конфликтов, которые необходимо разрешать⁴⁰. В большинстве стран имеется одна или несколько социальных сетей, имеющих доминирующее положение. Поскольку между физическим лицом и владельцем информационной платформы нет экономических отношений, то говорить о регулировании данных правоотношений законодательством о защите конкуренции нельзя. Однако социальные сети, пользуясь своим доминирующим положением, стали причинять ущерб общественным отношениям. Одним из самых известных примеров подобной политики является блокировка аккаунта действующего президента США в момент выборов. Незаконность действий IT-гигантов подтверждается судебными актами, принимаемыми в разных странах, признающих неправомерной

блокировку конкретного физического или юридического лица.

Поскольку в цифровом государстве роль информационных платформ будет возрастать, для урегулирования споров по данному вопросу целесообразно создание соответствующего арбитража. Так как количество споров может быть значительным, а предмет спора типовым, его рассмотрение целесообразно перевести в формат DDR.

Заключение

В большинстве стран мира уже существуют проблемы с доступом к правосудию, хотя, по экспертным оценкам, в суде находится не более половины всех возникающих в обществе споров. Эффективность электронного правосудия и развитие LawTech приводят к снижению данных барьеров и росту нагрузки на суды. Например, фиксируется увеличение споров по малозначительным искам, которые истцы ранее избегали возбуждать из-за стоимости юридических услуг и сложности судопроизводства.

Высокий потенциал для роста количества судебных споров позволяет утверждать, что без изменения системы разрешения споров при существующем уровне развития электронного правосудия судебные системы многих государств ждет перегрузка. Предотвратить эту ситуацию могут альтернативные способы разрешения споров.

В статье предложен научный термин для обозначения данного способа урегулирования споров. Автор предлагает понимать под APC метод выхода из социального конфликта путем создания алгоритма действий субъектов права, принимаемого ими как справедливое решение, без обращения в органы публичной власти. Цифровая трансформация APC приводит к появлению новой правовой категории — цифровое разрешение споров.

Изученный опыт позволяет выделить факторы, влияющие на появление DDR.

1. В большинстве случаев APC носит не массовый характер и применяется к отдельным категориям споров. Государства, как правило, продвигают APC в двух случаях:

³⁹ *Morris G. H.* The Final Piece of the Jigsaw: A Longitudinal Study of New Zealand's Commercial Mediation Market // *New Zealand Business Law Quarterly*. 2020. 26(1). P. 41–58.

⁴⁰ *Harshita A., Sen P.* Social Media-Tion: A Constructive Approach to Dispute Resolution? // *Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution*. 2021. 3(6). P. 131–145. URL: <http://dx.doi.org/10.52028/rbadr.v3i6.7>.

- для снижения нагрузки на суды, например по спорам, носящим массовый характер (дела с низкой стоимостью иска, трудовые споры и т.д.);
- для повышения доверия к системе органов власти, например в делах с иностранным инвестором, требующим высокого уровня доверия к арбитражу.

DDR может успешно помочь в разрешении первой категории споров.

2. Стороны соглашаются применять формы APC, даже не урегулированные нормами права, например экспертное определение. Следовательно, развитие DDR на начальном этапе может происходить без жесткой правовой регламентации и создания «регуляторных песочниц».

3. Страны, стремящиеся к цифровой экономике, используют новые виды APC, например ODR. Эти способы разрешения споров, как правило, ограничиваются использованием

Интернета для коммуникации между сторонами конфликта и независимым посредником. Использование данной технологии ускоряет и удешевляет разрешение спора, но приравнивать ODR к DDR нельзя.

4. APC использует более гибкие правила, а значит, оно способно быстрее адаптироваться к новым цифровым технологиям. Конкуренция с государственными судами будет стимулировать этот процесс. Таким образом, APC быстрее судов адаптируется к технологиям цифрового государства и сможет предотвратить проблему перегрузки судей.

Проведенный анализ позволил обосновать необходимость внедрения в России модели DDR, а также предложить принципы его построения: отказ от искусственного интеллекта в судопроизводстве; утверждение правила «сначала APC»; Process Mining как разновидность DDR; создание временных алгоритмов DDR; внедрение APC в социальные медиа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Евсиков К. С. Механизмы реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Журнал российского права. — 2019. — № 6. — С. 36–49.
2. Минбалеев А. В., Берестнев М. А., Евсиков К. С. Регулирование использования искусственного интеллекта в добывающей промышленности // Известия Тульского государственного университета. Науки о земле. — 2022. — № 2. — С. 509–525.
3. Минбалеев А. В., Евсиков К. С. Информационные технологии противодействия коррупции // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2021. — № 14 (11). — С. 1674–1689.
4. Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. — 2021. — № 9. — С. 107–116.
5. De Elizalde F. LegalTech in Consumer Relations and Small-Value Claims: A Survey // The Cambridge Handbook of Lawyering in the Digital Age / L. DiMatteo, A. Janssen, P. Ortolani, F. De Elizalde, M. Cannarsa, M. Durovic (Eds.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — P. 159–178. — DOI: 10.1017/9781108936040.013.
6. Harshita A., Sen P. Social Media-Tion: A Constructive Approach to Dispute Resolution? // Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution. — 2021. — 3(6). — P. 131–145. — URL: <http://dx.doi.org/10.52028/rbadr.v3i6.7>.
7. Kasim Fajri M., Abidin Nurdin. Study of Sociological Law on Conflict Resolution Through Adat in Aceh Community According to Islamic Law // Samarah: Jurnal Hukum Keluarga dan Hukum Islam. — 2020. — Volume 4. № 2. — P. 375–397. — DOI: 10.22373/sjhk.v4i2.8231.
8. Maru V. Access to Justice and Legal Empowerment: A Review of World Bank Practice. — Justice and development working paper series. № 9 / World Bank. — Washington, DC, 2009. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/18102>.
9. Minbaleev A. V., Evsikov K. S. Alternative dispute resolution in digital government // RBADR — Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution. — 2022. — Vol. 4(7). — P. 119–146. — DOI: 10.52028/rbadr.v4i7.8.
10. Morris G. H., Alexander K. Inclusiveness or Tokenism? Culture and Mediation in New Zealand's Dispute Resolution Statutory Regimes // 28 ADRJ. — August 1, 2017. — 170. — SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3258090>.
11. Ramseyer J. M. Social capital and the formal legal system: Evidence from prefecture-level data in Japan // Journal of Legal Analysis. — 2015. — Vol. 7, No. 2. — P. 421–466. — URL: <https://doi.org/10.1093/jlav008>.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Evsikov KS. Mekhanizmy realizatsii konstitutsionnogo prava grazhdan na uchastie v upravlenii delami gosudarstva [Mechanisms of realization of the constitutional right of citizens to participate in the state affairs administration]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;6:36-42. (In Russ.).
2. Minbaleev AV, Berestnev MA, Evsikov KS. Regulirovanie ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta v dobyvayushchey promyshlennosti [Regulation of the use of artificial intelligence in the extractive industry]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o zemle [Proceedings of the TSU. Geoscience]*. 2022;2:509-525. (In Russ.).
3. Minbaleev AV, Evsikov KS. Informatsionnye tekhnologii protivodeystviya korruptsii [Information anti-corruption technologies]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. The Humanities]*. 2021;14(11):1674-1689. (In Russ.).
4. Polyakova TA, Minbaleev AV. Ponyatie i pravovaya priroda «tsifrovoy zrelosti» [The concept and legal nature of «digital maturity»]. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2021;9:107-116. (In Russ.).
5. De Elizalde F. LegalTech in Consumer Relations and Small-Value Claims: A Survey. In: DiMatteo L, Janssen A, Ortolani P, De Elizalde F, Cannarsa M, Durovic M, editors. *The Cambridge Handbook of Lawyering in the Digital Age*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. DOI: 10.1017/9781108936040.013.
6. Harshita A, Sen P. Social Media-Tion: A Constructive Approach to Dispute Resolution? *Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution*. 2021;3(6):131-145. Available at: <http://dx.doi.org/10.52028/rbadr.v3i6.7>.
7. Kasim Fajri M, Abidin Nurdin. Study of Sociological Law on Conflict Resolution through Adat in Aceh Community According to Islamic Law. *Samarah: Jurnal Hukum Keluarga dan Hukum Islam*. 2020;4(2):375-397. DOI: 10.22373/sjhc.v4i2.8231.
8. Maru V. Access to Justice and Legal Empowerment: A Review of World Bank Practice. Justice and development working paper series. № 9. World Bank, Washington, DC; 2009. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/18102>.
9. Minbaleev AV, Evsikov KS. Alternative dispute resolution in digital government. *RBADR — Revista Brasileira De Alternative Dispute Resolution*. 2022; 4(7):119-146. DOI: 10.52028/rbadr.v4i7.8.
10. Morris GH, Alexander K. Inclusiveness or Tokenism? Culture and Mediation in New Zealand's Dispute Resolution Statutory Regimes. *ADRJ*. 2017;28:170. Available at: <https://ssrn.com/abstract=303880>.
11. Ramseyer JM. Social capital and the formal legal system: Evidence from prefecture-level data in Japan. *Journal of Legal Analysis*. 2015;7(2):421-466. Available at: <https://doi.org/10.1093/jlalav008>.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148

В. Д. Никишин*

Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений¹

Аннотация. Статья посвящена анализу мониторинга интернет-медиа на предмет распространения деструктивного контента и сопоставлению выявленных видов информации агрессивного и (ауто)деструктивного характера с законодательно закрепленными запретами и ограничениями права на свободу распространения информации. Автором рассмотрены вопросы сетевизации и децентрализации деструктивных сообществ в Рунете и развития радикальных движений, использующих технологию «ингамаси». С учетом выявленных в ходе исследования закономерностей распространения разных видов деструктивного контента, в том числе особенностей коммуникации в сетевых сообществах разных типов, было научно обосновано преломление теории «окно Овертона» к медиаполю распространения деструктивной информации в интернет-медиа.

Несмотря на наличие нормативной базы обеспечения информационной безопасности личности, реалии развития коммуникации в цифровой среде демонстрируют наличие множества серых зон; новые коммуникационные и контент-риски требуют системной трансформации и обновления правового регулирования цифровой среды с целью обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности личности. Учитывая тенденции распространения новых видов агрессивного и депрессивно-суицидального контента, рассмотренных в статье, сделан вывод о необходимости нормативного закрепления новых видов запрещенной и ограниченной в распространении информации путем внесения системных изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Закон РФ «О средствах массовой информации», а также совершенствования административно-деликтного и уголовного законодательства, в том числе путем введения новых составов правонарушений (преступлений).

Ключевые слова: информационная безопасность; вредоносная информация; деструктивный контент; медиабезопасность; деструктивные субкультуры; колумбайн; скулшутинг; вербовка; суицид; маносфера; «Мужское государство»; опасные хобби; антисемейные ценности; шок-контент; треш-стримы.

Для цитирования: Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 131–148. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

© Никишин В. Д., 2022

* Никишин Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
vnikidhin@msal.ru

Harmful Information in Internet Media: The «Overton Window» and Destructive Network Content Interrelationships²

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
vnikidhin@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the analysis of Internet media monitoring for the dissemination of destructive content and the comparison of the identified types of information of aggressive and (auto)destructive nature with legally fixed prohibitions and restrictions on the right to freedom of information dissemination. The author considers the issues of networking and decentralization of destructive communities in Runet and the development of radical movements using the Ingamasi technology. Taking into account the patterns of distribution of various types of destructive content revealed during the study, including the peculiarities of communication in network communities of different types, the refraction of the «Overton window» theory to the media field of the dissemination of destructive information in Internet media was scientifically justified.

Despite the existence of a regulatory framework for ensuring the information security of the individual, the realities of the development of communication in the digital environment demonstrate the presence of many gray areas. New communication and content risks require a systemic transformation and updating of the legal regulation of the digital environment in order to ensure the information and ideological security of the individual. Given the trends in the spread of new types of aggressive and depressive-suicidal content discussed in the paper, the author concludes that it is necessary to normalize new types of prohibited and restricted information by making systemic changes to the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection», the Federal Law «On the Protection of Children from Information that causes Harm their health and development», the Law of the Russian Federation «On Mass Media», as well as the improvement of administrative and criminal legislation, including through the introduction of new elements of offenses (crimes).

Keywords: information security; harmful information; destructive content; media security; destructive subcultures; columbine; schoolshooting; recruitment; suicide; manosphere; «Male state»; dangerous hobbies; anti-family values; shock content; trash streams.

Cite as: Nikishin VD. Vredonosnaya informatsiya v internet-media: «okno Overtona» i vzaimosvyaz destruktivnykh setevykh techeniy [Harmful Information in Internet Media: The «Overton Window» and Destructive Network Content Interrelationships]. *Lex russica*. 2022;75(11):131-148. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.131-148. (In Russ., abstract in Eng.)

Введение

Если ранее основным средством воздействия на сознание населения были СМИ (для которых в законодательстве предусмотрена процедура регистрации, соответствующая организационная структура и т.д.³), то сегодня над сознанием населения (а 85 % населения России являются пользователями Интернета⁴) властвуют средства массовой коммуникации, охватывающие как традиционные СМИ, так и интернет-медиа (социальные медиа, новые медиа, сетевые медиа и другие синонимы), в которых каждый

пользователь является генератором контента. Феномен пользовательского контента тесно связан со свойством виральности контента цифровой среды: сам факт широкого распространения тех или иных сведений служит для интернет-пользователей критерием истинности данных сведений (эра «пост-правды»).

В связи с ростом значимости интернет-медиа в формировании общественного мнения, реализации маркетинговых стратегий, воздействия на формирование мировоззренческих установок интернет-пользователей (в том числе деструктивных установок) назрела объективная

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

³ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Число пользователей Интернета в России достигло 124 млн // ТАСС. 19.10.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12698757> (дата обращения: 22.08.2022).

необходимость в пересмотре правового обеспечения информационной безопасности личности с учетом законодательного регулирования не только СМИ, но и других средств массовой коммуникации.

Киберпространство, по мнению канадского профессора У. Маккея, можно сравнить с большой неконтролируемой общественной игровой площадкой, где недобросовестные участники могут преследовать, запугивать и порочить других, вызывая эмоциональный и психологический стресс с относительной безнаказанностью⁵. Согласно меткому замечанию Ф. Н. Гурова, «в информационную эру индивид становится объектом манипулирования с целью обеспечить “заказчику” необходимое поведение пользователей»⁶.

По данным Лиги безопасного Интернета, около 43 млн аккаунтов в социальных сетях находится «под влиянием деструктивного контента», из них более 8 млн принадлежит подросткам⁷. В киберпространстве (прежде всего в социальных сетях) сформировалась целая широкая сеть деструктивных сообществ, используемых для массивной атаки на мировоззрение пользователей: депрессивный и (ауто)агрессивный контент внедряет в сознание пользователей те или иные поведенческие шаблоны, связанные с насилием.

1. Сетевизация и децентрализация деструктивных сообществ.

Технология «ингамаси»

Всеобщая цифровизация, глобализация информационных потоков и общественных отношений в целом тесно связаны с феноменом «сетевизации» общества, под которой понимается процесс развития системы глобальных горизонтальных связей на основе интернет-практик, которые позволяют людям общаться друг с другом, не прибегая к традиционным каналам,

созданным общественными институтами для социализации⁸.

Сетевизация общества (причем в мировом масштабе), феномены эхо-камер, групповой поляризации и т.д. ведут к выстраиванию в интернет-пространстве «идеологических сетей» — сетевых сообществ, объединяющих людей вокруг определенных идеологий, причем людей независимо от их местонахождения.

Такие сообщества создаются не только в форме *организаций*, имеющих единое руководство, четкую иерархию управления, распределение функциональных обязанностей членов организаций (например, среди радикальных организаций — «Маньяки. Культ убийств» («М. К. У.») и большинство экстремистских и террористических организаций), но и в форме *движений*, не имеющих института членства, четкой иерархии управления и т.д., но объединяющих физических лиц и их группы (ячейки движений) общей идеологией и дающих своим последователям и (или) руководителям ячеек «инструкции» по претворению их взглядов в жизнь как в мире физическом (например, по проведению «акций прямого действия»), так и в интернет-среде (по вовлечению новых «адептов», ведению медиаресурсов, использованию средств деанонимизации и т.д.). При этом ячейки движения действуют автономно, в случае отсутствия директив от руководства движения продолжают деятельность в соответствии с целями движения и т.д. Часть сетевых движений являются вовсе *децентрализованными*, не имеют высшего руководства (кроме квазируководства в лице администраторов интернет-сообществ (чатов, каналов)), такие движения синонимичны понятию *субкультур*.

Однако последнее не говорит о том, что децентрализованные интернет-движения существуют сами по себе как некие фан-сообщества: напротив, анализ характера распространения в социальных сетях контента, пропагандирующего деструктивные субкультуры,

⁵ MacKay W. Respectful and Responsible Relationships: There's No App for That. The Report of the Nova Scotia Task Force on Bullying and Cyberbullying. February 2012 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2123494&download=yes (дата обращения: 20.07.2022).

⁶ Гуров Ф. Н. Информатизация общества и трансформация субъекта коммуникативных практик // Гуманитарный вестник. 2019. № 4 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatizatsiya-obschestva-i-transformatsiya-subekta-kommunikativnyh-praktik> (дата обращения: 21.06.2022).

⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4576887> (дата обращения: 15.05.2022).

⁸ Ломпартер Д. Сетевое общество: основные понятия, концепции, развитие // URL: <http://fb.ru/article/458506/setevoe-obschestvo-osnovnyie-ponyatiya-kontseptsii-razvitie> (дата обращения: 21.07.2022).

позволяет сделать вывод о том, что данная деятельность системно организована, осуществляется с привлечением профессионалов в области психологии, медиакоммуникаций и т.п., крайне трудозатратна (создание и распространение медиаконтента, администрирование чатов, каналов, пабликов (как показал мониторинг, 1 аккаунт администрирует в среднем 5–7 деструктивных сообществ) и т.д.), а значит, и финансируема извне или коммерчески рентабельна (часть сообществ реализует собственные линейки продукции, а, например, в субкультуре «А. У. Е.»⁹ с ее последователями собираются денежные средства в «общак»). К числу деструктивных децентрализованных сетевых движений также относятся, например, субкультуры футбольных хулиганов, оффников, «Колумбайн» (скулшутинг)¹⁰ и др.

Последняя субкультура, как и ряд других террористических (особенно радикально-исламистских) организаций, фактически использует *технология «ингамаси»*. «Ингамаси» — это один человек или небольшая группа террористов, действующих автономно, самостоятельно выбирая время, место и орудия уничтожения. Главный принцип технологии «ингамаси» — через сетевую модерацию в любой нужной географической точке можно выявить психически «соответствующего» индивида и подготовить его для совершения теракта: помочь выбрать цель, подобрать доступное для него оружие, определить место и время для совершения преступления. «Помогают» в созревании боевика-ингамаси и выборе средств «доброжелательные собеседники» по социальным сетям. Первичный отбор боевиков-ингамаси ведется по месту, роли, степени и направленности уже имеющейся радикализации. После уточнения психологического профиля начинается «прокачка» — индивидуальная подготовка лица к действию, либо приуроченному к обозначенной «символической» дате, либо выступающему как ввод в общее поле насыщающего террора в стране-мишени¹¹.

Наибольшую опасность представляют паблики, намеренно использующие нейтральные названия, эвфемизмы или замену символов в

названиях, что не позволяет правоохранительным органам и администрациям сайтов осуществлять автоматическую детекцию таких тематических сообществ.

Кроме того, администраторы подобных сообществ, ввиду производимой «зачистки» социальной сети «ВКонтакте» от деструктивного контента, создают сообщества-клоны, а также активно «кочуют» в Telegram, при этом гиперссылки на телеграмм-каналы — в открытом доступе на страницах пабликов в сети «ВКонтакте», где эти паблики не «умирают», а переходят в «вялотекущий» режим, сокращая публикационную активность, но «переманивая» аудиторию в телеграмм-каналы.

2. Окно Овертона

Вербовка в сетевое деструктивное сообщество включает в себя 4 условных уровня:

- 1) *привлечение внимания* — знакомство пользователей с деструктивной информацией, увеличение количества подписчиков сообщества;
- 2) *формирование интереса* — взаимодействие веб-пользователей с деструктивной информацией (лайки, репосты, комментарии, сохранение в избранное), использование субкультурного сленга, сигн, символики, девизов и т.п.);
- 3) *культивация желания* — подписка на паблик или иной медиаресурс, скачивание медиаконтента из внешних источников (обычно облачных хранилищ, ссылки на которые размещаются в соответствующем сообществе), получение «знаков отличия» (имени, прозвища, номера и т.п.);
- 4) *мотивация к действиям* — объединение в закрытые сообщества (в том числе в сегменте даркнета), формирование «ячеек», распространение инструкций (по ограничению общения, поведению с родителями, использованию средств анонимизации, выполнению заданий «игры», созданию взрывчатых устройств, проведению «акций прямого действия» и т.п. в зависимости от вида деструктивного сообщества), призывы к насилию

⁹ Запрещенная в РФ экстремистская организация.

¹⁰ Запрещенная в РФ террористическая организация.

¹¹ Сундиев И. Ю. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху // Научный портал МВД России. 2018. № 1 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-verbovochnyh-tehnologiy-v-tsifrovuyu-epoxy> (дата обращения: 29.09.2022). С. 74–75.

(к окружающим или к себе в зависимости от вида деструктивного сообщества) и т.д.

Существенную общественную опасность, угрозу информационно-мировоззренческой безопасности составляет не только вовлечение веб-пользователей в деструктивные сообщества закрытого типа, но и распространение в открытых ресурсах интернет-медиа деструктивного контента, преобразующего аксиосферу (мировоззрение) пользователей по технологии «окна Овертона».

Данную технологию можно определить как технологию «нормализации», «легализации» не приемлемых обществом идей, алгоритм внедрения морально недопустимых явлений¹², которую представил американский политолог Джозеф Овертон в 1990 г. как модель изменения представления проблемы в общественном мнении (the migration from mere ideas to law)¹³. Согласно теории Д. Овертона, любую неприемлемую идею можно ввести в ранг нормы, последовательно транслируя в информационном пространстве и переводя в общественном сознании в новый ранг по шкале «немыслимо — радикально — приемлемо — разумно — популярно (стандартно) — норма (легально)».

«Окно Овертона» выступает инструментом социального конструирования действительности, создания «гиперреальности», технологией социальной инженерии. Она стоит «в ряду

технологий, структурирующих дискурс и позволяющих достигать эффективности, воздействуя на аксиокогнитивную систему адресата»¹⁴, т.е. трансформируя мировоззрение личности.

Данный феномен изучается в научной литературе с позиций философии, лингвистики, социологии, политологии, однако остается малоисследованным с точки зрения криминологии, криминалистики и информационного права.

О том, что вовлечение детей и подростков в деструктивные сообщества осуществляется фактически по технологии «окна Овертона», упоминали некоторые общественные деятели — исследователи вредоносного контента в социальных сетях: например, А. Афанасьев¹⁵, Я. Амелина¹⁶.

С учетом выявленных нами в ходе исследования закономерностей распространения разных видов деструктивного контента, в том числе особенностей коммуникации в сетевых сообществах разных типов, было научно обосновано преломление теории «окна Овертона» к медиаполю распространения деструктивной информации в современном Рунете. В таблице 1 отражена корреляция каждого из видов сетевых сообществ (уровней «воронки вовлечения», столбец 2) с целями информационного воздействия (столбец 5) для поэтапного открытия «окон» каждого этапа «окна Овертона» (столбец 1).

Таблица 1

Этапы «окна Овертона»: медиаполя деструктивной коммуникации

Этапы «окна Овертона»	Медиаполе деструктивной коммуникации			Цель
	Наименование	Степень открытости	Характер коммуникации	
Немыслимо	Группы-миллионники (обычно около 1 000 000 чел.)	Открытые группы	Транслируют в «легкой» форме (часто — через юмор) широкий спектр деструктивных идей. Знакомство пользователей с деструктивной информацией, увеличение	Привлечение внимания — снятие табу на запретные темы

¹² Lehman J. G. A brief explanation of the Overton window // URL: <http://www.mackinac.org/OvertonWindow> (дата обращения: 02.08.2022).

¹³ Lehman J. G. An Introduction to the Overton Window of Political Possibility // URL: www.mackinac.org/12481 (дата обращения: 02.08.2022).

¹⁴ Якоба И. А. Деконструкция технологии «Окно Овертона» в американском медийном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 177.

¹⁵ Афанасьев А. Дети Интернета, что они смотрят и кто ими управляет. М. : Наше завтра, 2021. С. 8–20.

¹⁶ Амелина Я. «Колумбайн»-движение в России полностью организуется с Украины // EurAsia Daily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/09/29/yana-amelina-kolumbayn-dvizhenie-v-Rossii-polnostyu-organizuet-sya-s-ukrainy> (дата обращения: 03.08.2022).

Этапы «окна Овертона»	Медиаполе деструктивной коммуникации			Цель
	Наименование	Степень открытости	Характер коммуникации	
			количества подписчиков сообщества	
Радикально	Группы широкого охвата (обычно 100 000 до 1 000 000 чел.)		Имеют тематический характер (по конкретному направлению деструктива). Взаимодействие веб-пользователей с деструктивной информацией (лайки, репосты, комментарии, сохранение в избранное), использование субкультурного сленга, сигн, символики, девизов и т.п.)	Формирование интереса к деструктивному направлению
Приемлемо	Узкотематические группы для тех, кто «созрел» (обычно до 1 000 чел.)	<i>Закрытые группы с условиями вступления (выполнение заданий)</i>	Посвящены глубокому погружению пользователей в деструктивную идеологию конкретного вида. Информационная подготовка к конкретным действиям. Скачивание пользователями медиаконтента из внешних источников (обычно облачных хранилищ, ссылки на которые размещаются в соответствующем сообществе), получение «знаков отличия» (имени, прозвища, номера и т.п.). Появление иерархии в группе. Выполнение заданий для вступления в группы более закрытого типа	Культивация желания
Разумно	Закрытые тематические группы «для своих» (обычно до 300 чел., чаще — 20–50 чел.)		Объединение в закрытые сообщества (в том числе в сегменте даркнета), формирование «ячеек», распространение инструкций (по ограничению общения, поведению с родителями, использованию средств анонимизации, выполнению заданий «игры», созданию взрывчатых устройств, проведению «акций прямого действия» и т.п. в зависимости от вида деструктивного сообщества), призывы к насилию (к окружающим	Мотивация к радикальным действиям, совершение «промежуточных» действий (в том числе офлайн)

Этапы «окна Овертона»	Медиаполе деструктивной коммуникации			Цель
	Наименование	Степень открытости	Характер коммуникации	
			в «игры», обсуждение отчетов о выполнении заданий «игр». Выполнение заданий для получения доступа к новым медиаресурсам и продвижения в иерархии сообщества	
Популярно	Переход в коммуникацию тет-а-тет с кураторами	<i>Личная коммуникация</i>	Выдача кураторами заданий «игр» и контроль их выполнения, выявление психологических проблем жертвы, установление личных данных о жертве и ее близких, последующий шантаж	
Норма	Переход в офлайн		Совершение жертвой деструктивного информационного воздействия конкретных <i>радикальных</i> насильственных действий по отношению к себе или к окружающим	Совершение радикальных физических действий

3. Агрессивный и депрессивно-аутодеструктивный контент: взаимосвязь деструктивных течений

Мониторинг социальной сети «ВКонтакте» демонстрирует, что «контингент» сообществ собственно агрессивного и депрессивно-аутодеструктивного характера зачастую пересекается, участники подобных сообществ не имеют устоявшейся картины мира, идеология того или иного сообщества выступает калейдоскопом идеологием, прикрывающих идею «чистого» насилия ради насилия, ради которой интернет-пользователи примыкают то к одному деструктивному течению, то к другому или являются одновременно адептами двух и более деструктивных течений. Например, как показали мониторинги социальных медиа, одни и те же веб-пользователи могут состоять в группах игиловцев¹⁷, колумбайнеров, инцелов, группах нацистского толка и (или) околосуицидальных сообществах. Анализ публикаций на личных страницах пользователей социальной сети «ВКонтакте» демонстрирует, как со временем

менялись предпочтения приверженцев культа насилия и жестокости: идеи борьбы за Донбасс могут сменяться исламистскими идеями, перемежаясь с идеями «неоязычества», школьных расстрелов и т.д.

Идеей, объединяющей большинство деструктивных сетевых сообществ, выступает *человеконенавистничество (мизантропия, «пиллхейт»)*, причем пропагандируется ненависть ко всему человечеству, культивируется ненависть к самому себе, «смыкаясь» с депрессивно-околосуицидальными идеями. Форсинг данной идеи осуществляется как в околуюмористических (квазиюмористических) пабликах и каналах, так и в собственно радикальных сообществах (в особенности — праворадикальной направленности).

Так, идея человеконенавистничества является идеологической основой деятельности колумбайнеров, членов организации «М. К. У.», движения «чистильщиков», NS/WP (НС/ВП, англ. NS, сокр. National Socialism, «национал-социализм» + WP, сокр. White Power, «белая власть»), фандома (сообщества фанатов) «хабаровского стрелка» и т.д. Данные деструктивные

¹⁷ ИГИЛ — запрещенная в РФ террористическая организация.

сообщества¹⁸ в той или иной степени «исповедают» идеи нацизма (национал-социализма), также пропитанного мизантропией.

К слову, зародившаяся в 2017 г. в Украине организация «М. К. У.» начала активно создавать свои ячейки в России, используя для вербовки медиаресурсы (чаты, каналы и т.п.) колумбайн-тематики; мониторинги новых медиа свидетельствуют также о пересекающемся составе руководства сетевых сообществ этих двух деструктивных направлений.

По данным Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (далее — ЦПЭ МГЮА) по состоянию на август 2022 г. в одной только социальной сети «ВКонтакте» функционирует более 5 447 онлайн-сообществ колумбайн-тематики (на которые подписано более 70 000 пользователей), и более 14 039 онлайн-сообществ, пропагандирующих культ убийств (на которые подписано более 800 000 пользователей).

Движение «чистильщиков» развернулось как сообщество сторонников, последователей банды молодых людей (была среди них и одна девушка), осужденных в 2017 г. за убийства с особой жестокостью лиц без определенного места жительства, а также просто попадавших под руку случайных подвыпивших прохожих (признаны виновными в убийстве 14 человек, каждой жертве было нанесено около 50 ранений ножом, молотком или камнем, одному из убитых — 171)¹⁹. Познакомились члены банды в сообществах типа «Time to Hate», в основе идеологии «чистильщиков» лежит идея установления «справедливости» путем очищения от «биомусора», что отчетливо прослеживается и в мировоззрении колумбайнеров, членов «М. К. У.» и других радикальных сообществ. Даже сейчас, спустя 5 лет с момента вынесения приговора, в социальных сетях можно легко найти десятки деструктивных сообществ по простому поисковому запросу «чистильщик» (к слову, львиная

доля которых — сообщества закрытого типа). Наибольшую опасность представляют паблики, намеренно использующие замену лексем и символов в названиях, что не позволяет правоохранительным органам осуществлять автоматический поиск таких тематических сообществ.

Одной из основных воронок вовлечения в сообщества колумбайновской, «М. К. У.» и иной радикальной направленности выступает так называемое *True Crime Community (ТСС, тпу-крайм комьюнити)* — сообщества «настоящих» преступлений, т.е. в понимании последователей данной субкультуры преступлений, мотивированных не корыстными, бытовыми и т.п. мотивами, а желанием убивать как таковым.

Распространение ТСС в русскоязычном сегменте социальных сетей и блогосферы — еще один тренд вестернизации медиапотребления в России: зародившаяся на Западе субкультура почитателей серийных и массовых убийц в последние годы активно распространяется и в Рунете. В какой-то мере ТСС можно рассматривать как фан-сообщество, которое объединяет образы реальных или вымышленных убийц. Радикальная часть ТСС не просто распространяет биографии маньяков и убийц, а героизирует их, романтизирует процесс убийства, осуществляет десакрализацию и эстетизацию смерти. Известные преступники праворадикальных взглядов, колумбайнеры — в числе «пантеона» фандома тпу-крайм комьюнити.

Для онлайн-сообществ ТСС-тематики характерны:

- эстетизация смерти и процесса убийства («эстетика отвратительного»);
- обоснование тезиса «убийство — норма и естество человека»;
- идеализация убийц, романтизация совершаемых ими деяний, оправдание убийц путем их виктимизации (они — жертвы обстоятельств и плохого к ним отношения и т.п.);
- пропаганда идеи стратификации на достойных и недостойных жить (убийство как борьба с «биомусором»)²⁰.

¹⁸ В данном случае мы употребляем термин «сообщества» в качестве обобщающего, при этом в УК РФ понятия «сообщество», «организация» употребляются для дифференциации различных преступлений.

¹⁹ Следователь Я. Мыц: «Нужно сказать, что они на самом деле не такие уж идейные, хотя и познакомились в правых группах. Они хотели насилия и только насилия». Солдатова: «с Леной (Лобачевой) мы часто обсуждали красоту смерти. Войтов и Лобачева интересовались серийными маньяками». Цит. по: *Илющенко Р. Безыдейные экстремисты // URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/bezydeynye-ekstremisty> (дата обращения: 27.08.2022).*

²⁰ Выявление и профилактика деструктивной пропаганды в молодежной и подростковой среде : методическое пособие / под ред. В. Д. Никишина. М. : Первый том, 2021. С. 90.

В социальной сети «ВКонтакте» сохраняется контент пабликов с названиями типа «Логика Убийцы», «Причины, чтобы убить», «Мир Маньяков и Серийных Убийц», «1 000 причин стать убийцей» и т.п., насчитывающих тысячи подписчиков и направленных на пропаганду неизбирательных массовых убийств, романтизацию насилия, эстетизацию смерти через псевдоюмористические мемы и иные тексты, арты, поликодовые тексты, при этом в последние 2 года наблюдается рост объема контента, героизирующего конкретных убийц в жанре *сторителлинга*. Несмотря на то что редакторы подобных пабликов делают оговорки типа «Моя группа не пропагандирует насилие. Не заставляет людей становиться убийцами. Я просто описываю возможные причины и мотивы ужаснейших поступков людей. Каждый описываемый преступник в итоге получает наказание», контент, размещенный в сообществе/паблике доказывает обратное: он носит агрессивно-пропагандистский характер. Подобного рода сообщества имеют аудиторию в среднем от 1 500 до 350 000 и более подписчиков, поэтому налицо необходимость поиска правовой модели противодействия распространению подобного рода деструктивной информации.

Популярностью также пользуются сообщества, позиционирующие насилие и убийство как неотъемлемый атрибут романтических отношений, а также транслирующие идеи кровавого сексуального насилия, пропагандирующие убийства половых партнеров или насилия над ними «вперемешку» с околосуицидальными идеями²¹.

По данным Лиги безопасного Интернета, с 2017 г. наблюдается 58-кратный рост активности в распространении контента, популяризирующего скулшутинг, массовые и серийные убийства (по состоянию на 2021 г. — более 520 000 вовлеченных интернет-пользователей Рунета, из них более 166 000 — подростки и дети).

Пропаганда культа насилия и убийств сопровождается форсингом «моды» на психические расстройства как в самих сообществах, про-

пагандирующих данный культ, так и в многочисленных пабликах (псевдо)юмористической, аниме- и иной направленности.

В новых медиа развиваются и сообщества, героизирующие конкретных преступников: битцевского маньяка, иркутских молоточников, хабаровского стрелка, архангельского взрывника и т.д.

«Хабаровский стрелок» — Антон Конев, 17-летний неонацист, в 2017 г. (21 апреля — в день рождения Гитлера) устроивший террористический акт в здании регионального УФСБ в Хабаровске (был убит ответным огнем). В подготовке теракта А. Коневу помогли И. Лимонов и А. Таланов, входившие в запрещенное экстремистское сообщество «Штольц» и отбывающие наказание в виде лишения свободы. Как отмечает Я. А. Амелина, история «хабаровского стрелка» демонстрирует «если не организационное единение неонацистов, политизированных неоязычников, “оранжистов” и изуверов, стоящих за околосуицидальными группами, то единство их взглядов на формы и методы борьбы за захват политической власти в стране — у кого-то более, у кого-то менее (до поры до времени) радикальные»²². В социальных сетях с 2017 г. функционируют онлайн-сообщества, как героизирующие А. Коневу, там и занимающиеся сбором помощи для И. Лимонова и А. Таланова.

В социальных сетях развиваются и сообщества, героизирующие другого 17-летнего террориста, устроившего взрыв в здании регионального УФСБ в г. Архангельске, — Михаила Жлобицкого, который, напротив, придерживался леворадикальных анархических взглядов (идеологии анархо-коммунизма). «Архангельский взрывник» был зарегистрирован в социальной сети «ВКонтакте» как «Сергей Нечаев» (в честь русского нигилиста и революционера XIX в. Сергея Нечаева), вел пропагандистскую деятельность в том числе в мессенджере Telegram (чат «Речи Бунтовщика» и др.).

В новых медиа функционирует сеть различных леворадикальных сообществ, идеология

²¹ Никишин В. Д. Трансформация института личной безопасности в условиях новой реальности: информационно-мировоззренческая безопасность цифровой коммуникации // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая : коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2021. С. 265–284.

²² Амелина Я. «Хабаровский стрелок», нацисты, Навальный и «группы смерти» // Сайт Кавказского геополитического клуба, 26 мая 2017 г. URL: <http://www.kavkargeoclub.ru/content/habarovskiy-strelok-nacisty-navalnyy-i-gruppy-smerti> (дата обращения: 20.08.2022).

которых основывается на концепциях псевдо-революционного, часто троцкистского и маоистского, а также анархо-коммунистического характера и ориентируется на насильственное упразднение капиталистической системы²³.

В русле идеологии анархизма, смыкаясь с идеологией женоненавистничества, развивается и движение инцелов. *Инцелы* (англ. incels, словослияние от англ. involuntary celibates — «невольно воздерживающиеся (от секса)») — члены субкультуры, идентифицирующие себя как неспособные найти сексуального партнера (несмотря на желание это сделать).

Вину за невольное воздержание инцелы целиком возлагают на женщин, называя их «фемоидами», призывая к изнасилованиям, законодательному установлению дискриминации женщин и легализации секс-рабства, призывая к осуществлению насилия в отношении сексуально активных людей, распространяя расистские взгляды и т.д.²⁴ Мировоззрение инцелов характеризует мизантропия, мизогиния, идеи превосходства мужчин, установления патриархата, жалость к себе и самоненавистничество, идеи биодетерминизма и социал-дарвинизма, восприятие насилия как нормы, как средства порабощения женщин и закрепления на государственном уровне их идеологии.

Американская правозащитная организация Southern Poverty Law Center описывает субкультуру как «часть онлайн-экосистемы сторонников превосходства мужчин», включенной в их список групп ненависти²⁵.

Несмотря на продвижение анархо-коммунистических леворадикальных идей, движение инцелов смыкается и с праворадикальной идеологией, являясь частью более широкой *маносферы* (мэносферы, от англ. manosphere) — экосистемы интернет-медиа, пропагандирующих маскулинность, ненависть к женщинам, мизогинию и антифеминизм и связанных с идеологией ультраправых и альтернативных правых (альт-райт). Как утверждают некоторые исследователи, инцелы являются частью растущей тенденции радикально-пра-

вых движений, которые страдают от неолиберализма²⁶.

С 2014 г. в Северной Америке было совершено не менее 5 массовых убийств лицами, которые самоидентифицировали себя как инцелы, мировая практика свидетельствует, что инцелы совершали в том числе и нападения на школьные и университетские кампусы. В русскоязычном сегменте Интернета сетевые сообщества инцелов начали активно развиваться примерно с 2019 г. (в социальной сети «ВКонтакте», в мессенджере Telegram и т.д.), при этом отчетливо прослеживается тенденция к «сращиванию» контингента подписчиков на ресурсы колумбайнерской и инцельской тематики («инцелизация колумбайнеров» / «колумбайнеризация инцелов»), что также подтверждает тезис о смешанном лево-праворадикальном характере мировоззрения инцелов (колумбайн в большей степени относится к национал-социализму, пропагандирует в том числе идеи нацизма).

Стоит отметить, что растет количество девушек, причисляющих себя к инцелам, хотя часть представителей инцелов считает, что ими могут быть только лица мужского пола.

В Рунете развилась целая сеть сообществ «*мужского движения*» (охватывается маносферой), выступающего, главным образом, за законодательное расширение прав мужчин и патриархальный уклад.

На основе *женоненавистнических*, мизогинических, антифеминистских идей в рамках «мужского движения» возвращаются и радикальные сетевые сообщества, перерастающие в движения и организации экстремистско-террористической направленности. Яркий пример — российское мужское движение «*Мужское государство*» (18 октября 2021 г. признано экстремистской организацией), осуществлявшее stalking и травлю женщин, которые были уличены в неприличном (по мнению последователей движения) поведении, пропагандировавшее идеи патриархата, мужского превосходства, ненависть к ЛГБТ-меньшинствам, а также идеи расизма и национализма

²³ Выявление и профилактика деструктивной пропаганды в молодежной и подростковой среде : методическое пособие. С. 8.

²⁴ *Никишин В. Д.* Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 11. С. 62–76.

²⁵ *Janik R.* «I laugh at the death of normies»: How incels are celebrating the Toronto mass killing. Hatewatch. Southern Poverty Law Center (24 апреля 2018).

²⁶ *Hoffman B., Ware J., Shapiro E.* Assessing the Threat of Incel Violence // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020. 43 (7). P. 565–587. DOI: 10.1080/1057610X.2020.1751459.

(охватывало более 150 000 интернет-пользователей).

Через социальные сети происходит вовлечение подростков и молодежи в *криминальные и околосубкультурные*. Так, продолжается распространение криминальной субкультуры «А. У. Е.», при этом после признания «А. У. Е.» экстремистской организацией ее последователи избегают использования в интернет-коммуникации соответствующих ключевых слов, всё больше маскируясь под «пацанские» паблики.

По данным ЦПЭ МГЮА, по состоянию на август 2022 г. в одной только социальной сети «ВКонтакте» функционирует более 132 662 онлайн-сообществ, пропагандирующих криминальную субкультуру, на которые подписано более 4 500 000 пользователей.

Субкультура *футбольных хулиганов (хулс)* по состоянию на август 2022 г. пропагандируется, например, в 25 893 сообществах социальной сети «ВКонтакте» (2 233 000 подписчиков). Данные сообщества транслируют аморальное поведение как норму в обществе за счет публикации большого количества контента с тематикой субкультуры околоспорта. *Околоспортивные оффники* — разновидность футбольных хулиганов. Оффники выступают постоянными участниками «забивов» — силовых выяснений отношений с противоборствующими группами фанатов других команд («контор»); проводятся в лесах (отсюда название — «лесной движ»); при этом часто видео с «забивов» монетизируются путем размещения на платных ресурсах или продажи в закрытых сообществах и чатах. В отличие от других асоциальных сообществ (например, «А. У. Е.»-групп), оффников интересует не нажива, а сам процесс участия в драке. В то же время футбольных хулиганов и «А. У. Е.» роднит увлечение оружием и ненависть к правоохранительным органам²⁷, что проявляется в том числе в использовании аббревиатуры «А. С. А. В.» (All Cops Are Bastards («Все копы — ублюдки»)) / All Coppers Are Bastards («Все мен-ты — ублюдки»), широко употребляется как фраза и тату среди европейских футбольных хулиганов).

Контент описанных выше радикально-агрессивных сетевых сообществ нередко содержит «вкрапления» *депрессивно-суицидального*

контента, который призван, во-первых, ввести реципиента в подавленное эмоциональное состояние, сделать его более внушаемым, подверженным радикальной пропаганде, а во-вторых, «нормализовать», десакрализовать смерть и ввести в сознание идею того, что агрессивные действия в отношении других лиц могут заканчиваться самоубийством как завершением «миссии» по установлению «справедливости» (очищения от «биомусора», борьбы с «неверными» и т.д.). Наиболее ярко это проявляется в сетевых сообществах, использующих вышеописанную технологию «ингамаси»: сообщества колумбайнерской, радикально-исламистской и т.п. направленности, в которых идея совершения одиночных терактов («насыщающий террор») в большинстве своем включает последующее самоубийство и (или) принятие «воином-ингамаси» мысли о том, что он будет убит ответным огнем.

Несмотря на зачистку интернет-медиа от суицидальных сообществ типа «Синий кит», информационная угроза распространения «*групп смерти*» сохраняется: данные сообщества мимикрируют, функционируют в режиме закрытых групп и чатов, избегают использования ключевых слов и хештегов #СинийКит, #4.20, #разбуди, #хочув, #киты и т.п., чем усложняют их выявление.

В современной медиасреде распространяется контент и иной аутодеструктивной («самоуничтожительской») направленности:

- пропаганда *селфхарма (самоповреждений)*;
- пропаганда моды на *булимия (в том числе сообщества анорексичек)*;
- пропаганда субкультурных течений, связанных с деятельностью с риском для жизни («*опасные хобби*»): ругерства, зацеперства, диггерства и т.п.

Еще один деструктивный тренд цифровой коммуникационной среды — *пропаганда антисемейных ценностей*. Так, в новых медиа осуществляется активный форсинг групп, создающих *отталкивающий образ материнства и детства*, занимающихся *проабортной и чайлдфри-агитацией*, снимающих моральный барьер на применение *насилия в отношении малолетних детей*. Кроме того, наблюдается значительный рост количества распространяемых в Интернете видеороликов о сексуальном

²⁷ Борисов Е. А. Футбольные хулиганы // Выявление и профилактика деструктивной пропаганды в молодежной и подростковой среде : методическое пособие. С. 116–130.

насилию над детьми (по данным на 2019 г. рост составил 541 %) ²⁸.

В **(псевдо)юмористических** пабликах-многомиллионниках активно распространяется контент (в форме мемов и иных поликодовых текстов), направленный:

- на пропаганду насилия, возбуждение ненависти в отношении *женщин* (особенно в отношении *беременных женщин*), *пожилых людей*, пропаганду *антиматеринства*, ненависти и насилия в отношении *детей*;
- *обесценивание человеческой жизни*;
- пропаганду *эйблизма*, унижение человеческого достоинства *инвалидов*;
- пропаганду жестокого отношения к *животным*;
- пропаганду *околосуицидальных идей*;
- пропаганду *некрофилии* и иных форм половых девиаций;
- *девиктимизацию жертв* колумбайнов, иных террористических актов и катастроф, введение насилия и скулшутинга в ранг нормы, а также широкое информирование аудитории о колумбайнерах и иных деструктивных субкультурах, т.е. массовые (псевдо) юмористические паблики служат отправной точкой в формировании информационного пузыря вокруг интернет-пользователя, который начинает уже сам искать информацию, например, о событиях в школе «Колумбайн», о движении скулшутеров в целом, и уже становится объектом более агрессивной пропаганды идей колумбайна или иных радикальных сетевых субкультур.

Пропаганда описанных выше деструктивных форм поведения (как собственного агрессивного, так и аутодеструктивного характера) происходит через различные *сетевые жанры контента*, которые, как показали мониторинги, в последние годы имеют тенденцию к сращиванию, генерации гибридных форм, совмещающих субкультурные особенности разных видов интернет-фольклора.

Так, в пропаганде агрессивной идеологии, наряду с *мемами*, *демотиваторами*, *комиксами* и т.д., активно используется *аниме*, которое само по себе является наследием традиционной японской культуры, однако через него в по-

следние годы активно транслируется широкий спектр деструктива: культ насилия и убийств, пропаганда суицида и селфхарма, нетрадиционных сексуальных отношений и половых девиаций и т.д.

В рамках аниме ²⁹ и манги ³⁰ сформировались целые деструктивные жанры и фандомы:

- *яой* (пропаганда гомосексуальных отношений);
- *юри* (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди лиц женского пола);
- *кровавое аниме*;
- *хентай* (дзюхати-кин) — содержит сцены изнасилования и других проявлений сексуальной жестокости;
- *эрогуро* («жесткий хентай») — содержит эротические сцены с расчлененными и выпотрошенными телами, демонстрацию каннибализма, некрофилии и т.п.;
- *эмо* — содержит пропаганду суицида;
- фандом манги и одноименного аниме-сериала «*Токийский гуль*» (пропаганда каннибализма);
- фандом манги и одноименного аниме-сериала «*Тетрадь смерти*» (культ убийств);
- фандом манги и одноименного аниме-сериала «*Темный дворецкий*» — «*Kuroshitsuji*» (культ смерти, мужская беременность и т.д.) и др.

Перечисленные и иные деструктивные аниме-фандомы генерируют в онлайн-сообществах и собственный контент — *фаноны* по мотивам соответствующих манг и аниме, при этом наблюдается распространение не только аниме-фан-арта, но и аниме-фанфиков.

Показательно, что на фоне развития в Рунете вышеупомянутого движения инцелов возникают и сообщества, распространяющие специализированное *аниме для инцелов*.

Культ смерти продвигается и через такой новый субкультурный сетевой жанр, как *феллцест* (*fellcest*), характеризующийся романтизацией и сексуализацией скелетов (зачастую — детского возраста) и атрибутов загробного мира.

Взаимопроникновение различных деструктивных субкультурных течений и сетевых жанров наглядно демонстрирует высказывание од-

²⁸ Амелина Я. А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи // Кавказский геополитический клуб. М. : Издатель Воробьев А.В., 2019. С. 8.

²⁹ Японская мультипликация.

³⁰ Японские комиксы (комикку).

ного из последователей колумбайна: «Люблю смотреть аниме, люблю феллцест и андертейл³¹, а также я люблю Эрика и Дилана эти чуваки в 1999 г. устроили геноцид в школе колумбайн, штат Колорадо, еще люблю яой и пить энергетики. Короче я феллцестер, колумбайнер и анархист, со мной скучно не будет».

Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений реализуется и через *фурри-сообщества* — еще один субкультурный тренд медиапотребления, пришедший с Запада. В самом широком смысле фурри — это люди, интересующиеся антропоморфными животными и причисляющие себя к фурри-фандому. Как показали мониторинги социальных медиа, фурри — это сформировавшаяся арт-субкультура, в которой животных рисуют частично в образе людей, т.е. как антропоморфных существ, как правило, гипертрофированно сексуализированных и чаще всего состоящих в однополых отношениях.

На видеохостинге YouTube распространяется ориентированный на детско-подростковую аудиторию *мультипликационный контент*, пропагандирующий смену пола (трансгендерство), нетрадиционные сексуальные отношения, насилие в отношении родителей, суицидальные идеи.

Одним из популярных в подростковой среде субкультурных сетевых жанров является *фанфикшн* — специфическая форма творчества, осуществляемая онлайн-сообществом людей на определенной тематической платформе (блог, сайт, сообщество в социальной сети и т.д.), с использованием в качестве основы какого-либо культурного феномена (явления общественной жизни; произведения литературы, кинематографа, телевидения, игровой индустрии)³².

Наиболее часто фандомы образуются и действуют на базе социальных сетей (Facebook, «ВКонтакте» и т.д.), блоговых платформ (diary.ru, beon.ru, tumblr.com), на фандомных сайтах (ficbook.net, fanfics.me и т.д.). Мониторинг интернет-медиа показал, что содержание публи-

куемого фандомами фан-арта носит нередко деструктивный и криминогенный характер.

Так, значительный объем проанализированных *фанфиков* (литературные произведения, написанные по мотивам исходного текста) содержит пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (жанры «слэш», «фемслэш», «инцест», «твинцест», теги «зоофилия», «некрофилия» и т.п.), насильственных сексуальных отношений (жанр «даб-кон» и т.п.), смену пола (жанр «гендерсвап» и др.), культура насилия и убийств (теги «убийства», «пытки», «рейтинг за насилие» и др.), суицида (тег «упоминания самоубийства» и др.), моды на психические расстройства (теги «психические расстройства», «психологические травмы», «психологическое насилие» и т.п.), употребления наркотических и психотропных веществ (тег «упоминание наркотиков» и др.), каннибализма и т.д.³³

Фан-арт распространяется в форме не только фанфиков, но и визуального фан-арта: рисунков, анимации, коллажей, мультипликации.

Одним из видов контента, популяризирующего культ убийств, снимающего психологический барьер на применение насилия как к окружающим, так и к самому себе, выступает *шок-контент*, содержащий натуралистичное и циничное описание неприглядных аспектов окружающей действительности, натуралистичное насилие, его эстетизацию. В социальных сетях функционирует сеть сообществ, каналов, аккаунтов, специализирующихся на шок-контенте, также данный контент размещается в субкультурных группах агрессивной или депрессивно-аутодеструктивной направленности. Понятие шок-контента охватывает в том числе *снаффы* (видеозаписи настоящих убийств людей, сделанные с целью последующего распространения для развлекательных целей)³⁴.

Шок-контент может репрезентироваться и через *треш-стримы* — трансляции, в рамках которых в прямом эфире демонстрируются издевательства над людьми. Такой видеоконтент способствует нормализации в сознании интернет-пользователей агрессии и девиантного

³¹ Undertale — компьютерная ролевая игра, героем которой выступает ребенок, попавший в загробный мир.

³² Никишин В. Д., Богатырев К. М. Фанфикшн: понятие, история и место в классификации объектов судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза. 2020. № 3 (63). С. 122.

³³ См., например: URL: <https://ficbook.net/find> (дата обращения: 20.06.2022).

³⁴ Выявление и профилактика деструктивной пропаганды в молодежной и подростковой среде: методическое пособие. С. 99.

поведения, создает позитивный образ треш-стримера как популярной медиафигуры, получающей за создание и распространение такого контента материальную выгоду (донаты). Создание треш-стримов нередко заканчивается причинением вреда здоровью или смертью лиц, в них участвующих (такой треш-контент фактически перерастает в шок-контент).

Еще одним жанром, обеспечивающим героизацию убийств, выступает *крипипаста* — жанр интернет-фольклора, представляющий собой небольшие рассказы, цель которых — вызвать эмоцию страха у читателя (как определяют крипипасту сами ее почитатели). Однако анализ контента сообществ поклонников крипипасты показал, что его значительный объем направлен на героизацию маньяков и серийных убийц, романтизацию и идеализацию совершаемого ими насилия. Например, одним из основных «идолов» крипипасты выступает персонаж Джефф-убийца, прообразом которого выступает Джеффри Дамер, убивший и изнасиловавший 17 парней и мужчин³⁵.

Мониторинг социальных медиа показал, что наблюдается тенденция гибридации крипипасты с фанфикшн, аниме, в том числе жанрами «яой» (гей-аниме) и другими деструктивными аниме-жанрами.

4. Правовое обеспечение противодействия распространению вредоносной информации

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³⁶, вслед за международными актами, гарантирует право на доступ к информации (ст. 8) и закрепляет, что ограничение доступа к информации устанавливается только федеральными законами в целях *защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства* (ст. 9).

Информация, признаваемая запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, должна носить ярко выраженный противоправный характер, наносящий вред неопределенному кругу лиц³⁷.

Отдельные запреты на распространение деструктивной информации и механизмы противодействия ее распространению предусмотрены также в ряде федеральных законов.

Статья 46 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³⁸ запрещает пропаганду наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, культивирования наркосодержащих растений.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³⁹ в ст. 1 дает дефиниции запрещенных к распространению экстремистских материалов, символики экстремистской организации и т.д.

В кодифицированных нормативных правовых актах установлена ответственность за речевые правонарушения экстремистско-террористической направленности; диффамационной направленности (ст. 152 ГК РФ; ст. 5.61, 13.15 КоАП РФ; ст. 128.1, 298.1, 297, 354.1, 319, 336 УК РФ), суицидальной направленности (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ), сексуальной направленности (ст. 133, 135 УК РФ), за реализацию речевых актов угроз (ст. 119, 296 УК РФ), за пропаганду наркотических средств (ст. 6.13 КоАП РФ), за злоупотребление свободой массовой информации (в том числе распространение «фейк-ньюз») (ст. 13.15 КоАП РФ), за нарушение требований распространения среди детей информационной продукции (ст. 6.17 КоАП РФ) и др.

Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴⁰ регулирует отношения, «связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой ин-

³⁵ Выявление и профилактика деструктивной пропаганды в молодежной и подростковой среде : методическое пособие. С. 101–102.

³⁶ СПС «Гарант».

³⁷ Определение Верховного Суда РФ от 18.02.2021 № 306-ЭС20-23827 по делу № А57-20357/2019.

³⁸ Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰ СПС «КонсультантПлюс».

формации, содержащейся в информационной продукции» (ст. 1). Статья 5 указанного закона закрепляет виды информации, запрещенной (ч. 2) или ограниченной (ч. 3) в распространении как причиняющей вред здоровью и развитию детей (табл. 2).

Таблица 2

Информация, запрещенная или ограниченная в распространении как причиняющая вред здоровью и развитию детей

Информация, запрещенная для распространения среди детей	
1	побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий
2	способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством
3	обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом
4	содержащая изображение или описание сексуального насилия
5	отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи
6	оправдывающая противоправное поведение
7	содержащая нецензурную брань
8	содержащая информацию порнографического характера
9	о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего
Информация, распространение которой среди детей определенных возрастных категорий ограничено	
1	представляемая в виде изображения или описания жестокости, физического и (или) психического насилия (за исключением сексуального насилия), преступления или иного антиобщественного действия
2	вызывающая у детей страх, ужас или панику, в том числе представляемая в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме ненасильственной смерти, заболевания, самоубийства, несчастного случая, аварии или катастрофы и (или) их последствий
3	представляемая в виде изображения или описания половых отношений между мужчиной и женщиной
4	содержащая бранные слова и выражения, не относящиеся к нецензурной брани

Более того, введенная в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в 2020 г. статья 10.6 «Особенности распространения информации в социальных сетях»⁴¹ была призвана повысить степень ответственности владельцев социальных сетей, их администраций за распространяемый на их ресурсах пользовательский контент, за контроль противодействия деструктивной информации, в

связи с чем в обязанности владельцев социальных сетей был также вменен *самостоятельный мониторинг социальных сетей* в целях выявления:

— материалов с *порнографическими изображениями* несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера;

⁴¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

- информации о способах, методах разработки, изготовления и использования *наркотических средств, психотропных веществ* и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений;
- информации о способах совершения *самоубийства*, а также призывов к совершению самоубийства;
- информации, нарушающей требования Федерального закона от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁴² и Федерального закона от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях»⁴³ о запрете деятельности по организации и проведению *азартных игр и лотерей* с использованием сети «Интернет» и иных средств связи;
- информации, содержащей предложения о розничной продаже дистанционным способом *алкогольной продукции*, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, и (или) этилового спирта, и (или) спиртосодержащей непищевой продукции, розничная продажа которой ограничена или запрещена законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции;
- информации, направленной на склонение или иное *вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий*, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц;
- информации, выражающей в неприличной форме, которая *оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность*, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации;
- информации, содержащей *призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности*, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, *недостоверной общественно значимой информации*, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, *информационных материалов иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной* на территории Российской Федерации, сведений, позволяющих получить доступ к указанным информации или материалам.

Выводы

Целями данной статьи были, прежде всего, рассмотрение основных видов агрессивного и (ауто)деструктивного контента, распространяемого в современной социально-медийной среде, и анализ взаимосвязи различных сетевых субкультурных течений как между собой, так и с различными видами (жанрами) онлайн-контента.

Мониторинги контента интернет-медиа показали значительное число деструктивных сообществ агрессивного и депрессивно-суицидального характера, а также значительный объем деструктивного контента, распространяемого в псевдоюмористических сообществах, при этом часть рассмотренных видов вредоносной информации не подпадает фор-

⁴² Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Федеральный закон от 11.11.2003 № 138-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О лотереях» // СПС «КонсультантПлюс».

мально под рассмотренные законодательные ограничения распространения информации.

Несмотря на наличие нормативной базы обеспечения информационной безопасности личности, реалии развития коммуникации в цифровой среде демонстрируют наличие массы «серых зон», новые коммуникационные и контент-риски требуют системной трансформации и обновления правового регулирования цифровой среды с целью обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности личности. Учитывая тенденции распространения новых видов агрессивного и депрессивно-суицидального контента, рассмотренных

в настоящей статье, назрела необходимость нормативного закрепления новых видов запрещенной и ограниченной в распространении информации путем внесения системных поправок в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Закон «О средствах массовой информации», а также совершенствования административно-деликтного и уголовного законодательства, в том числе путем введения новых составов правонарушений (преступлений).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амелина Я. А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи // Кавказский геополитический клуб. — М. : Издатель Воробьев А.В., 2019.
2. Афанасьев А. Дети Интернета, что они смотрят и кто ими управляет. — М. : Наше завтра, 2021. — 314 с.
3. Выявление и профилактика деструктивной пропаганды в молодежной и подростковой среде : методическое пособие / под ред. В. Д. Никишина. — М. : Первый том, 2021. — 136 с.
4. Гуров Ф. Н. Информатизация общества и трансформация субъекта коммуникативных практик // Гуманитарный вестник. — 2019. — № 4 (78).
5. Никишин В. Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 62–76.
6. Никишин В. Д. Трансформация института личной безопасности в условиях новой реальности: информационно-мировоззренческая безопасность цифровой коммуникации // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая : коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М., 2021. — С. 265–284.
7. Никишин В. Д., Богатырев К. М. Фанфикшн: понятие, история и место в классификации объектов судебной лингвистической экспертизы // Судебная экспертиза. — 2020. — № 3 (63). — С. 114–127.
8. Сундиев И. Ю. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху // Научный портал МВД России. — 2018. — № 1 (41). — С. 67–76.
9. Якоба И. А. Деконструкция технологии «окно Овертона» в американском медийном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 5 (92). — С. 175–187.
10. Hoffman B., Ware J., Shapiro E. Assessing the Threat of Incel Violence // Studies in Conflict & Terrorism. 2020. — № 43 (7). — P. 565–587. — DOI: 10.1080/1057610X.2020.1751459.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Amelina YaA. Benefis nenavisti. Kak «kolumbaynery» i kerchenskiy ubiytsa Vladislav Roslyakov stali «geroyami» rossiyskoy destruktivnoy molodezhi [Hatred Benefit. How the Columbineers and the Kerch murderer Vladislav Roslyakov became the «heroes» of the Russian destructive youth]. Kavkazskiy geopoliticheskiy klub [The Caucasus Geopolitical Club]. Moscow: Publisher Vorobyov A.V.; 2019. (In Russ.).
2. Afanasyev A. Deti Interneta, chto oni smotryat i kto imi upravlyaet [Children of the Internet, what they watch and who controls them]. Moscow: Nashe zavtra Publ.; 2021. (In Russ.).

3. Nikishin VD, editor. Vyyavlenie i profilaktika destruktivnoy propagandy v molodezhnoy i podrostkovoy srede: metodicheskoe posobie [Identification and prevention of destructive propaganda in the youth and adolescent environment: Methodology Guidelines]. Moscow: Pervyy tom Publ.; 2021. (In Russ.).
4. Gurov FN. Informatizatsiya obshchestva i transformatsiya subekta kommunikativnykh praktik [Informatization of society and transformation of the subject of communicative practices]. *Gumanitarnyy vestnik [The Humanities Bulletin]*. 2019;4(78). (In Russ.).
5. Nikishin VD. Kolumbayn (skulshuting): sushchnost, pravovaya kvalifikatsiya, kriminalisticheskaya diagnostika [The Columbine (School shooting): Essence, legal qualification, forensic diagnostics]. *Lex russica*. 2021;74(11):62-76. (In Russ.).
6. Nikishin VD. Transformatsiya instituta lichnoy bezopasnosti v usloviyakh novoy realnosti: informatsionno-mirovozzrencheskaya bezopasnost tsifrovoy kommunikatsii [Transformation of the institute of personal security in the conditions of a new reality: Information and ideological security of digital communication]. In: Blazheev VV, Egorova MA, editors. Pravo i obshchestvo v epokhu sotsialno-ekonomicheskikh preobrazovaniy XXI veka: opyt Rossii, ES, SShA i Kitaya: kollektivnaya monografiya k 90-letiyu Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYu) [Law and Society in the Era of socio-economic transformations of the 21st century: The Experience of Russia, the EU, the USA and China. A collective monograph for the 90th anniversary of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. Moscow; 2021. Pp. 265–284. (In Russ.).
7. Nikishin VD, Bogatyrev KM. Fanfikshn: ponyatie, istoriya i mesto v klassifikatsii obektov sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy [Fanfiction: Concept, history and place in the classification of objects of forensic linguistic expertise]. *Sudebnaya ekspertiza [Forensic examination]*. 2020;3(63):114-127. (In Russ.).
8. Sundiev IYu. Evolyutsiya verbovochnykh tekhnologiy v tsifrovuyu epokhu [The evolution of recruitment technologies in the digital age]. *Nauchnyy portal MVD Rossii [Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2018;1(41):67-76. (In Russ.).
9. Yakoba IA. Dekonstruktziya tekhnologii «okno Overtona» v amerikanskom mediynom diskurse [Deconstruction of the «Overton window» technology in American Media Discourse]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin]*. 2019;5(92):175-187. (In Russ.).
10. Hoffman B, Ware J, Shapiro E. Assessing the Threat of Incel Violence. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2020;43(7):565-587. DOI: 10.1080/1057610X.2020.1751459.

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.149-155

В. И. Пржиленский*

На пути к когнитивно-цифровой концептуализации понятия факта¹

Аннотация. В статье изучается проблема определения понятия факта в условиях цифровизации реальности, последовательно рассматриваются этапы становления данного понятия и зависимость соответствующих данным этапам концептуализаций от философских и научных теорий, а также от потребностей практического их использования. Анализу подвергаются достоинства и недостатки рассмотрения фактов в горизонтах классической и неклассической эпистемологии, в контексте физической и социологической теории, а также в разнообразных практиках, связанных с использованием IT-технологий. Подробно исследуются лингвистический, перцептивный и материально-практический компоненты понятия факта в современной науке и технологии обработки цифровой информации.

Автор резюмирует, что цифровизация детерминирует совершенно новые трудности для определения понятия факта как в нормотворческих, так и в правоприменительных практиках. С новыми трудностями рождаются новые возможности для переосмысления самого концепта факта и всего относящегося к сфере фактического. Когнитивные науки позволяют применять теоретико-информационные модели для объяснения процессов мышления и деятельности. Исследователи в сфере когнитологии не довольствуются абстракциями, когда вещи и явления намеренно вырываются из ситуации, из реальной жизни, из взаимодействия с людьми и иными вещами, из контекста, так как в этих условиях восприятие и описание становится ограниченным и непродуктивным. Однако есть и существенное отличие: произошедшие события, ситуации, сценарии рассматриваются как сложные и даже уникальные. Их недостаточно заметить, зафиксировать: факты нуждаются в операционализации, то есть в подготовке к обработке компьютерными системами, построенными с применением искусственного интеллекта. Операционализация должна быть достаточной для того, чтобы компьютер мог осуществить не только распознавание фактов, но и имитировать их объяснение и даже понимание.

Ключевые слова: факт; эмпирический факт; фактичность; эпистемология; язык; деятельность; цифровая реальность; концептуализация.

Для цитирования: Пржиленский В. И. На пути к когнитивно-цифровой концептуализации понятия факта // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 11. — С. 149–155. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.149-155.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Пржиленский В. И., 2022

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

vprzhilenskij@msal.ru

On the Way to Cognitive-Digital Conceptualization of the Concept of Fact²

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
viprzhilenskiy@msal.ru

Abstract. The paper studies the problem of defining the concept of fact in the conditions of digitalization of reality, consistently examines the stages of the formation of this concept and the dependence of conceptualizations corresponding to these stages on philosophical and scientific theories, as well as on the needs of their practical use. The advantages and disadvantages of considering facts in the horizons of classical and non-classical epistemology, in the context of physical and sociological theory, as well as in various practices related to the use of IT technologies are analyzed. The linguistic, perceptual and material-practical components of the concept of fact in modern science and technology of digital information processing are studied in detail.

The author summarizes that digitalization determines completely new difficulties for defining the concept of fact in both rule-making and law enforcement practices. With new difficulties, new opportunities are being born for rethinking the concept of fact itself and everything related to the sphere of fact. Cognitive sciences allow the use of information-theoretical models to explain the processes of thinking and activity. Researchers in the field of cognitive science are not content with abstractions, when things and phenomena were deliberately pulled out of the situation, out of real life, out of interaction with people and other things, out of context, because in these conditions perception and description becomes limited and unproductive. However, there is also a significant difference: the events that have occurred, situations, scenarios are considered as complex and even unique. It is not enough to notice them, to fix them: the facts need to be operationalized, that is, in preparation for processing by computer systems built with the use of artificial intelligence. Operationalization should be sufficient so that the computer can not only recognize facts, but also simulate their explanation and even understanding.

Keywords: fact; empirical fact; facticity; epistemology; language; activity; digital reality; conceptualization.

Cite as: Przhilenskiy V. I. Na puti k kognitivno-tsifrovoy kontseptualizatsii ponyatiya fakta [On the Way to Cognitive-Digital Conceptualization of the Concept of Fact]. *Lex russica*. 2022;75(11):149-155. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.149-155. (In Russ., abstract in Eng.).

Экспликация понятия факта — одна из самых сложных задач современной философии и науки. От успешного ее решения в немалой степени зависит и нормотворчество, и правоприменительные практики. Слово «факт» этимологически восходит к латинскому слову *factum* и означает «сделанное» или «совершившееся». В философском словаре данное понятие определяется как синоним сразу трех понятий: истина, событие, результат. Факт мыслится здесь как нечто реальное в противоположность вымышленному и как нечто конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего³.

Отдельной темой проходит интерпретация понятия факта в эпистемологии и философии науки, где введение данного термина объясняется необходимостью выделения особого рода предложений, фиксирующих эмпирическое знание, в противовес знанию гипотетическому и теорети-

ческому. Таким образом, определение понятия факта ставится в зависимость от совокупности явных или неявных онтологических допущений, а также от выбора эпистемологии, что приводит к спору фактуалистов (эмпиристов) и теоретиков (рационалистов): первые утверждают, что факт не зависит от теории, а другие отрицают это. «Факт, — пишет А. Л. Никифоров, — является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которой детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие — особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования»⁴.

² The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

³ Никифоров А. Л. Факт. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHf387ceeb8335fb490106f3> (дата обращения: 01.10.2022).

⁴ Никифоров А. Л. Факт. Новая философская энциклопедия.

Такова лабораторно-кабинетная трактовка понятия факта, которая соответствует классической эпистемологии: ученый фиксирует факты, полученные в процессе его взаимодействия с реальностью, чтобы составить из них новую теорию, но при этом он руководствуется прежней теорией. Именно так возникает идея диалектического единства теоретического и фактического, которая усложняется фактором материально-практического преобразования мира. Тем же А. Л. Никифоровым утверждается трехкомпонентная концепция факта — факт определяется как сложное явление, в структуре которого можно выделить лингвистический, перцептивный и материально-практический компоненты⁵.

Вместе с тем развитие естествознания, а затем и социальных наук приводит к еще одному расширению понятия факта. Не одно-единственное явление, но также и повторяющееся, закономерное, законосообразное явление заносится в разряд фактов. Так, например, кипение воды при определенной температуре или реакция общества на действия индивида хорошо известны и предсказуемы, что в первом случае позволяет физикам, а во втором — социологам считать их фактами. Э. Дюркгейм назвал социальным фактом способ действия, оказывающий на индивида внешнее принуждение. «Существуют известные течения общественного мнения, вынуждающие нас с различной степенью интенсивности, смотря по времени и стране, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к более или менее сильной производительности и т.п. Это, очевидно, социальные факты», — писал он⁶.

Эти споры ведутся со времен научной революции Нового времени. Они вряд ли были бы понятны древнегреческому философу, древнеримскому судье или средневековому теологу, обсуждавшим вопросы доказательства, достоверности, непосредственного знания. Древнеримскому судье, как и судье современному, важно было установить — сделал или не сделал ответчик то, что делать запрещает закон. Но древнеримский судья жил в мире вещей, он, как и обвиняемый, мог что-то сделать с вещами, в том числе и с говорящими вещами,

то есть рабами. Он мог что-то сделать с другими людьми, которые могли быть гражданами, он мог нанести им ущерб словом или делом, причем слово в этом случае считалось равновидностью дела. Мир вещей и поступков (дел, деяний) и регулировался законом, а из знания о вещах и поступках по законам логики можно было сделать вывод об отношении факта и нормы — факт подводился под норму.

Проблемы начались тогда, когда всё царство идей «упало на землю». Это произошло тогда, когда Декарт перенес *subiectum* из мира вещей и поступков в мир человеческой души, которая мгновенно превратилась в сознание, в «я», в бесконечную и, как позднее выяснилось, абсолютно непрозрачную человеческую субъективность. Именно там, в глубинах познающего субъекта, сегодня происходит смешение чувственных образов и логических форм, эмпирических данных и рациональных схем. А в познаваемом объекте в то же время вещи и поступки, доступные наблюдению, смешиваются, в том числе и произвольно, с результатами измерений и экспериментов, что также невозможно без взаимного влияния теоретического и эмпирического. И вот уже судья, не дожидаясь, когда разрешат свои сомнения философы, сам отделяет факт, который считает независимым от своего сознания, от факта, получение которого этим самым сознанием обусловлено. Так факты, собранные в лаборатории и подвергнутые обобщению, позволяют выдвинуть гипотезу, которая, будучи подвергнутой проверке и успешно пройдя ее, превращается в теорию.

Понятие факта было переосмыслено в неклассической эпистемологии. «Мир, — утверждал Л. Витгенштейн, — это совокупность Фактов, но не Вещей. В этом афоризме Витгенштейн также противоречит здравому смыслу, в соответствии с которым мир скорее как раз совокупность вещей... если Мир — всё то, чему случается быть, то это скорее Факты, а не Вещи. По Витгенштейну, реально существуют не вещи, а Вещи в их соединении с другими Вещами: это и есть Факты»⁷. Именно так рождается лингвистический компонент понятия факта, о котором писал А. Л. Никифоров.

⁵ Никифоров А. Л. Философия науки : История и методология : учебное пособие. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 156.

⁶ Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX — начала XX века. М., 1996. С. 259.

⁷ Витгенштейн Л. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. С. 20–21.

Философские идеи Л. Витгенштейна, легшие в основу аналитической философии, называют лингвистическим поворотом, хотя переосмысление роли языка характеризует и две другие крупнейшие философские традиции XX в.: феноменолого-герменевтическую и прагматическую. В немецкой философии появилось понятие фактичности, ставшее популярным благодаря работам М. Хайдеггера, одна из которых называлась «Онтология. Герменевтика фактичности»⁸. Выстраивая концептуальную оппозицию фактичности (Faktizität) и логичности (Logizität), основоположник экзистенциализма стремится прояснить отношение между жизнью и теорией, существованием и сущностью, изменчивым и неизменным. Фактичность мыслится здесь как нечто временное, случайное, индивидуальное, конкретное и неповторимое, в противовес вневременному, необходимому, универсальному.

Феноменологический поиск досубъективного и допредикативного, приводящий к понятию экзистенции, долгое время казался философской инициативой, направленной на прояснение смысловых коллизий. Но позднее обнаружилось, что развитие трансцендентальной феноменологии, фундаментальной онтологии или философской герменевтики имеет практическое применение в когнитивных науках. Особое значение тема противопоставления фактичности и логичности как дихотомии существования и сущности приобрело в условиях цифровизации. «Цифровой универсум, — пишет К. А. Очеретяный, — возвращает лицо, возвращает актуальный опыт не как опыт вещей, но как опыт согласия о вещах: знание явления в цифровой среде оказывается уже не столько явлением знания — дискурсивной системы координат, учреждаемой экспертными сообществами, сколько проявлением допредикативной ориентации, бытийных установок, экзистенциальной настроенности. Факт утверждается специалистами, фейк создается ради провокации или наживы, фейк не позво-

ляет очистить вещь от ложных наслоений, но эти наслоения и не являются в полном смысле слова ложными, скорее это след фантазии, ведущий в досубъективное, в допредикативное, экзистенциальное»⁹.

Спустя полвека, в рамках развития теории коммуникативного действия и объяснения с ее помощью сферы права, Ю. Хабермас противопоставит фактичности не логичность, а значимость (Geltung)¹⁰. Лингвистический поворот дополняется здесь прагматическим — факты мыслятся как нечто, рождаемое, фиксируемое и интерпретируемое в процессе коммуникации, то есть в результате действий и взаимодействий коммуницирующих друг с другом индивидов. Обращение к стихии коммуникации позволяет Ю. Хабермасу преодолеть заложенное еще Платоном и поддержанное Кантом удвоение мира, разделяющее его на мир чувственный (мир вещей, сферу фактического и действительного) и умопостигаемый (мир идей, сферу логического и нормативного). Как отмечает А. В. Денежкин, «напряжение между идеей и фактом оказывается тем самым инкорпорированным в реальную ткань языка... из которой уже никак нельзя вычлесть аналитико-лингвистические компоненты. Подобно практическому разуму, коммуникативная рациональность имеет некоторое нормативное содержание»¹¹.

Идеальные содержания буквально вплетены в ткань языка, сама лингвистическая структура конкретных выражений языка способствует пониманию идеализаций, при помощи которых передаются пропозиции и диспозиции содержания описываемых явлений действительности. «Мир как совокупность возможных фактов, — отмечает А. В. Денежкин, — не просто репрезентирует себя в языке. Скорее он конституирует себя с помощью языка для некоторого сообщества интерпретаторов, члены которого, коммуницируя, пытаются достичь взаимопонимания и рационального согласия. В соответствии с этой моделью, если кто-то выдвигает некое утверждение, то тем самым он требует

⁸ Михайлов И. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. М. : Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.

⁹ Очеретяный К. А. От факта к фейкту: трансформация опыта в цифровой реальности // Технологос. 2019. № 4. С. 46.

¹⁰ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Fr. a. M. : Suhrkamp, 1992.

¹¹ Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : КАМІ, ИФРАН, 1995. С. 185.

признания этого утверждения истинным (нормативно правильным, экспрессивно верным) со стороны других участников коммуникации»¹².

Не менее интересен подход когнитивных наук, в частности лингвистики, где показывается, как метафоры влияют на значения слов, а значит, и на их последующую концептуализацию. Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят примеры участия слова «факт» в различных речевых оборотах и предложениях, что отражается затем на их концептуализации. Например, быть фактом может означать «выполнять функции строительного материала». То есть быть пригодным для построения какой-либо логико-смысловой конструкции, например доказательства: «Нам необходимы еще факты, или аргументация развалится»¹³. Или выполнить функции строительного блока для теории: «Эти факты представляют собой кирпичи и строительный раствор для моей теории. Здесь ссылка делается на внешний каркас, в то время как метафора “теории — это строения” в обычном случае не предполагает упоминания использованных материалов»¹⁴. Как здесь не вспомнить афоризм Л. Витгенштейна: значение слова — это его употребление.

То, что в классической эпистемологии называется фактом, в когнитивных науках чаще всего именуют сущностью. У. Матурана описал процесс познания как биологический, один из вариантов (или элементов) процесса адаптации живого организма к окружающей среде. Наблюдатель должен обладать способностью взаимодействовать с наблюдаемой сущностью и с отношениями последней. Эти два элемента — сущность и отношения сущности с другими сущностями — образуют неразрывное единство. «Для наблюдателя сущность, — пишет У. Матурана, — является сущностью, когда он может описать ее. Описать — значит перечислить актуальные и потенциальные взаимодействия и отношения описываемой сущности. Поэтому описать какую-либо сущность наблюдатель может лишь в том случае, если имеется, по крайней мере, еще одна сущность, от которой он может отличить первую, имея возможность наблюдать взаимодействия или отношения между ними. На роль второй сущности, являющейся для опи-

сания референтной, годится любая сущность, однако в пределе референтной сущностью для любого описания является сам наблюдатель»¹⁵.

О том, что мир вокруг нас сложен, говорить излишне. Но человеческое мышление со времен ранних древнегреческих натурфилософов стремилось справиться со сложностью путем редукции сложного к простому. Отсюда их поиски «архэ» и «фюсис», завершившиеся умозрительными открытиями первоосновы, будь то вода, огонь или число. Ньютону, Лейбницу и Декарту удалось построить математические модели, сводящие физически неравномерное к алгебраически равномерному, геометрически неправильное к геометрически правильному и т.д. Все теории строились на основе обобщений и абстрагирования, цель которых — сведение многообразия к единству. Но компьютер требует умения предоставлять ему всю информацию и алгоритмы ее обработки, компенсирующие его неспособность к абстрагированию, объяснению, пониманию. Реальность по-прежнему едина, но, если она является цифровой, она уже неоднородна и ее единство не отменяет уникальности составляющих ее элементов. Эта реальность не описывается более дифференциальными уравнениями в частных производных, она сложна, многомерна и многообразна. «Важнейшим фактором сложности, — отмечает О. А. Гримов, — эмпирического изучения цифровой реальности является стремительная гибридизация онлайн- и офлайн-среды, граница между которыми стремительно размывается (например, в формате дополненной реальности). В результате формируется единое цифровое пространство, которое становится источником уникального социального, культурного и экзистенциального опыта пользователя. В этом аспекте перспективным является смещение акцента на изучение оставляемых в данном пространстве “цифровых следов”, уже не воспринимаемых как виртуальные»¹⁶.

По мнению автора, при изучении цифровой реальности на первый план выходят такие методологические новинки технологии анализа, как Big Data и «нереактивные методы», позволяющие совершенно по-новому взглянуть на

¹² Денежкин А. Указ. соч. С. 185.

¹³ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 75.

¹⁴ Лакофф Дж., Джонсон М. Указ. соч. С. 90.

¹⁵ Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1996. 416 с.

¹⁶ Гримов О. А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50.

цифровые следы, с полным основанием относя их к сфере фактического. Именно так можно эксплицировать понятие факта в условиях перехода от обычной к цифровой реальности — фактом здесь может быть как собственно физический, так и информационный след. Понятие «нереактивные» применительно к методам наблюдения за поведением людей, их мыслями и действиями впервые применили Е. Уэбб, Д. Кемпбелл и Р. Шварц. Под нереактивными методами они понимали негласную работу с документами и иной информацией, способной рассказать об интересующем наблюдателя индивиде, о его действиях, намерениях, интересах и предпочтениях¹⁷. Позднее Р. Ли заинтересовался ненавязчивыми (Unobtrusive) методами, это произошло спустя четыре десятилетия, т.е. в эпоху Интернета. Данный исследователь обратил внимание на способ, который он называет «инвентаризацией данных». Перед тем как информация вводится в компьютер, она проходит некую каталогизацию, но впоследствии, перед поиском определенной суб-информации, необходимо ре-каталогизировать ее, что и будет иметь смысл инвентаризации. «Хотя термин “инвентаризация”, — пишет Р. Ли, — до сих пор иногда используется для обозначения набора элементов, составляющих психометрическую шкалу, методы такого рода сегодня встречаются редко. Если они вообще выживают, то в виде временных бюджетов. Инвентаризация, используемая для сбора данных, громоздка и часто отражает довольно атеоретическую тенденцию к накоплению фактов. Более распространенное использование инвентаря состоит в том, чтобы перечислить в легкодоступной форме ресурсы различных видов. Появление Интернета, например, породило ураган инвентаризации в печатных и онлайн-овых списках рассылки, группах новостей и веб-сайтах»¹⁸.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что цифровизация создает совершен-

но новые трудности для определения понятия факта как в нормотворческих, так и в правоприменительных практиках. Но вместе с новыми трудностями рождаются и новые возможности для переосмысления самого концепта факта, а также всего относящегося к сфере фактического. Когнитивные науки (cognitive science) — это вновь возникшие области междисциплинарного исследования, позволяющие применять теоретико-информационные модели для объяснения процессов мышления и деятельности. В создании когнитологии приняли самое активное участие специалисты в области эпистемологии, когнитивной психологии, лингвистики, психолингвистики, психофизиологии, нейробиологии и компьютерных наук. Занимающиеся развитием когнитивных наук исследователи не довольствуются абстракциями, когда вещи и явления намеренно вырываются из ситуации, из реальной жизни, из взаимодействия с людьми и иными вещами, из контекста. В этих условиях восприятие и описание становится ограниченным и непродуктивным. Последнее характерно скорее для теоретической репрезентации или для музейно-коллекционного хранения, не говоря уж о собранных на месте преступления и помещенных в сейф доказательствах. Понятие факта как будто возвращается к исходному древнеримскому значению — «сделал / не сделал» или «произошло / не произошло». Однако есть и существенное отличие: произошедшие события, ситуации, сценарии рассматриваются как сложные и даже уникальные. Их недостаточно заметить, зафиксировать, «схватить» — факты нуждаются в операционализации, то есть подготовке к обработке компьютерными системами, построенными с применением ИИ. Операционализация должна быть достаточной для того, чтобы компьютер мог осуществить не только их распознавание, но и имитировать их объяснение и даже, насколько это возможно, — понимание.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Витгенштейн Л.* Избранные работы. — М. : Территория будущего, 2005.
2. *Гримов О. А.* Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2019. — № 3. — С. 42–50.

¹⁷ *Дудина В. И.* Цифровые данные — потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9 (389). С. 21–30.

¹⁸ *Lee R. M.* Unobtrusive methods in social research. Buckingham/Philadelphia : Open University Press, 2000.

3. Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. — М. : КАМІ, ИФРАН, 1995. — С. 181–209.
4. Дудина В. И. Цифровые данные — потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. — 2016. — № 9 (389). — С. 21–30.
5. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западно-европейская социология XIX — начала XX века. — М., 1996. — С. 256–309.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
7. Матурана У. Биология познания / Язык и интеллект. — М. : Прогресс, 1996. — С. 95–142.
8. Михайлов И. Ранний Хайдеггер : Между феноменологией и философией жизни. — М. : Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги, 1999. — 284 с.
9. Никифоров А. Л. Факт. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М. : Мысль, 2010. — 744 с.
10. Никифоров А. Л. Философия науки : История и методология : учебное пособие. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. — 280 с.
11. Очеретяный К. А. От факта к фейкту: трансформация опыта в цифровой реальности // Технологос. — 2019. — № 4. — С. 34–48.
12. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. — Fr. a. M. : Suhrkamp, 1992. — 704 S.
13. Lee R. M. Unobtrusive methods in social research. — Buckingham/Philadelphia : Open University Press, 2000. — 169 p.

Материал поступил в редакцию 1 октября 2022 г.

REFERENCES

1. Wittgenstein L. Izbrannyye raboty [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).
2. Grimov OA. Tsifrovaya realnost: sotsialnaya ontologiya i metodologiya empiricheskogo izucheniya [Digital reality: Social ontology and methodology of empirical study]. *Slozhnost. Razum. Postneklassika [Complexity. Mind. Postnonclassics]*. 2019;3:42-50. (In Russ.).
3. Denezhkin A. «Faktichnost i znachimost» Yu. Khabermasa: novye issledovaniya po teorii prava i demokraticeskogo pravovogo gosudarstva [«Facticity and significance» by Y. Habermas: New studies on the theory of law and the democratic rule of law]. In: Habermas Yu. Demokratiya. Razum. Nrvstvinnost: Moskovskie lektzii i intervyyu. [Democracy. Mind. Morality. Moscow lectures and interviews]. Moscow: KAMI, IFRAN Publ.; 1995. Pp. 181–185. (In Russ.).
4. Dudina VI. Tsifrovyye dannyye — potentsial razvitiya sotsiologicheskogo znaniya [Digital data — the potential for the development of sociological knowledge]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*. 2016;9(389):21-26. (In Russ.).
5. Durkheim E. Metod sotsiologii [Method of sociology]. *Zapadno-evropeyskaya sotsiologiya XIX — nachala XX veka [Western European sociology of the 19th — early 20th century]*. Moscow; 1996. Pp. 256–309. (In Russ.).
6. Lakoff J, Johnson M. Metaforyy, kotorymi my zhivem [Metaphors that we live by]. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2004. (In Russ.).
7. Maturana U. Biologiya poznaniya [Biology of cognition]. In: Yazyk i intellekt [Language and Intelligence]. Moscow: Progress Publ.; 1996. Pp. 95–142. (In Russ.).
8. Mikhaylov I. Ranniy Khaydegger: Mezhdru fenomenologiyey i filosofiyey zhizni [Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life]. Moscow: Progress-Tradition; Dom intellektualnoy knigi Publ.; 1999. (In Russ.).
9. Nikiforov AL. Fakt. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. [Fact. The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.]. Moscow: Mysl Publ.; 2010. (In Russ.).
10. Nikiforov AL. Filosofiya nauki: Istoriya i metodologiya: uchebnoe posobie [Philosophy of Science: History and Methodology: A textbook]. Moscow: Dom intellektualnoy knigi Publ.; 1998. (In Russ.).
11. Ocheretyanyy KA. Ot fakta k feyktu: transformatsiya opyta v tsifrovoy realnosti [From fact to Feikt: The transformation of experience in digital reality]. *Tekhnologos*. 2019;4:34-48. (In Russ.).
12. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Fr. a. M.: Suhrkamp; 1992.
13. Lee RM. Unobtrusive methods in social research. Buckingham/Philadelphia: Open University Press; 2000.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

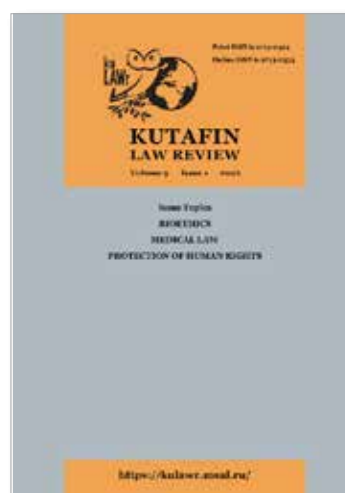
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008